

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА

ВЕСТНИК

**Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина**

Научный журнал

№ 1

Том 4. История

Санкт-Петербург
2011

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина**

Научный журнал

**№ 1 (Том 4) 2011
История
Основан в 2006 году**

Учредитель Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Редакционная коллегия:

В. Н. Скворцов, доктор экономических наук, профессор (главный редактор);
Л. М. Кобрина, доктор педагогических наук, доцент (зам. гл. редактора);
Н. В. Поздеева, кандидат географических наук, доцент (отв. секретарь);
Л. Л. Букин, кандидат экономических наук, доцент;
Т. В. Мальцева, доктор филологических наук, профессор;
Г. П. Чепуренко, доктор педагогических наук, профессор

Редакционный совет:

Е. А. Бочков, доктор исторических наук, профессор;
В. А. Веремеенко, доктор исторических наук, доцент (отв. ред.);
Н. Д. Козлов, доктор исторических наук, профессор;
В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент;
Г. Л. Соболев, доктор исторических наук, профессор;
А. М. Судариков, доктор исторических наук, доцент;
М. И. Фролов, доктор исторических наук, профессор

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, определенный Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации

Свидетельство о регистрации: **ПИ № ФС77-39790**
Подписной индекс Роспечати: **36224**

Адрес редакции:

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д.10
тел. / факс: (812) 476-90-34
[http: // www.lengu.ru](http://www.lengu.ru)

© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
имени А. С. Пушкина, 2011

Содержание

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

А. В. Кутузов

«Осада Орешка длилась много месяцев»: отражение обороны древнерусских крепостей в осажденном Ленинграде 7

С. О. Буранок

Нападение на Пёрл-Харбор: проблема взаимовлияния отчетов офицеров ВМС США 15

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Т. Г. Верхотурова

Штаты и численность енисейской губернской администрации (1822–1917 гг.) 24

В. С. Сидорова

Крестьянская семья и бытовая преступность в России во второй половине XIX в. 33

Е. А. Кочеткова

Национальная политика в Советском государстве в 1920-х – 1930-х гг.: случай финнов-иммигрантов в Карелии..... 40

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ

С. И. Подольский

Реформатор «хрущевского» периода – В.Н. Новиков 52

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

А. А. Голубев

Роль местной печати в обосновании необходимости строительства железной дороги к незамерзающему побережью Баренцева моря..... 61

В. В. Фортунатов

Реформа железнодорожного транспорта в современной России: итоги, уроки, перспективы 71

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РОССИИ

Д. И. Стогов

Русская правая периодическая печать в годы Первой мировой войны 83

А. А. Иванов

Правая группа Государственного совета в 1917 году: «председательский кризис» 92

<i>И. А. Тропов</i> Деятельность местных органов власти и управления Советской России по организации статистических работ в 1917–1920 гг.	101
---	-----

ИСТОРИЯ ПРАВА

<i>Д. Н. Соловьёв</i> Статус казачества как военно-мобилизационного ресурса.....	109
---	-----

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

<i>В. А. Макаров</i> Итоги восстания ихэтуаней в представлении британской образованной публики и проекты «новой политики» в Китае. 1900–1901 гг. (по материалам периодической печати Великобритании).....	119
Сведения об авторах.....	128

Contents

HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDY

A. V. Kutuzov

«The siege of Oreshek lasted for many months»: reflection
of the defence of ancient Russian fortresses
in besieged Leningrad 7

S. O. Buranok

Attack to Pearl Harbour: a problem of mutual influence
of the reports by officers of USA Naval Forces 15

SOCIAL HISTORY

T. G. Verkhoturova

The staff and the officialdom's quantity of Yenisei
province's administration from 1822 until 1917 24

V. S. Sidorova

Peasant family and household criminality in
second half of 19th century 33

E. A. Kochetkova

The National Policy in the Soviet country in 1920s – 1930s.:
Case of Finnish Immigrants in Karelia..... 40

THE PERSON IN THE HISTORY

S. I. Podolskii

Reformer «khrushchev's» period – V. N. Novikov 52

ECONOMY HISTORY

A. A. Golubev

The role of the local press in the foundation
of the necessity of the railway to the Barents Sea 61

V. V. Fortunatov

Railway transport reform in modern Russia:
results, lessons, prospects 71

RUSSIAN HISTORY PAGES

D. I. Stogov

The Russian right periodic seal in the years of the First World War.... 83

A. A. Ivanov

The right group of the State Council in 1917:
chairman's crisis taken place 92

I. A. Tropov
Activity of local governing bodies of the Soviet Russia
on the organization of statistical works in 1917–1920 101

LAW HISTORY

D. N. Solovyev
The Cossacks status as military-mobilisation resource 109

WORLD HISTORY PROBLEMS

V. A. Makarov
Results of the Boxer Rebellion in imagination of the British
establishment and projects of « New Policy» for China.
1900-1901. (By the Press)..... 119

About authors 128

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 930(470.23-25) «1941/1945»

*А. В. Кутузов**

«Осада Орешка длилась много месяцев»: отражение обороны древнерусских крепостей в осажденном Ленинграде

В статье «"Осада Орешка длилась много месяцев": отражение обороны древнерусских крепостей в осажденном Ленинграде» автор попытался определить влияние древнерусских канонов отражения обороны крепостей на создание официальной картины прорыва блокады Ленинграда. Военные работы историков, писателей и публицистов, рецензии посвященные обороне Орешка в 1611 г. автор сопоставляет с публикациями о взятии Шлиссельбурга, пытаясь ответить на вопрос: какую роль сыграл созданный во время войны образ героической обороны крепости Орешек (Шлиссельбург) во время прорыва блокады. В научный оборот впервые вводятся выдержки из блокадного дневника профессора Н. Н. Самарина.

In the article "The siege of Oreshek lasted for many months": reflection of the defence of ancient Russian fortresses in besieged Leningrad" the author tries to determine the influence of ancient Russian canons of describing fortresses defence on the creation of the official picture of Leningrad siege breaking. The author compares the published works of historians, writers and reporters on the defence of Oreshek in 1611 with the publications on Shlisselburg taking trying to define the importance of the created during the war image of the heroic defence of the fortress Oreshek (Shlisselburg) during the breaking of the siege. The extracts of Professor N. Samarin's diary written during the siege are published for the first time.

Ключевые слова: война, блокада, крепость, героизм, Орешек, Шлиссельбург, Ленинград.

Key words: war, siege, fortress, heroism, Oreshek, Shlisselburg, Leningrad.

Во время Великой Отечественной войны Ленинград был первым советским городом, не сдавшимся врагу. Историки, писатели, военные корреспонденты активно использовали аналогии, благодаря которым «оживали» исторические параллели. 23 июня 1941 г.

* **Кутузов Александр Владиславович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Северо-Западный филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации (Санкт-Петербург), действительный член Академии военно-исторических наук, член Ассоциации историков битвы за Ленинград и блокады.

«Правда» бесстрастно зафиксировала: «Ленинград. 22 июня. Известный исследователь истории техники проф. В. В. Данилевский <...> занялся изучением подготовки к обороне восточной территории русского государства. Часть этой работы, охватывающая период до 1747 г. уже сдана в печать. В беседе с корреспондентом «Правды» проф. В. В. Данилевский рассказал о первых результатах своих исследований:

– Опыт военно-инженерной подготовки к обороне русского государства – это одна из блестящих и не оцененных в полной мере страниц истории нашего отечества» [8]. Ленинградские ученые были первыми, обратившими внимание на важность истории русских крепостей: «постройкой крепостей Петр I так разрешил военно-инженерные задачи, что его преемникам осталось только пожинать плоды» [8].

В этой связи заслуживает внимания использование овеянных веками образов героической обороны. Крепость Орешек «построена русскими <...> амбразуры (подобно таковому во всех старых русских крепостях) направлены прямо вперед и снаружи немногим лишь шире, чем изнутри, то они не особенно удобны для стрельбы из них и для защиты. В одном из уголков крепости находится особая, крепко защищенная небольшая цитадель, откуда крепость может быть обстреливаема внутри. Эта крепость была взята на капитуляцию его королевским величеством шведским через полководца господина Якова Делагарди», – вспоминал Адам Олеарий¹, – «Нам говорили, что осажденные русские держались вплоть до последних двух человек. Когда они по капитуляции должны были выступить со всем скарбом и имуществом и со всеми находившимися при них людьми, то вышли только эти двое. Когда их спросили, где же остальные, они отвечали: остались только они одни, так как все другие умерли от заразной болезни. Вообще русских хвалят, что они гораздо храбрее и смелее держатся в крепостях, чем в поле» [13, с. 293].

Героическая оборона крепости Орешек активно использовалась на протяжении всей блокады. В журнале «Ленинград» напечатали рецензию: «Книга Шаскольского "Борьба русского народа за невские

¹ Адам Олеарий (1599–1671 гг.) научные заслуги позволили включить его в состав посольства шлезвиг-голлштейнского князя Фридриха III в должности помощника посла и секретаря. Его опубликованные записки сыграли огромную роль в ознакомлении Европы с Россией; Яков Делагарди (1583–1652 гг.) – шведский полководец, возглавлявший войска, действовавшие на территории России в период Смуты (1607–1613 гг.)

берега" [22] дает ясное представление о важнейших исторических событиях <...> Особенно интересна рецензируемая книга для нас, жителей Ленинграда и Ленинградской области. <...> Глубоко волнует читателя героическая оборона Орешка в 1611 г. Шведские войска под командованием известного полководца Делагарди много месяцев осаждали крепость, которой неоткуда было ждать помощи. Наконец герои Орешка подписали условие почетной сдачи. А когда ворота города раскрылись, удивленные шведские войска увидели перед собой горсточку полумертвых людей истощенных голодом и болью ран. Это была блестящая демонстрация мужества и железной воли. В те времена почетная сдача предлагалась лишь многочисленному и хорошо обеспеченному всем необходимым противнику. Шведы не подозревали, что в крепости остались одни калеки, думая, что из ворот выйдут стройные ряды воинов с развернутыми знаменами, под музыку труб и барабанов» [1, с. 14]. Исследование И. П. Шаскольского было издано в Москве до начала Великой Отечественной войны. В книжных фондах РНБ мы не смогли обнаружить издание военного времени, на которое, по-видимому, и была написана рецензия. В 1944 г. книга с аналогичным названием профессора В. В. Мавродина будет издана в Ленинграде [11].

Ленинградские историки М. А. Тиханова и Д. С. Лихачев тоже обращали внимание гарнизона города-крепости на исторический опыт: «когда после жесткой осады пала Корела (Кексгольм), то из трех тысяч жителей в ней осталось в живых всего 100 человек. В Орешке (Шлиссельбург) после штурма живыми оказалось всего 2 человека из гарнизона» [19, с. 41]. Блокированные гарнизоны сдаются лишь тогда, когда почти все их защитники пали в неравной борьбе: «Осада Орешка длилась много месяцев <...> посрамленные солдаты Де-ла-Гарди неоднократно отбрасывались с большим уроном от стен русской крепости <...> только тогда, когда всякое сопротивление оказалось невозможным, гарнизон крепости сдался, но при почетном условии свободного пропуска в Россию <...> к удивлению шведов, из крепости вышло, сгруппировавшись вокруг знамени, лишь несколько худых, истощенных людей. Это было все, что осталось от героического гарнизона Орешка. Все остальные погибли на стенах крепости, или умерли от ран, болезней и голода. Русская крепость сдалась лишь тогда, когда ее некому стало защищать» [11, с. 25]. Много лет спустя Владимир Васильевич Мавродин рассказывал студентам про нелегкое время, когда создавались подобные работы: «...делились кусочком хлеба, – нет! Продовольственными карточками, теплом желанной печки, как мы поддерживали друг друга, как навещали своих учителей наши сту-

денты, одетые в солдатские шинели, оставляя незаметно сухари и тарелки с кашей и унося взамен тяжелую весть о гибели многих видных ученых» [6, с. 6–7].

В 1943 г. ориентированный на массового читателя журнал «Огонек» обратился к опыту прошлого: «Железные когти блокады сдавили горло великого города на Неве. Немецкий стервятник вцепился в Шлиссельбург – древний русский Орешек; но этим орешком он и подавился. Здесь разжались его стальные когти. Героические традиции петровской гвардии, штурмовавшей Нотебург, воскресли в подвигах советской гвардии. Снова в дыму и огне русский гвардеец Парамонов первым вступил на отвоеванный левый берег Невы и слава петровских пушкарей зазвучала в грохоте орудий сталинских артиллеристов» [18, с. 10]. Подтверждали созданный историко-символический образ «ключ-города – Орешка» и фотодокументы, опубликованные в журнале «Ленинград»: «Южнее Ладожского озера наши войска, перейдя в наступление против немецко-фашистских войск, после семидневных напряженных боев прорвали блокаду Ленинграда... в освобожденном Шлиссельбурге восстанавливается нормальная жизнь – связисты восстанавливают постоянную связь, в город возвращаются жители» [21, с. 5].

Почти полностью соответствовали православному канону обороны крепостей публикации в советской печати: «Ленинград 21 августа (ТАСС) В грозный военный лагерь превратился Ленинград <...> Каждый завод Ленинграда – могучий бастион в системе обороны города» [4]. «Когда враг в августе стал подходить к городу Октября, десятки тысяч моряков пошли на передовые рубежи, став плечом к плечу с Красной Армией и рабочими отрядами города. В те дни моряками балтийцами была дана знаменитая клятва: "Пока бьется сердце в нашей груди, пока видят глаза, пока рука держит оружие, – фашистам не бывать в городе Ленина". Сильнейшая крепость СССР – Кронштадт, вместе с балтийской эскадрой и дальнебойными морскими батареями создала непроходимый огневой барьер перед немецкими дивизиями, пытавшимися "с хода" ворваться в Ленинград. Уже в боях 5 – 7 сентября в зоне фортов южного берега – немцы, впервые в истории тотальной войны были остановлены моряками и на ряде участков отброшены» [3, с. 1]. «Кронштадт держал и держит немцев и финнов на их прошлогодних сентябрьских рубежах. За год враг не смог сделать ни шагу вперед. Огонь морской артиллерии размалывает ежедневно сотни немцев и финнов» [3, с. 2]. «Ленинградцы, сражаясь насмерть, знают, что Ленинград – важнейший узел обороны страны. Он защищает с севера Москву и пути на Волгу, он защищает Север и Арктику, он защищает Балтийское море» [20, с. 2]. «Основа города – крепость! Помни об

этом товарищ, гражданин... Ты не просто "житель". Ты воин величайшей крепости России, крепости, которая стоит на исторически-центральных важнейших путях России» [2, с. 3]. «Первое поражение Гитлера было делом рук Ленинграда...» [2, с. 4].

Полковник М. В. Люшковский руководствовался теми же правилами, что и старомосковские книжники: «Город жил и работал не смотря ни на что. Город-фронт держал инициативу в своих руках. В 1941 и в 1942 гг. войска Ленинградского фронта перемалывали дивизии врага, срывая его неоднократные попытки к штурму. Сорок одна дивизия германо-фашистских и белофинских солдат перемолота перед укреплениями города-крепости. В январе 1943 года Ленинградский фронт прорывает блокаду в районе Шлиссельбурга. Враг сосредоточил двойное количество сил и средств для обороны своих позиций по сравнению с его обычными уставными нормами. Но это ему не помогло. Дивизии Ленинградского фронта, опираясь на свои укрепления, вдохновляемые Андреем Александровичем Ждановым, руководимые генерал-полковником товарищем Говоровым, берут штурмом "неприступные" немецкие позиции и тем прорывают оборону Ленинграда. Искусство сражаться в современной войне опирается, в первую очередь, на наличие современного вооружения – простого, удобного в действии и безотказного. Это вооружение было создано ленинградской военно-оборонной промышленностью. <...> Ленинград – это крепость, вооруженный лагерь, где каждый житель является бойцом. Каждый ленинградец сейчас обеспечивает победу, работая на фабрике, на заводе, строя оборонительные сооружения. Но, если враг предпримет новую попытку захвата нашего города, все его население возьмется за винтовку, автомат, пулемет, гранату, станет в ряды бойцов фронта и усилит их своим энтузиазмом и боевой выучкой, которое оно получило в часы между работой и кратковременным отдыхом. <...> В Великой Отечественной войне с германским фашизмом Ленинград первый остановил врага и тем самым подорвал иллюзии о "непобедимости" германо-фашистской армии. Ленинград является главной опорной точкой всего нашего тысячекилометрового фронта. Он охраняет наши северо-западные границы, нашу Балтику. Ленинград является важнейшей опорной базой Балтийского флота. Город-крепость Петербург-Петроград-Ленинград был, есть и будет неприступным для врагов» [10, с. 14].

В статье «Город славы», посвященной 240-летию Ленинграда, «гордости нашей родины» отмечалось: «Как символ стойкости и величия Советской страны стоит сейчас неприступной крепостью прекрасный город» [7, с. 1].

В трудах военных корреспондентов население города-символа не делилось на военное и гражданское, подобно гарнизонам древнерусских крепостей: «Николай Семенович показывает мне свою новую, недавно выпущенную Военным издательством в Москве книгу. Называется она "Ленинградский год"... Эта книжка – художественный дневник жизни и борьбы фронтового Ленинграда. <...> Образ героического Ленинграда, силу духа его мужественных жителей лучше и полнее всех передает в своем творчестве Николай Тихонов... Николай Семенович и Мария Константиновна почти безвылазно прожили в своем родном Ленинграде все время войны и вражеской блокады, перенесли много трудностей и лишений. Поэтому вывести их чем-либо из равновесия так же трудно, как трудно нарушить спокойную уверенность бывалых солдат, закаленных в огне войны» [5, с. 13].

В 1942 г. советские историки писали: «Город Ленина не забывает и славных традиций военного прошлого древней Руси. Его сыны обороняют свой город еще более стойко, мужественно, самоотверженно, чем это сделали героические люди древней Руси, умело отражавшие врага в случаях осады, разбивавшие его и никогда не склонявшиеся перед врагом» [19, с. 100].

16 февраля 1942 г. ленинградка С. К. Островская прокомментировала подобного рода публикации в своем дневнике: «Ах, любезный читатель, как трудна и неинтересна своей ужасающей, каждодневной подробностью такая жизнь! Хорошо говорить о героических защитниках города и о героическом и стойком настроении его несчастных жителей когда не живешь в таком городе и сам не переживаешь их героических и стойких настроений иначе, как с точки зрения иностранного обсерватора многодумного парткома или <...> исторической литературы. Тогда все это и героично, и стойко, и необыкновенно. Но так, нет, нет любезный читатель, не завидуйте им и нам, кому выпало на долю жить в осажденном и голодном городе...» [15, л. 11 (об)].

2 января 1942 г. в «Правде» была опубликована заметка «Наука побеждает смерть»: «Ленинград. 1 января. Ленинградский ордена Ленина институт усовершенствования врачей им. С. М. Кирова широко известен в нашей стране <...> В суровые военные дни сотрудники кафедры профессора Коган¹ [9] разработали и применили

¹ Фамилия указана неправильно, имеется в виду Цецилия Соломоновна Каган, место работы верно, – ГИДУВ. Дело в том, что сообщения из Ленинграда передавались, как правило, по телефону. См.: Каган Цецилия Соломоновна [9]. Иногда в книгах ее фамилию на титульном листе печатали правильно, а на оборотном – нет. В дневнике профессора Н. Н. Самарина указана фамилия Каган.

новые методы лечения гнилостных ран. Кафедра профессора Самарина стала широко пользоваться стрептоцидом для лечения инфицированных ран» [12].

В семейном архиве моего коллеги много лет хранится неопубликованный блокадный дневник его деда, доктора медицинских наук, профессора Николая Николаевича Самарина. В день, когда военный корреспондент передавал свою заметку в «Правду», профессор Н. Н. Самарин записал в дневнике: «1-1-42 г., четверг. Новый год. С утра было все как всегда, однако с наступлением сумерек начались несчастья. Электрический свет угас и угас стойко. В отделениях воцарилась полная мгла. Ни свечей, ни лампочек – ничего; выданное сестрам оливковое масло не горит. Мы с женою просидели весь вечер с маленькой керосиновой самодельной лампочкой без стекла. Читать едва можно. Лучше всего раскладывать пасьянс – «дипломат», этим благородным занятием я и развлекался до полуночи. Примерно около 12-и час[ов] ночи была объявлена воздушная тревога, но у нас на Васильевском острове она прошла совершенно незаметно, ни выстрелов, ни взрывов не было слышно» [17. Л. 54–55].

Скорее всего, Н. Н. Самарин так и не узнал о публикации в «Правде» – зимой 1941–1942 гг. ленинградское радио работало нерегулярно, газеты не доставлялись подписчикам. В своем дневнике о заметке в «Правде» он ничего не пишет. В день ее выхода, 2 января 1942 г. Н. Н. Самарин совершал утренний обход. Было темно и холодно и профессор «распорядился разрешить больным таскать в отделение их собственные одеяла». Когда дали свет – «прооперировал ущемленную грыжу у старушки» [17. Л. 56]. 6 января 1942 г. скупно заметил: «ни в газетах, ни по радио не видно ничего хорошего: нет ничего, на что можно было бы надеяться» [17. Л. 57]. По видимому, речь в данном случае шла о сводках советского информбюро. И, возможно строки «советская наука в сочетании с самоотверженной заботой о раненых побеждает смерть» [12] на глаза ему не попались. «В Ленинграде есть раненые, я хирург, поэтому я должен быть с ними», – рассуждал профессор Н.Н. Самарин – «Капитан всегда последним покидает корабль. Тов. Жданов не бежал из Ленинграда. Тов. Сталин не покинул Москвы» [17. Л. 55]. Похожая точка зрения прозвучит впоследствии и в официальном тексте ленинградского писателя Николая Тихонова [16. Л. 6].

Большинство ленинградцев считали себя частью крепостного гарнизона и мыслили аналогично. Хотя признавали и иное. «Трудно штатскому человеку жить в осажденном городе, который к тому же назван фронтом» [14. Л. 114], – записала 20 ноября 1941 г. в своем дневнике С. К. Островская.

С позиции канонов «классической» обороны древнерусских городов Ленинград идеально подходил для создания образа «города-крепости». Неслучайно первый шаг для возрождения традиции сделали ленинградские историки, неслучайно эту традицию подхватили писатели, военные корреспонденты и журналисты. Восстановление старого и создание нового оборонительного канона шло параллельно друг другу, огромную роль при отражении прорыва блокады сыграло обращение к незримой ассоциативной связи между «старым» Орешком и «новым» Шлиссельбургом.

Список литературы

1. В. Р. Среди книг // Ленинград. – 1941. – № 15. – Авг. – С. 14.
2. Вишневский Вс. Город русской славы // Ленинград. – 1943. – № 7. – Май. – С. 3–4.
3. Вишневский Всеволод. Беспощадно бить немцев // Ленинград. 1942. – № 1. Сент. – С. 1–2.
4. Вооруженный Ленинград // Правда. – 1941. – 22 авг.
5. Воронов Н. На шестом этаже ленинградского дома // Огонек. – 1943. – № 34–35. – 30 авг. – С. 13.
6. Вспоминает Маргарита Михайловна Замяткина (Дятлова) // Сборник воспоминаний выпускников исторического факультета 1958 года Ленинградского государственного университета – Взгляд через 50 лет – 2008 г. / сост. А.Н. Селиверстова. – На правах рукописи. – С. 5–9.
7. Город славы // Огонек. – 1943. – № 20. – 20 мая. – С. 1.
8. История русских крепостей // Правда. – 1941. – 23 июня.
9. Каган Ц.С. Ожоги. – Л.: Изд-во Главсевморпути, 1941; Она же. Ожоги. 2-е изд. – Л., Наркомздрав СССР; Медгиз Ленингр. отд, 1943.
10. Люшковский М. В. Ленинград – военная крепость России // Ленинград – 1943. – № 7. – Май. – С. 13–14.
11. Мавродин В.В. Борьба русского народа за Невские берега. – Л.: Госполитиздат, 1944.
12. Наука побеждает смерть // Правда. – 1942. – 2 янв.
13. Олеарий А. Описание путешествия в Московию // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. – Л.: Лениздат, 1986. – С. 287–470.
14. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 1448. Д. 9.
15. ОР РНБ. Ф. 1448. Д. 11.
16. ОР РНБ. Ф. 552. Д. 70.
17. Семейный архив Н.Ю. Самарина // Самарин Н. Н. В окруженном Ленинграде. – 140 л.
18. Сизов А. Русский орешек // Огонек. – 1943. – № 9. – 10 марта. – С. 10.
19. Тиханова М.А. Лихачев Д. С. Оборона древнерусских городов. – Л.: Огиз; Госполитиздат, 1942.
20. Тихонов Н. Любимый город // Ленинград – 1943. – № 7. – Май. – С. 1–2.
21. Фото М. Пригожина // Огонек. 1943. – № 5. – 7 февр. – С. 5.
22. Шаскольский И.П. Борьба русского народа за неевские берега. – М.: Воениздат, 1940.

Нападение на Пёрл-Харбор: проблема взаимовлияния отчетов офицеров ВМС США

В статье рассматриваются особенности анализа нападения на Перл Харбор в боевых донесениях. Изучено воздействие первой информации о нападении на последующие оценки военных. В статье анализируется воздействие докладов адмирала Киммеля на отчёты американских военных 1941–1942 гг. Рассматривается его концепция, источники.

In this article analysis of an attack on Perl Harbor in action reports. Studied impact of the first information about the attack on the follow-up assessments of military. The article is analysis of Kimmel's «Report of Action» (21 December 1941). It's conception, exhibits and influence on action reports 1941–1942.

Ключевые слова: Пёрл-Харбор, доклады военных, адмирал Киммель, война на Тихом океане.

Key words: Pearl Harbor, Action reports, Admiral Kimmel, the Pacific War.

В зарубежной и отечественной историографии недостаточно изученным остаётся вопрос о влиянии отчёта главнокомандующего Тихоокеанским флотом США контр-адмирала Х. Киммеля от 21 декабря 1941 г. (и его приложений, что немаловажно) на последующие донесения американских и военных, и чиновников. Но без этого остаётся неясной роль доклада для военно-политических деятелей США.

«Доклад о действиях 7 декабря 1941» контр-адмирала Х. Киммеля военно-морскому министру Ф. Ноксу является вторым по хронологии, после расследования военно-морского министра, общим описанием нападения на Перл-Харбор [11]. В нём отражены самые первые оценки главнокомандующего Тихоокеанским флотом произошедших событий.

Доклад, опубликованный в материалах комиссии О. Робертса [12], включает в себя семь кратких пунктов, но основная информация содержится в приложениях, состоящих из четырёх разделов, каждый из которых представляет собой отдельное донесение, кото-

* **Буранок Сергей Олегович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Поволжская государственная социально-гуманитарная академия.

рые выстроены в следующем порядке: 1) «Описание событий, случившихся во время японского воздушного нападения 7 декабря 1941»; 2) «Повреждения кораблей Тихоокеанского флота в результате японского нападения 7 декабря 1941»; 3) «Дополнительный отчёт о повреждениях кораблей»; 4) «Диспозиция наших сил, расположение в гавани и ведение поиска». Итоговый доклад от 21 декабря 1941 г., имеющий номер А16-3/ (02088), перечисляет лишь основные факты и моменты японской атаки 7 декабря. Адресован доклад военному-морскому министру и начальнику штаба военно-морских сил Г. Старку [24, р. 1570].

Первым необходимо решить вопрос о влиянии отчёта Киммеля на расследование и итоговый доклад военно-морского министра Ф. Нокса. Сложность заключается в том, что речь может идти и о взаимовлиянии, так как инспекторская поездка министра на Гавайи проходила в период с 9–14 декабря 1941 г. [23, р. 1749; 25, р. 269]. Это было первое расследование атаки и первый общий отчёт. Однако необходимо иметь в виду, что донесение Киммеля о повреждениях кораблей было составлено 12 декабря – последний день пребывания Нокса в Пёрл-Харбор [26, р. 273]. Кроме того, помимо ознакомления с документами, министр провел беседы с адмиралом Киммелем, генералом Шортом, адмиралом Блоком [22, р. 2257]. Таким образом, можно утверждать, что на доклад Нокса повлияла информация адмирала Киммеля, которая впоследствии легла в основу его собственного донесения.

Первый спорный момент о влиянии докладов друг на друга – это периодизация нападения. Нокс фиксирует, что нападение на Перл-Харбор было выполнено тремя ударными волнами японских самолётов [23, р. 1751]. Точно такое же разделение атаки присутствует в донесении адмирала Киммеля от 21 декабря [24, р. 1570]. Возникает вопрос: выделение в воздушной атаке трёх этапов впервые имеет место у Нокса (15 декабря), а затем воспринято адмиралом (21 декабря); или наоборот – создано Киммелем при подготовке рапорта от 12 декабря (или в устном отчёте министру) и зафиксировано Ноксом в его докладе? Наиболее вероятным представляется второй вариант, так как расследование военно-морского министра было первоначальным, быстрым и вдаваться в особенности периодизации налёта у него не было времени. Зато для адмирала Киммеля, как мы уже подчёркивали, это была непосредственная задача.

Главное, что и Нокс и Киммель признали наиболее успешными действия первой волны [23, р. 1751; 24, р. 1570], вторая была встречена уже сильным зенитным огнём и потеряла несколько самолётов [27, р. 18], а третья встретила настолько сильное сопротивление,

что не смогла нанести эффективный удар [23, р. 1751; 24, р. 1570]. Здесь очевидно влияние информации Киммеля.

В следующий раз прямое заимствование данных Киммеля обнаруживается в вопросе о численности японского авианосного соединения. Нокс пишет: «Как минимум, было три авианосца с 50 самолётами на каждом, как максимум, – шесть. Соответственно, численность авиагруппы меняется в диапазоне от 150 до 300 машин» [23, р. 1751]. Такое мнение составил Нокс после бесед с Киммелем, хотя доклад первого и появился раньше, чем командующий Тихоокеанским флотом США составил свой. У военно-морского министра физически не было времени заниматься уточнением подобных деталей, он успевал лишь принять доклады подчинённых и провести первоначальные опросы. Зато Киммель приводит похожие данные о численности авианосцев противника уже в письме адмиралу Старку 12 декабря 1941 г., безусловно, что это вопрос обсуждался и с военно-морским министром Ноксом [22, р. 2257].

Сразу после анализа количества сбитых японских самолётов Военно-морской министр описывает повреждения американских кораблей. «Из восьми линкоров, находившихся в Пёрл-Харборе 7 декабря, только три избежали серьёзных повреждений. Это "Мэриленд", "Пенсильвания", "Теннесси". "Невада" может быть поднята через месяц. "Калифорния" через 2,5. "Вест Вирджиния" через три и в течение 1–2 лет должна проходить капитальный ремонт. "Оклахома" перевернулась, и трудно определить, возможно ли восстановление корабля. "Аризона" – полностью разрушена». Как видно, Нокс фактически признал потерю пяти линейных кораблей [23, р. 1753].

В данном случае ясно, что точные данные о повреждениях кораблей взяты Ноксом из донесения адмирала Киммеля от 12 декабря, приложения к докладу от 21 декабря. Но у Киммеля, как мы писали выше, описание более подробное, включая учёт того, сколько торпед и бомб попало в каждый из кораблей, однако в обоих случаях (как у Нокса, так и у Киммеля) сведения полностью совпадают. Кроме того, даже лексические обороты и употребляемые выражения похожи: «"Аризона" – полностью разрушена; "Оклахома" перевернулась, и рекомендации по поводу восстановления будут даны позже» и т. д. [24, р. 1601–1603]. Итог один – затонуло пять линкоров. Здесь влияние Киммеля не только информационное, но и текстовое.

Собранные Киммелем сведения оказали существенное влияние на восприятие американскими офицерами потерь Тихоокеанского флота. Так, в докладе командующего Линейными силами адмирала У. Пая от 9 января 1942 г. представлен доклад капитана Г. Уоллина,

датированный 24 декабря 1941 г., который чрезвычайно близок к донесениям Киммеля от 12 и 21 декабря [18]. Даже названия документов практически одинаковы: у капитана – «Краткий отчёт о повреждениях кораблей Линейных сил» [19]; у адмирала – «Краткий отчёт о повреждениях кораблей Тихоокеанского флота в результате вражеских атак Перл-Харбора 7 декабря 1941 г.» [24, р. 1602].

Структурно доклад Уоллина повторяет, причём полностью, отчёт Киммеля от 12 декабря: поврежденные корабли разделены на группы в соответствии с видом (линкоры, крейсера, эсминцы, вспомогательные корабли). Так же точно воспроизведён и порядок кораблей в списке [19].

Содержательная близость документов практически 100 %. Данные о повреждениях «Аризоны» дословно взяты Уоллиным из раннего отчёта главнокомандующего [24, р. 1601–1603]. Ситуация с «Калифорнией», «Невадой», «Вест-Виржинией» и «Оклахомой», а также «Теннесси» такая же – капитан Уоллин слово в слово повторяет доклад Киммеля от 12 декабря, опуская при этом характерную для адмирала фразу «рекомендации о спасении и ремонте корабля будут даны позже». Однако фактический материал о повреждениях «Мэриленда» совершенно разнится с докладом Киммеля: «линкор повреждён двумя бомбами, поразившими носовую часть – одна взорвалась на полубаке, другая пробила скулу и разрушила кладовую» [19]. У Киммеля, как мы отмечали выше, на этот счёт иная информация [24, р. 1601, 1603]. Следовательно, данные о повреждениях «Мэриленда» взяты из другого, третьего источника, а не из двух донесений Киммеля, как описания предыдущих линкоров.

Повреждения крейсеров и эсминцев Уоллин описывает, снова повторяя донесения Киммеля. При этом повреждения «Хелены» точно соответствуют данным отчёта адмирала, для «Гонолулу» и «Рейли» капитан Уоллин взял по первому предложению из доклада Киммеля [19].

Вспомогательные корабли рассмотрены Уоллином весьма интересным образом. Как всегда, при переходе к новому виду кораблей, капитан, вслед за Киммелем, делает соответствующий подзаголовок. В данном случае – «Вспомогательные корабли», однако в разделе речь идёт об одном корабле – минном заградителе «Оглала». Почему не вошли в доклад судно-мишень «Юта», плавбаза «Кёртис» и мастерская «Вестал» остаётся неясным.

Итак, после ознакомления с текстом донесения Уоллина можно заключить, что капитан имел в своём распоряжении оба доклада Киммеля о повреждениях сил флота или был причастен к их созданию, возможно в качестве технического работника, так как под все-

ми отчётами от 7, 8, 10, 12 и 21 декабря стоит подпись адмирала Киммеля. Предположение о том, что и донесение Уоллина, и доклады Киммеля восходят к одному общему источнику, следует признать неверным: мы отмечали выше, что главнокомандующий начал работу над составлением отчётов непосредственно в день нападения, когда единственными источниками в его распоряжении были устные рапорты. Таким образом, видно прямое заимствование Уоллиным структуры и данных из докладов Киммеля, которые сокращались или незначительно дополнялись (как в случае с «Мэрилендом») из других документов. Такой подход к материалам, которые собрал адмирал, можно объяснить их качеством: при небольшом объёме текста в него включена самая важная, и при этом достаточно точная, информация о повреждениях кораблей Тихоокеанского флота США [20].

Похожий подход к материалам Киммеля прослеживается и в докладе адмирала Нимица от 15 февраля 1942 г. В четвёртой, заключительной части доклада, в шести разделах дана разного рода справочная информация. Разделы под литерами «А» и «В» содержат оценки потерь – как своих, так и противника; причём первой идёт информация о людских потерях, а второй – о материальных.

Потери личного состава Тихоокеанского флота Нимиц не называет, а делает ссылку на три донесения адмирала Киммеля от 9, 18 и 24 декабря 1941 г. В оценке повреждений кораблей Нимиц снова опирается на данные адмирала Киммеля. Это видно не только из указания доклада от 21 декабря как одного из ведущих источников. Идентичной является структура обоих докладов. Новый Главнокомандующий Тихоокеанским флотом, как и старый, разделил повреждённые корабли по классам: линкоры, крейсера, эсминцы, вспомогательные суда. При этом даже форма отделения пунктов одинакова: литеры от «а» до «d» [20; 24, р. 1601]. Также близки названия документов, а порядок следования кораблей в списке одинаков в обоих источниках.

Как и у Киммеля, его открывает «Аризона». Нимиц пишет: «"Аризона" затонула на своей якорной стоянке в результате попадания одной или более авиаторпед и около 8 тяжёлых бомб. Одна бомба (предположительно 2000 фунтовая) вызвала взрыв носовых погребов боезапаса. Корабль полностью разрушен, за исключением материалов, которые можно спасти. Идут работы по снятию 14-дюймовых орудий третьей и четвёртой башни» [20]. Видно, что с донесением Киммеля от 12 декабря сходятся две фразы. Вторым кораблем у Нимица идёт «Калифорния»: «Линкор затонул на своей якорной стоянке в результате попадания двух авиаторпед и одного

или более близких бомбовых разрывов. Также установлено, что одна большая бомба пробила палубы у носовой надстройки и взорвалась, вызвав пожар в погребе 5-дюймовых снарядов» [14]. Приведённые примеры показывают характерную для доклада Нимица тенденцию – заимствованию из донесения Киммеля подвергаются, главным образом, начальные фразы: такая же ситуация наблюдается и с информацией о трех линкорах: «Оклахома», «Мериленд», «Вест Вирджиния». Остальные данные взяты Нимицем из «Боевых донесений», которые указаны в приложении к докладу.

Преимущество донесения Нимица от доклада Киммеля видна и в характеристике повреждений эсминца «Хелм». Напомним, что Киммель не включил этот корабль в список повреждённых. Соответственно, не делает этого и Нимиц, несмотря на то что в его распоряжении, помимо «Боевого донесения» от 11 декабря 1941 г. имелось ещё как минимум два отчёта с «Хелма» о полученном ущербе, датированных 8 и 10 февраля 1942 г. [14]. Следовательно, Нимиц получил донесения за неделю до подачи своего доклада, но не включил «Хелм» в перечень повреждённых кораблей, как и адмирал Киммель.

Но не следует полагать, что доклад Нимица полностью основывался на отчёте Киммеля – мы указали близость документов, более того, прямое влияние донесений Киммеля лишь в вопросе о повреждениях кораблей. Но многие темы рассмотрены Нимицем без опоры на анализируемый отчёт.

Так дело обстоит с вопросом о первом контакте с противником 7 декабря 1941 г. В третьей части отчёта, озаглавленной «Описание событий, случившихся во время японского воздушного нападения 7 декабря 1941», изложение начинается со следующих слов: «Первый контакт с противником 7 декабря 1941 г. был в 3.50, когда тральщик "Кондор" обнаружил перископ погружённой субмарины. В это время "Кондор" патрулировал воды в одной – четырёх милях к юго-западу от входа в бухту. "Кондор" в 3.57 информирует визуальным сигналом об данном контакте эсминец "Уорд", который патрулировал вход в Пёрл-Харбор. "Уорд" немедленно приступает к поиску субмарины и замечает перископ в 6.37 за судном "Антарес", входящим в Пёрл-Харбор. В 6.45 "Уорд" начинает атаку, которая была успешной» [20]. Видно, что в докладе адмирала Нимица от 15 февраля 1942 г. приведены те данные о первом контакте, которые установит комиссия Хьюитта лишь в 1945 г. и которые станут основополагающими для историографии [1, с. 31; 2, с. 346–349; 3, с. 121–125; 6, с. 95–100]. Однако очень сложно установить, на основе каких источников (или какой информации) Нимиц сделал это аб-

солютно верное описание событий утра 7 декабря. В легенде к донесению от 15 февраля указано, что основным источником стал отчёт Главнокомандующего Тихоокеанским флотом под номером А16-3/(02088) т. е. доклад адмирала Киммеля от 21 декабря. В приложениях к докладу перечислены 100 «Боевых донесений», из которых достаточно подробное описание поиска и уничтожения субмарины присутствует лишь в трёх, причём везде однозначно отмечено, что первым был контакт в 6.30 [20]. Следовательно, Нимиц оперировал теми же данными и источниками, что и большинство расследований нападения на Пёрл-Харбор (до 1945 г.), но представил совершенно верную, в отличие от них, картину утра 7 декабря. Постепенно, с проведением более тщательных расследований, правильная версия событий, описанная Нимицем, закрепились и перешла в историографию [7, р. 9–10; 8, р. 103; 4, с. 14–17].

Важно отметить, что при оценке потерь некоторые военные не использовали данные Киммеля. Так например, поступил командующий 4-й дивизией линкоров контр-адмирал У. Андерсон. Фактический материал был взят Андерсоном из отдельных донесений командиров линейных кораблей. Порядок перечисления линкоров в источнике и точность данных позволяет сделать вывод о том, что Андерсон не копировал более ранние доклады Киммеля, а самостоятельно изучал вопрос. Об этом же свидетельствует и объём представляемого материала – намного больший, чем у главнокомандующего флотом в донесении от 12 декабря.

Кроме того, список Андерсона систематизирован – корабли расположены парами по типам: «Невада» и «Оклахома»; «Пенсильвания» и «Аризона»; «Калифорния» и «Теннесси»; «Мэриленд» и «Вест Вирджиния» [18]. А у Киммеля, как мы отмечали выше, наблюдается внесистемный перечень кораблей. Изложение повреждений каждого линкора очень подробное. Андерсон не только описывает нанесённый ущерб, но и даёт, по мере возможности, точные сведения о типе боеприпасов, поразивших корабль, их калибре, количестве. Кроме того, адмирал Андерсон предоставляет данные о людских потерях во время налёта, а Киммель этого не делает [18].

В целом, можно предположить, что в оценке повреждений и потерь кораблей Тихоокеанского флота доклад адмирала Киммеля оказался чрезвычайно полезным для американских военных благодаря точности данных и качеству информации. Именно его вариант оценки ущерба от японского нападения стал, со временем, основным для мировой историографии [8, р. 77–78; 10, р. 106, 108; 2, с. 358]. Прослеживается также существенное воздействие отчёта

Киммеля на разработку моделей периодизации атаки 7 декабря, причём как американскими военными, так и историками. Это позволяет сделать вывод об определяющем воздействии доклада Киммеля на отчёты военных США, особенно в период 1941–1942 гг. Данное влияние «Доклад о боевых действиях» продолжал оказывать даже после появления новых обобщающих отчётов адмирала Нимца и комиссии Робертса, что делает его ценным источником не только для изучения событий 7 декабря 1941 г., но и для анализа эволюции представлений военных о нападении на Гавайи.

Список литературы

1. Апальков Ю.В. Боевые корабли японского флота: Подводные лодки. – СПб., 1999.
2. Маслов М.С., Зубков С.Л. Пёрл-Харбор: Ошибка или провокация? – М., 2006.
3. Морисон С.Э. Восходящее солнце над Тихим океаном: 1941–апрель 1942 / пер. с англ. – М., СПб., 2002.
4. Роско Т. Сильнее «божественного ветра»: Эсминцы США: война на Тихом океане / пер. с англ. – М., 2005.
5. Солонцов З.М. Военно-морская экспансия США в годы Второй мировой войны. – М., 2003.
6. Яковлев Н.Н. 3 сентября 1945. – М., 2003.
7. Bachrach D. Pearl Harbor. – San Diego, 1989.
8. Badsay S. Pearl Harbor. – New York, 1991.
9. Graves P. The Pearl Harbor Investigations // Perpetual War for Perpetual Peace. – Caxton, 1953.
10. Gudmens J.J. Staff Ride Handbook For The Attack On Pearl Harbor, 7 December 1941: A Study Of Defending America. Fort Leavenworth, 2005.
11. National Archives and Records Administration. College Park, MD. Office of CNO, NSG Central Depository Finding Aid. Box 150. Pearl Harbor Investigation: Roberts Report.
12. National Archives and Records Administration. College Park, MD. Office of CNO, NSG Central Depository Finding Aid. Box 171. Roberts Report.
13. National Archives and Records Administration. College Park. Office of CNO, NSG Central Depository Finding Aid. Box 191. Proceedings of Roberts Commission. Report of action of 7 December 1941 by Admiral H. E. Kimmel.
14. National Archives and Records Administration. Washington, DC. World War II Battle Damage Report's Records Archives. C.O. Helm conf. Itr. to Buships, DD388/A12-1 Serial 29.
15. National Archives and Records Administration. Washington, DC. World War II Battle Damage Report's Records Archives. Combatfor conf. Itr. to Buships, L11-1/(50), Serial 076.
16. Navy Department Library. Rare Book Room. United States Naval Administrative History of World War II #68-A.
17. New York Times. 1941. 19 December.

18. Operational Archives, Naval Historical Centre, World War II Action Reports. Special Reports. Japanese Air Attack on Pearl Harbor, December 7, 1941. Report for Pearl Harbor Attack by Commander Battle Force.
19. Operational Archives, Naval Historical Centre, World War II Action Reports. Special Reports. Summary of Damage Sustained by Ships of the Battle Force.
20. Operational Archives, Naval Historical Centre, World War II Action Reports. Special Reports. Report of Japanese Raid on Pearl Harbor, 7 December, 1941 by Commander-in-Chief, United States Pacific Fleet.
21. Operational Archives, Naval Historical Centre, World War II Action Reports. Commander Destroyer Division EIGHTY, Report for Pearl Harbor Attack.
22. Pearl Harbor Attack. Pt., 16. Washington, 1946.
23. Report by Secretary of Navy to the President // Pearl Harbor Attack. Pt., 24. Washington, 1946.
24. Report of action of 7 December 1941 by Admiral H. E. Kimmel // Pearl Harbor Attack. Pt., 24. Washington, 1946.
25. Report of the Joint committee on the investigation of the Pearl Harbor attack. Washington, 1946.
26. Slackman M. Target Pearl Harbor. – Honolulu, 1990.
27. The Campaigns of the Pacific War. United States Strategic Bombing Survey (Pacific). Naval Analysis Division. Washington. 1946.

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(571.51) «1822/1917»:351

*Т. Г. Верхотурова**

Штаты и численность енисейской губернской администрации (1822–1917 гг.)

В статье рассмотрены штаты и численность государственных служащих енисейской губернской администрации в 1822–1917 гг. На основе впервые представленных документов и архивных материалов выявлены особенности государственного управления Енисейской губернии через установление реальной и относительной численности чиновников, занимавших высшие, штаб- и обер-офицерские должности, показана динамика количественного состава енисейской губернской администрации с выявлением тенденций его изменения во времени.

This article is about the officialdom's quantity of Yenisei province's administration from 1822 until 1917. Peculiarities and the evolution governance of Yenisei province, real and relative quantity of bureaucracy had been researched by the analysis of the documents and archival materials.

Ключевые слова: численность чиновничества, бюрократия, енисейская губернская администрация, Енисейская губерния, Сибирь.

Key words: the officialdom's quantity, the bureaucracy, Yenisei province's administration, Yenisei province, Siberia.

Реформы, проводимые в современной России, четко обозначили круг нерешенных вопросов в политической жизни нашей страны. К их числу относится реформа государственной службы, одна из задач которой – сокращение бюрократии. В отечественной историографии преобладает мнение о неуклонном росте чиновничества царской России [5, с. 78; 6, с. 65–71; 8, с. 200–201]. Однако доказанным является тот факт, что Сибирь имела особенности в системе государственного управления [7, с. 3; 18, с. 12]. Эту закономерность можно проследить исследуя вопрос о численности чиновничества в одной из сибирских губерний, а именно, на примере Енисейской губернии.

* **Верхотурова Татьяна Геннадьевна**, ассистент кафедры гуманитарных наук, Красноярский государственный торгово-экономический институт.

Цель статьи – выявление изменения численности служащих енисейской губернской администрации и ее доли среди всего населения губернии, рассмотрение в динамике штатного состава государственных служащих при установлении соотношения количества регионального аппарата управления к всероссийскому. Хронологические рамки статьи охватывают дореволюционный период существования Енисейской губернии, а именно 1822–1917 гг.

Необходимо отметить крайне низкую степень изученности в научной литературе вопроса о численности енисейской губернской администрации дореволюционной эпохи. В законодательстве Российской империи XVIII–XIX вв. не было четкого представления о «государственной службе». Понятие «чиновничество» применялось и к служащим местного самоуправления, и к учителям, врачам, военным, оплачиваемым из государственной казны. Это порождало определенную путаницу в подсчетах численности чиновничества. Так, в статистическом обозрении Сибири Ю.А. Гагемейстера уже указано количество чиновников четырех сибирских губерний (Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской) и Якутской области за 1824, 1835, 1851 г., но цифры являются общими и включают в себя «служащих по гражданскому, горному и другим ведомствам» [2, с. 109]. В исследовании Е.В. Болонкиной вопрос численности чиновников Енисейской губернии рассмотрен на основе работы Ю.А. Гагемейстера [1, с. 160–165].

В настоящей статье анализ численности енисейской губернской администрации произведен по трем разрядам должностей, что соответствует заложенной П.А. Зайончковским и С.М. Троицким традиции: высшие губернские должности (IV–V классы), штаб-офицерские (VI–VIII классы) и обер-офицерские (IX–XIV классы).

В группу высших чиновников вошли: губернатор, председатели губернского правления (с 1895 г. – вице-губернатор), казенной палаты, губернского суда, управляющие государственных имуществ, контрольной палаты, акцизного управления, непрременные члены по крестьянским делам, тюремные инспекторы; в группу штаб-офицерских чиновников: советники, начальники отделений, чиновники особых поручений, губернский прокурор и стряпчие, казначей, контролеры и пр.; в группу нижних обер-офицерских должностей: столоначальники, бухгалтеры, секретари, делопроизводители, журналисты, регистраторы, протоколисты, помощники перечисленных служащих и пр. Кроме того, рассмотрены служащие, занимавшие внебюджетные должности (писцы и канцелярские служители).

Информация о штатном количестве служебных мест была взята из «штатного законодательства» государственных органов власти

Енисейской губернии, определявшего структуру и численность губернской администрации по ведомствам, опубликованного в Полном собрании законов Российской империи [14. Т. XLIV. Ч. 2. № 29123; 15. Т. XII. Ч. 2. № 10812; Т. XXXI. Ч. 2. № 31222; Т. XL. Ч. 2. № 42755; Т. XLII. Ч. 1. № 44192; Т. XLVIII. № 52188; Т. XLIX. Ч. 2. № 54030; Т. LIII. Ч. 3. № 58596; 16. Т. V. Ч. 2. № 2770, 2918; Т. XV. Ч. 2. № 11757; Т. XVI. Ч. 2. № 13582; Т. XVIII. Ч. 2. № 15604; Т. XX. Ч. 3. № 18803; Т. XXII. Ч. 2. № 21694].

Для подсчета реальной численности местного губернского аппарата управления за 1823–1853 гг. были использованы сводные послужные списки и составленные «Алфавиты» чиновников гражданского ведомства Енисейской губернии, отложившиеся в Российском государственном историческом архиве [19. 1823. Д. 108. Л. 1 об. – 238; 1831. Д. 102. Л. 2 об. – 305; 1842 г. Д. 404. Л. I–IX; 20. 1831. Д. 829. Л. 47–70; 1833. Д. 849. Л. 34 об. – 64; 1853 г. Д. 1640. Л. 1–23]. Полученные данные по старшему административного корпуса и чиновников штаб-офицерских должностей представляются репрезентативными. Следует заметить, что количество выявленных служащих обер-офицерских и внетабельных должностей за 1823 и 1831 г. не полное, что вызвано спецификой источниковой базы за тот период.

Источником численности губернской администрации классных должностей за 1882 и 1893 гг. стали «Списки чиновников и служащих в Енисейской губернии, предоставлявшиеся генерал-губернатору Восточной Сибири». Поименные списки служащих Енисейской губернии предоставлены в отчете генерал-губернатору Восточной Сибири, хранящиеся в Государственном архиве Красноярского края, позволили выявить реальную и номинальную численность государственных служащих губернского звена управления за 1882 и 1893 гг. [3. Оп. 1. Д. 717. Л. 5–74; Д. 4308. Л. 2 об. – 80].

Данные за 1865, 1905, 1915 гг. извлечены из «Личных составов чинов гражданского ведомства», опубликованных в памятных книжках «Памятные книжки Енисейской губернии» были использованы для подсчета губернской администрации за 1865, 1905, 1915 гг. – [9, с. 279–280, 284–286, 295–296, 303–304, 317; 11, с. 19–20, 26–28; 13, с. 30–31, 55–56, 60–61]. По утверждению исследователя А.И. Раздорского, из всех публичных официальных справочных изданий наиболее полно характеризуют структуру и должностной состав местных органов власти «Губернские списки должностных лиц» и адрес-календари, помещенные в памятных книжках [17, с. 13].

Динамика изменения численности классных и внетабельных чиновников губернского звена управления отражена в приведенной

табл. 1, где произведено сопоставление штатной (в соответствии со штатными расписаниями) и реальной (выявленной на основе источников) численности чиновничества (табл. 1).

Таблица 1

Соотношение штатного расписания и выявленной численности енисейской губернской администрации, 1823–1915 гг.

Год	Старший административный корпус		Чиновники штаб-офицерских должностей		Чиновники обер-офицерских должностей		Итого		Внештатные чиновники		Всего	
	Штатное расписание	Выявленная численность	Штатное расписание	Выявленная численность	Штатное расписание	Выявленная численность	Штатное расписание	Выявленная численность	Штатное расписание	Выявленная численность	Штатное расписание	Выявленная численность
1823	4	4	25	19	84	27	113	50	29	6	142	56
1831	4	4	25	24	84	34	113	62	29	18	142	80
1842	4	4	36	33	84	75	124	112	92	45	216	157
1851	4	4	36	31	84	66	124	101	92	75	216	176
1865	4	4	30	32	98	88	137	124	5	79	142	203
1882	6	6	49	45	85	71	140	122	6	86	146	208
1893	6	6	43	45	88	76	137	128	6	87	143	215
1905	9	9	69	71	51	88	129	168	--	136	129	304
1915	9	9	69	71	51	97	129	177	--	125	129	302

Анализируя данные, можно говорить об увеличении общего числа чиновничества, занимавшего должности всех рангов, и о неоднозначном изменении численности служащих губернской администрации по разным категориям должностей.

Так, устойчивый рост наблюдался по отношению к высшим администраторам (2,25 раза), что объяснялось введением новых высокопоставленных мест и изменением рангов существовавших, а также учреждением новых органов государственной власти в губернии. С 1822 по 1865 г. высшими считались четыре должности: губернатор, председатели губернского правления, казенной палаты, губернского суда, с 1866 по 1874 – пять должностей (в 1866 г. добавился управляющий контрольной палаты), с 1874 по 1885 г. – шесть мест (по штату 1874 г. ранг должности инспектора врачебной упра-

вы был повышен до V класса). После ликвидации контрольной палаты в 1886 г. и до 1894 г. – снова пять должностей. С 1895 по 1897 г. – шесть постов: в рамках преобразований губернского управления в Сибири ранг должности тюремного инспектора был повышен на один разряд – до V класса. С 1898 по 1901 г. – восемь должностей: в связи с преобразованием судебной системы выбыл председатель губернского суда, но введены два непереносимых члена по крестьянским делам и управляющий учрежденного управления государственных имуществ. С 1902 по 1917 г. – девять постов: с введением губернского акцизного управления к числу высших администраторов примкнул его управляющий.

Неоднозначная динамика относилась к классному чиновничеству штаб- и обер-офицерских рангов. Данный процесс зависел от преобразований и реформ системы местного управления России и Сибири в целом, Енисейской губернии, в частности, в соответствии с которыми учреждались, реорганизовывались и ликвидировались губернские «присутственные места». Количество чиновников, занимавших классные должности, зависело от штатных расписаний, строго определявших структуру ведомств, их кадровый состав, содержание служащих, канцелярские и хозяйственные расходы.

Число чиновников на штаб-офицерских должностях с 1823 по 1915 г. увеличилось примерно в 3,7 раза, по штатным расписаниям – в 2,8 раза.

На протяжении всего рассматриваемого периода реальное количество штаб-офицерских служащих составляло в среднем 33,1 % от общего штатного числа классных чиновников и 30 % – от их выявленного количества, а от общей реальной численности табельных и внетабельных служащих губернской администрации – 19,7 %. Следует заметить, процентные показатели рассчитаны с 1842 г., так как данные за 1823 и 1837 гг. о количестве обер-офицерских и канцелярских служащих являются неполными.

Выявленное количество служащих, занимавших должности обер-офицерского разряда за каждый обозначенный год в период с 1842 по 1915 г. в среднем составило 61,5 % от штатного числа всех классных чиновников, 62,3% – от их реального количества, 37,2 % – от общей численности служащих, включая внетабельных. Рост чиновничества на обер-офицерских должностях с 1842 по 1915 г. был равен 20 %.

По штатным расписаниям наблюдался обратный процесс (число мест сократилось в 1,6 раза), так как официально происходило повышение рангов уже существовавших должностей по ведомствам,

а количество нижних мест в губернских учреждениях по штатным расписаниям с 1856 г. определялось министром соответствующей отрасли в рамках назначенной в штатах суммы. Однако последнее обстоятельство наоборот привело к увеличению чиновников, занимавших обер-офицерские должности.

Численность писцов и канцелярских служащих до середины XIX в. строго устанавливалась штатными расписаниями 1822, 1837 гг. и составляла примерно 20 и 40 % от штатного числа служащих, а после 1856 г. определялась председателями и управляющими местных учреждений «по потребностям в рамках выделяемой суммы (кредита)». В связи с этим, также как и с обер-офицерскими служащими, увеличивалось количество писцов в учреждениях енисейской губернской администрации. Резкое увеличение численности внетабельных служащих произошло в начале XX в.: с 1893 по 1916 г. – 43,6 %. В связи с этим в конце XIX в. центральной власти пришлось решать проблему недостатка финансирования местных государственных служащих в Сибири. В этот период вышло два закона, предназначенных для её решения: в 1894 г. – закон «Об отнесении на земские средства с 1 июля 1894 года расходов по усилению личного состава и денежных средств местных установлений по четырем губерниям Сибири», в 1902 г. – закон «Об усилении канцелярских и хозяйственных средств губернских присутствий и уездных съездов» [З. Т. XIV. № 10571; Т. XX. № 21138].

Таким образом, в связи с усложнением экономической, социальной, политической жизни региона с 1823 по 1915 г. численность старшего административного корпуса увеличилась в 2,25 раза, чиновников штаб-офицерских должностей – в 3,7 раза; с 1842 по 1915 г. рост служащих обер-офицерских должностей составил в 1,3 раза, внетабельных – в 2,8, а всего находившихся на службе в Енисейской губернской администрации служащих – в 1,9 раза или 92,3 %.

Более наглядную картину дает сопоставление изменения численности чиновников енисейской губернской администрации с ростом населения губернии [табл. 1; 8, с. 200; 9, с. 183; 4. Д. 50. Л. 14; 10, с. 95; 12, с. 5; 13, с. 30]. Сравнение полученных данных с общероссийскими показателями (без Польши и Финляндии) позволяет выявить в этом региональные особенности (табл. 2).

Таблица 2

Соотношение численности губернской администрации
и населения Енисейской губернии, 1823–1915 гг.

Год	Численность чиновничества енисейской губернской администрации	Население Енисейской губернии	Количество чиновников на 1000 чел. населения Енисейской губернии	Год	Количество чиновников, включая учителей, врачей, военных, на 1000 чел. населения страны (без Польши и Финляндии)
1823	56	158 748	0,35	1796	0,57
1831	80	--	--	--	--
1842	157	--	--	--	--
1851	176	--	--	1857	2,1
1863	203	323 014	0,63	--	--
1882	208	427 347	0,49	1880	1,4
1893	215	504 997	0,43	1897	1,24
1905	304	726 315	0,42	--	--
1915	302	1 119208	0,27	1913	1,63

Статистические данные свидетельствуют о том, что с 1823 по 1863 г. относительное число чиновников губернского звена администрации (т. е. число чиновников на 1000 чел. населения) увеличилось примерно в 1,8 раза – с 0,35 до 0,63, что было гораздо ниже общероссийской тенденции, правда, за более длительный период (1796–1857 гг.), составившей – 3,7 раза. До 1890-х гг. и в Енисейской губернии, и в России наблюдалось понижение относительной численности чиновничества. Для Енисейской губернии это было связано с быстрым ростом населения, а для России – с сокращением бюрократических методов управления в губерниях и уездах, увеличением роли общественного самоуправления. В последующие годы такая отрицательная динамика ещё более усилилась в Енисейской губернии, что было вызвано массовым переселением крестьян в Сибирь по реформе П.А. Столыпина: с 1905 г. по 1915 г. – в 1,6 раза или на 64,3 %. В России же в 1880–1913 гг., напротив, произошло резкое увеличение численности чиновников в сравнении с предыдущим десятилетием, вызванное попытками Александра III и Николая II укрепить роль государства в управлении.

В пределах Сибири размещение чиновничества было различным. Согласно статистическим данным, приведенным Ю.А. Гагемейстером за вторую четверть XIX в., по количеству общего числа

служащих мужского пола «в гражданском, горном и в других ведомствах» Енисейская губерния среди пяти территориально-административных единиц занимала предпоследнее четвертое место (ей уступала только Якутская область).

Так, в 1824 г. в Енисейской губернии на государственной службе находилось в 6,6 раза меньше «чиновников», чем в Томской губернии, и всего в 1,3 раза больше, чем в Якутской области. За 30-летний период рост численности «чиновников» в Енисейской губернии составил 2,1 раза против 1,4 в Томской губернии, но положение не изменилось: Енисейская губерния уступала губерниям Западной Сибири в четыре раза, а Иркутской губернии (на 1835 г.) – в 5,4 раза (табл. 1) [6]. Данное обстоятельство объяснялось тем, что Енисейская губерния была создана всего лишь в 1822 г. и уступала по уровню ее включения в экономические связи «центральной» Томской, Тобольской и Иркутской губерниям.

Таким образом, анализ архивных материалов показал, что за весь дореволюционный период существования Енисейской губернии неконтролируемого разрастания административного аппарата губернского звена управления не произошло. Динамика роста численности служащих енисейской губернской администрации в этом имела существенные отличия от общероссийской тенденции. Однако, несмотря на стремление государства рационализировать и оптимизировать управление на местах, наибольшее увеличение численности чиновничества происходило в среде нижних обер-офицерских и внетабельных служащих, на деятельности которых и держалась работа учреждений. При этом Енисейская губерния характеризовалась самым низким ростом числа чиновничества среди других сибирских губерний, а также уменьшением относительной численности губернской администрации в связи с быстрым ростом населения губернии.

Список литературы

1. Болонкина Е.В. Изменения численности и личного состава чиновников в Енисейской губернии в 1820 – начале 1860-х гг. // Красноярский край – 70 лет исторического пути: материалы V краеведческих чт., ноябрь 2004 г. – Красноярск: ГУНБ, 2005. – С. 160–165.
2. Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему его императорского величества повелению, при Сибирском комитете действительным статским советником Гагемейстером: в 3 ч. Ч. 2. – СПб., 1854.
3. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 595.
4. ГАКК. Ф. 31. Оп. 1.

5. Дубенцов Б.Б. Численность российского чиновничества в России XIX – начале XX в. // Россия в девятнадцатом веке: Политика, экономика, культура. – СПб.: Третья Россия, 1994. – С. 76–84.
6. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. – М.: Мысль, 1978.
7. Матханова Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в.: Проблемы социальной стратификации. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 2002.
8. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX века). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. – СПб.: Д. Буланин, 2003. Т. 2.
9. Памятная книжка Енисейской губернии с адрес-календарем, составленным 1865 и 1866 годы. – СПб.: Типография К. Вульфа, 1865.
10. Памятная книжка Енисейской губернии с адрес-календарем, составленная по 1 января 1896 года. – Красноярск: Енисейск. губ. тип., 1896.
11. Памятная книжка Енисейской губернии с адрес-календарем на 1905 год. – Красноярск: Енисейск. губ. тип., 1905.
12. Памятная книжка Енисейской губернии, составленная к 1 января 1906 года. – Красноярск: Енисейск. губ. тип., 1907.
13. Памятная книжка Енисейской губернии на 1915 год. – Красноярск: Енисейск. губ. эл. – тип., 1915.
14. Полный свод законов Российской империи (ПСЗ). Собр. – 1.
15. ПСЗ. Собр. – 2.
16. ПСЗ. Собр. – 3.
17. Раздорский А.И. Общие печатные списки должностных лиц губерний и областей Российской империи (1841–1908): Библиогр. указ. – СПб.: Д. Буланин, 1999.
18. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь: Административная политика в первой половине XIX в. – Омск: Изд-во ОмГУ. 1995.
19. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1349. Оп. 4.
20. РГИА. Ф. 1349. Оп. 6.

Крестьянская семья и бытовая преступность в России во второй половине XIX в.

В данной статье представлена характеристика внутрисемейных отношений в крестьянской семье во второй половине XIX в. В ходе анализа традиций брака и семьи в крестьянской среде были выявлены причины высокого уровня бытовой преступности, дана характеристика основных преступлений, а также сделан вывод о влиянии крестьянских стереотипов на гуманизацию внутрисемейных отношений.

The article characterizes intrafamily relations in a peasant family in the second half of 19th century. The analysis of traditions of marriage and family life in the peasant environment gives the reasons of high level of household criminality. Author characterizes the basic crimes and makes the conclusion about influence of peasants stereotypes on a humanisation of intrafamily relations.

Ключевые слова: бытовая преступность, XIX век, уголовная статистика проблема насилия, семья, крестьянство, убийство, традиции.

Key words: domestic criminality, nineteenth century, criminal statistics, problem of violence, family, peasantry, murder, tradition.

В больших городах, в частности в Петербурге, наблюдались серьезные различия в обычаях и нравах жителей по сравнению с деревней. С середины XIX в. начался процесс гуманизации внутрисемейных отношений. Общественный подъем 1850–60х гг. способствовал повышению интереса образованного общества к женскому вопросу. В прессе развернулась критика семейного права.

Однако процесс гуманизации внутрисемейных отношений тормозился миграцией в города крестьян, которые несли с собой стереотипы, свойственные внутрисемейным отношениям в деревне. Это в равной степени относилось как к крестьянам, переселявшимся в города на постоянное или временное жительство, так и к тем, которые переходили в состав мещан и купцов.

За период с 1858 по 1897 гг. доля крестьян в постоянном городском населении Европейской России увеличилась с 21 до 44 %, составная доля всех остальных сословий на столько же понизилась

* **Сидорова Виктория Сергеевна**, аспирант кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

[12, с. 256]. Так например, согласно переписи населения за 1862 г. в Петербурге доля крестьян от общего числа населения составляла 35 % (для сравнения, доля дворян была менее 12 %) [18]; а в статистических таблицах за 1869 г. отмечалось, что «масса населения Петербурга образуется из крестьян, которые составляют более 31 % городского населения (дворяне – более 14 %)» [15].

Многие крестьяне-горожане имели корни в деревне и были с ней тесно связаны родственными и экономическими отношениями. С 1858 по 1897 гг. в городское сословие перешло около 340 тыс. крестьян [12, с. 256]. Массовая миграция крестьянства в город замедляла изменение характера внутрисемейных отношений среди городского сословия, что было связано с устоявшимися традициями и стереотипами в крестьянской семье.

Среди крестьян до середины XIX в. преобладали составные семьи, а в них патриархально-авторитарные отношения, когда жена полностью подчинялась мужу. Брак для крестьянина был необходим с хозяйственной точки зрения: «В нашем быту без бабы невозможно; хозяйство порядком не заведешь, дом пойдет прахом» [1, с. 208].

Браки устраивались родителями, и они всегда принимали в расчет славу и статус семьи, из которой происходили новобрачные, затем личные качества невесты и жениха и лишь в последнюю очередь их взаимные склонности. На невестку в семье мужа смотрели как на даровую работницу. Характерно, что при выборе невесты большое значение уделялось ее физическому здоровью [14, с. 94]. Это объясняется тем, что у женщины в деревни было только две функции: «работница и родильница» [3, с. 159]. Случалось, что желания родителей и новобрачных совпадали и наоборот, но чаще всего молодые не испытывали друг к другу ни ярко выраженной симпатии, ни антипатии, что конечно же сказывалось на внутрисемейных отношениях.

Так, один из современников того времени заметил, что «при свадебных обрядах нигде не упоминается ни слова о взаимной любви вступающих в супружество» [12, с. 253]. Жених везде говорит, что «он женится по приказу отца и матери; а невеста горько жалуется на то, что отец и мать продают ее в неволю, на чужую сторону» [12, с. 253].

Следует иметь в виду и религиозные воззрения крестьян. Брак по страсти не являлся богоугодным делом, а содержал в себе согласно их представлениям что-то греховное. Цель брака для крестьян состояла не в получении плотских радостей, а в устройстве семьи, рождении и воспитании детей. В отличие от современного человека крестьяне полагали, что не страсть, а необходимость оп-

равдывает и одновременно облагораживает брак. Естественно, что отсутствие каких бы то ни было чувств, симпатий, привязанности сказывалось на характере внутрисемейных отношений, а в крайних случаях приводило к ненависти, обидам, насилию и, как следствие, к бытовым преступлениям. Брак не по любви занимал первое место среди причин убийств крестьянками своих супругов [19].

Еще один укоренившийся и традиционный стереотип крестьянской семьи – «особое» отношение к женщине, сохранявшееся как в деревне, так и у городских крестьян. В 1880 г. этнограф Н.А. Иваницкий свидетельствовал: «Женщина не пользуется уважением в народе, как существо глупое от природы. Она считается бездушной тварью. Душа у женщины не признается. Не признавая женщину за человека и отвергая в ней душу, крестьянин обращается с женщиной хуже, чем с лошадью и коровой. Бить женщину считается необходимостью» [12, с. 237]. Так, при рассмотрении одного из дел в мировом суде на вопрос у мужа «зачем он бьет свою жену», он равнодушно отвечает: «для чего она мне и жена, если я не могу ее бить?» [9, с. 151].

Что касается правового регулирования личных взаимоотношений между супругами, то не подлежали ведению суда такие насильственные действия, которые не причиняли существенного вреда здоровью. «Пощечины, получаемые по несколько раз в день...да умеренное наказание розгами можно также смотреть, как на желание выказать презрение к личности» [2, с. 16]. Легкие побои причислялись по законам к личным оскорблениям, а за личное оскорбление, нанесенное мужем, жена не могла жаловаться суду. «Надо принять во внимание, что на юридическом языке легкими побоями называются такие, когда ребра у потерпевших не переломаны, спиной хребет остался в целости... Отсюда практическое наставление для мужей: бей жену, но руками, не пуская в дело ни гвоздей, ни смертоносных орудий...Этим золотым правилом постоянно руководствуется народ...» [2, с. 17].

Необходимо отметить еще одну проблему, связанную с правовой безграмотностью крестьянства. Даже если и выходил какой-либо закон, ограничивающий применение насилия по отношению к жене, до простого народа он доходил крайне редко. «Громадное большинство семей живет, не справляясь с велениями закона. Мужик бьет жену, жена плачет, пока есть слезы, – и ни тот, ни другая не интересуются знать, что по сему предмету значит в законах. Законодательные книги неграмотному люду недоступны, да мало доступны и многим грамотным» [6, с. 3].

Ни одно судебное учреждение не могло в пределах законодательства оградить женщину от дурного и жестокого обращения с ней. Крестьянская женщина лишь в очень редких случаях подавала жалобы на своего мужа. От жалоб прежде всего удерживала ее их безрезультатность. Дела о дурном обращении или о побоях разбирались судами в трех случаях: «когда побои отнесены врачом к разряду легких; когда они признаны тяжкими; когда носят характер истязаний» [11, с. 447]. Тем не менее, как бы строго не отнесся судья к насилию, совершенному мужем, он может только посадить его на несколько месяцев, но не в силах уберечь жену от того, что, вернувшись из-под ареста, он не начнет истязать ее еще больше. Узнав, что их могут освободить от мучений только на короткое время, женщины отказывались от обвинений, прощали мужей, а затем их нередко вынимали из петли.

Когда муж был виновен в истязании, мировой судья был обязан направить дело через следователя в окружной суд [2, с. 21]. Такому исходу не всегда радовались несчастные женщины. Проходило несколько месяцев, пока шло следствие, и еще несколько месяцев, а то и год до разбирательства. «Какой ад переживает баба за это время. Мужу все равно, один конец, и он вымещает на жене свой страх перед судом, он тиранит ее пуще прежнего за то, что она смеет выдать его» [2, с. 22].

При существовании суда присяжных кара за жестокое обращение с женой была в большинстве случаев только призрачною. Нравственный уровень развития среды, из которой вербовались присяжные, часто приводил к безнаказанности мужей даже при нанесении ими тяжких побоев [9, с. 183]. Единственной организацией, которая могла хоть как-то влиять на семейную жизнь крестьян, были волостные суды, но они не справлялись с ситуацией. Проблема состояла в определенном отношении самих членов суда к проблеме повиновения жены мужу. «Волостные суды иногда отказываются от разбирательства самых очевидных дел, руководствуясь тем патриархальным принципом, что "муж даром бить свою жену не станет, а если бьет, – значит, она того стоит". Волостные суды разделяли преобладающий в народе взгляд на жену как на рабочую силу, поступающую в собственность мужа, поэтому и наказание мужа за жестокое обращение с женой "приноравливалось так, чтобы не слишком унижить его в глазах жены и не повредить его экономическим интересам"» [10, с. 397].

Кроме того, с точки зрения обычного права, побои жены не считались преступлением в отличие от официального права: «Из 118 случаев побоев мужьями своих жен, зарегистрированных в во-

лостных книгах, суды приговорили к наказаниям только 4 виновных, и то за дебоширство и пьянство» [1, с. 221]. Деревенский сход вмешивался в отношения между супругами лишь в том случае, «если дело кончалось членовредительством, например, выбитым глазом; тогда мужа могли даже посечь» [3, с. 157]. В лучшие условия была поставлена крестьянская жена, если она являлась единственной дочерью в семье; тогда она имела шанс вернуться к родителям и «не бояться пропасть из-за тирана-мужа» [5, с. 319].

Интересное замечание по этому поводу сделал А.Л. Боровиковский при анализе гражданских законов: «Но кто сказал этому мужику, будто есть закон, что нельзя бить жену? Нельзя убить, изувечить, истязать..., но просто "бить" – сделайте одолжение. Быть может в законах написано, что и бить нельзя, но написано как-то неразборчиво, даже грамотеи юристы пришли к толкованию, что личные между супругами оскорбления – ненаказуемы....А не мешало бы издать закон: "бить жену нельзя"» [6, с. 4].

Необходимо отметить, что, несмотря на огромную роль церкви в регулировании внутрисемейных отношений, в многочисленных публикациях мировых судей отсутствуют упоминания о вмешательстве церковной власти в защиту истязаемых женщин [4; 65].

Чтобы освободиться от постоянных истязаний и мук многие женщины шли на убийство своих мужей. «Какова должна быть судьба русской женщины, если на 100 женщин, осужденных за умышленное или предумышленное убийство, 45,45 состояли в брачной или внебрачной связи с потерпевшими, и только 17,36...против лиц посторонних. Видно лучше пойти на каторгу, чем переносить ту обстановку, которая нередко создается в нашей семье патриархальными нравами» [17, с. 399].

Многие ученые второй половины XIX в. отмечали, что в убийстве мужей среду для исследования давали почти исключительно крестьянки и вообще неинтеллигентные слои общества. Согласно статистике Е.Н. Тарновского из 160 осужденных за мужеубийство крестьянок 22 совершили преступление из-за любви к другому; 15 – из-за пьянства и жестокого обращения; 16 – из-за отвращения к мужу в половом отношении [7, с. 31].

Анализ статистических таблиц показывает, что первое место по количеству осужденных по бытовым преступлениям занимали именно крестьяне, причем по всем показателям они превосходили другие социальные группы в несколько десятков раз [16]. С одной стороны, это можно объяснить тем, что крестьянство составляло большую часть в населении городов, в частности в Санкт-Петербурге (31–35 %). Однако доля ремесленников, мещан и купцов

в населении Петербурга была также значительна (22 %), но их показатели преступности не так велики, как у крестьян. С другой стороны, это опять же объясняется неграмотностью, некультурностью и крайней консервативностью крестьян.

По многим бытовым преступлениям число осужденных мужчин в десятки раз превосходило женщин [16]. Так, за телесные повреждения мужчин было осуждено больше в 11 раз, за обиду словом – в 15,7, за обиду делом – в 24,8, за жестокое обращение – в 11,8 раз [16].

Согласно данным статистических таблиц соотношение между мужчинами и женщинами, осужденными за убийство супругов, было примерно равно (лишь в некоторых случаях число осужденных мужчин превышало женщин в 1,2 раза); за покушение на убийство женская преступность в среднем превышала мужскую в 1,1 раз; за отравление число женщин превысило число мужчин почти в два раза [16]. Что касается отравлений, то в этом случае прерогатива оставалась за женщиной: «Именно из мужей прибегают к яду 1 из 26, из жен 1 из 3» [8, с. 116].

Наиболее жестокие преступления совершались именно выходцами из крестьянской среды: «Жалуется на жестокие побои мужа крестьянка и... представляет "вещественное доказательство" – клочок волос, вырванный из ее головы» [13, с. 374]. Другой пример: крестьянин-мастерской вследствие спора со своей женой выбросил ее из окна. Так как дело происходило на четвертом этаже – женщина разбилась насмерть [13, с. 143].

Исследователи того времени связывали рост преступности именно с миграцией крестьянства в крупные города, относя его к дикому и некультурному слою населения: «Сельская преступность характеризовалась главным образом телесными повреждениями, главными источниками которых было пьянство и крайняя некультурность крестьянской среды» [20, с. 27]. Переезжая из деревни в город, крестьяне несли с собой свои обычаи и нравы, касающиеся семейных отношений, которые были далеко не либеральны и считали за норму, когда муж «поучает» свою жену на глазах у всей деревни [20, с. 19]. Данное отношение к женщине вместе с традицией заключение брака «по необходимости» являлись благодатной почвой для семейных ссор и драм.

Тем не менее, во второй половине XIX в. начался процесс гуманизации внутрисемейных отношений в крестьянской семье. Мировой суд находился под влиянием земства и новых либеральных идей, поэтому оказывал большое покровительство женщинам, страдавшим от жестокости и самоуправства своих мужей. Так, один из со-

временников отмечает: «При крепостном праве мужик делал с бабою, что хотел, истощал ее непосильною работою, куражился над ней, часто забивал ее до полусмерти. Теперь женщины стали поднимать голову, как и младшие в семье» [12, с. 243]. К середине XIX в. малая семья стала преобладающей формой семейной организации среди городского населения, включая и крестьян. Однако стоит отметить, что ломка устоявшихся традиций в крестьянской среде происходила медленно и болезненно, о чем свидетельствует сохранение достаточно высокого уровня бытовой преступности именно в крестьянской среде.

Список литературы

1. Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX в.). – М.-Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2000.
2. Безобразова П.В. О правах женщин. – М.: Тип. Рассвет, 1895.
3. Беловинский Л.В. Изба и хоромы: из истории русской повседневности. – М.: Профиздат, 2002.
4. Белякова Е. «Бабы стоны». Как разводились в Российской империи // Родина. – 2002. – № 7. – С. 63–67.
5. Бобров Д. По поводу бабьих стонов // Юрид. вестн. – 1885. – Т. 20. – Кн. 2. – С. 319–323.
6. Боровиковский А.Л. Конституция семьи. – СПб.: Тип. Сенатская, 1902.
7. Давыдов Н.В. Женщина перед уголовным судом. – М.: Изд-во Т-ва И.Д. Сытина, 1906.
8. Канторович Я.А. (Орович Я.) Женщина в праве. С приложением всех постановлений законодательства, относящихся до лиц женского пола. – СПб.: Изд-во Я. Канторовича, 1895.
9. Кулишер М.И. Развод и положение женщины. – СПб.: Тип. Б.М. Вольфа, 1896.
10. Лазовский Н. Личные отношения супругов по русскому обычному праву // Юрид. вестн. – 1883. – № 6. – С. 393–399.
11. Лудмер Я.И. Бабы стоны // Юрид. вестн. – 1884. – № 11. – С. 440–467.
12. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи и правового государства. – Т. 2. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.
13. Михневич, В. Язвы Петербурга. – СПб.: Тип. С.С. Сущинского, 1886.
14. Русские: семейный и общественный быт. – М.: Наука, 1989.
15. Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 года. – СПб., 1872.
16. Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1873–1884; 1886–1888; 1890; 1893; 1897 году. – СПб.: Сенатская тип., 1874–1876; 1878; 1879; 1883–1885; 1887; 1888; 1890–1892; 1895; 1897; 1901.
17. Спасович В. Уголовная статистика // Вестн. Европы. – 1876. – № 5. – С. 389–403.
18. Статистические таблицы Петербургской губернии за 1862 год. – СПб., 1863.
19. Тарновская П.Н. Женщины – убийцы. – СПб.: Тип. Творчество Худ. печати, 1902. – 498 с.
20. Трайнин А. Преступность города и деревни в России // Русская мысль. – 1909. – № 7. – С. 17–38.

Национальная политика в Советском государстве в 1920-х – 1930-х гг.: случай финнов-иммигрантов в Карелии

В статье рассматриваются содержание и механизмы реализации национальной политики советского руководства применительно к финнам-иммигрантам из Финляндии и Северной Америки в Карелии. В фокусе находятся причины трудности культурного диалога пришлого и местного населения, отсутствие действительной помощи «сверху» для интеграции иммигрантов, истоки конфликтов в многонациональном пространстве.

The article describes principles and implementation of the soviet national policy, focusing on Finnish immigrants to Karelia, moved from Finland and North America. Difficulties of cultural communication between immigrants and locals, lack of real governmental assistance in integration as well as reasons of conflicts in the multiethnic society are studied in the paper.

Ключевые слова: национальная политика, Карелия, финны-иммигранты, «коренизация», «финнизация», культурная коммуникация, репрессии.

Key words: national policy, Karelia, Finnish immigrants, korenization, finnization, cultural communication, repressions.

В революционных условиях 1917–1918 гг. новое, большевистское, руководство многонациональной, разваливающейся на лошкаты державы стремилось осуществить идею мирового социализма. Победа казалась столь близкой, что большевиков не смутили ни поражения сторонников советской власти в Германии, ни провал красных сил в отсоединенной от России в рамках права наций на самоопределение соседней Финляндии. Романтизм идеи мирового коммунизма подкреплялся тем, что в Советское государство иммигрировали тысячи красных финнов, разделявших идеи глобальной революции. Встреченные с энтузиазмом политические иммигранты из Финляндии продолжали прибывать в Союз вплоть до начала 1930-х гг., составив так называемую первую волну финской иммиграции. Основная масса их расселилась в европейской части России, большей частью, в Петрограде [6, с. 103]. Небольшое число беженцев направилось в Советскую Карелию (около 500 чел. за

* **Кочеткова Елена Алексеевна**, слушательница, Европейский университет в Санкт-Петербурге.

1918–1920 гг.), увеличившееся за последующее десятилетие по разным подсчетам до 2–5 тыс. чел. [17, с. 108].

Финны, охотно принимавшиеся большевиками, могли, с точки зрения последних, выполнить двойную задачу: помочь реализации важной миссии экспорта революции, отправной точкой которой считался север России, и для успешного достижения этого, преобразовать Карелию в «образцовую социалистическую республику, способную революционизировать соседнюю Финляндию и Скандинавские страны» [16, с. 210]. Советская Карелия должна была явить «эталон» развития и «пример превосходства советской модели» над буржуазной [18, с. 72]. Внутренние ресурсы края, казалось, не имели самодостаточной силы для решения таких задач: малонаселенная, крестьянская, «темная окраина» в начале столетия представляла собой очень слабый в экономическом отношении сельскохозяйственный регион [19, с. 12].

Привлечение в качестве внешнего фактора именно финнов к выполнению трудных задач должно было в глазах оставшихся в Финляндии поднять авторитет Советского Союза, и тем самым способствовать реализации идеи революции [8. Оп. 1. Д. 2/6. Л. 423]. Энтузиазм красных финнов в полной мере использовался Москвой: они заняли ключевые посты в управленческих структурах, возглавили строительство индустриальных объектов, были задействованы в сфере образования и культуры.

Трудные политические условия – опасность сепаратизма в Карелии, амбиции Финляндии в отношении края с целью присоединения его к своей территории – обусловили принятие советским руководством в 1920 г. предложений красного финна Э. Гюллинга об образовании особой Карельской трудовой коммуны для лишения «Финляндии оснований претендовать на Восточную Карелию» и реализации дела революции [1, с. 258]. С образованием коммуны главным для руководства Карелии стало хозяйственное развитие региона. С целью решения совпавших таким образом политических и экономических задач Москва действовала широкими жестами: в 1921 г. Карелии была дана хозяйственная автономия в рамках провозглашенного в стране нэпа, красные финны получили возможность регулировать все сферы экономики, а также использовать местные доходы непосредственно для нужд региона.

Сам вопрос этнической принадлежности переселенцев, с точки зрения Москвы, до начала 1920-х гг. не имел принципиального значения для внутреннего развития региона. Революционный оптимизм оттенял и подчинял все остальные проблемы: как восстановление народного хозяйства, так и национальный вопрос должны были

служить мировому социализму. Это означало, что этническая принадлежность финнов использовалась в планах революционизирования Севера Европы и Финляндии, в частности. Такая задача, однако, плохо коррелировалась с тем, что лейтмотивом революционной идеологии большевизма был лозунг «у пролетариев нет отечества», в рамках которого растворялись национальные аспекты. Пожалуй, то, что переселенцы являлись именно финнами, было однозначным и принципиальным критерием именно для карельских руководителей, но не для Москвы. Возглавивший с 1920 г. только что созданную Карельскую трудовую коммуну красный финн Э. Гюллинг «начал собирать в республику финнов-эмигрантов, претворяя в жизнь [свою] идею о создании национальной карело-финской автономии». К середине десятилетия это стало тем более важным, что после серии административных реформ в 1922–1923 гг. и преобразования Карелии в автономную республику, за счет присоединения новых территорий существенно (до 54 %) выросло число русского населения [15, с. 33].

С постепенным угасанием революционного энтузиазма и необходимостью решать острые внутренние проблемы, советское руководство обратило пристальное внимание на национальный вопрос. Многонациональность Советского Союза и Карелии, в частности, заставила Москву проводить национальную политику в качестве определенного набора мер, осуществляемых «сверху» и направленных на регулирование жизни этнических групп, одной из ключевых.

В 1923 г. на XII съезде ВКП(б) было заявлено о необходимости борьбы с «великорусским шовинизмом» и предоставления коренным нациям равных экономических возможностей и политических прав [2, с. 18]. Само понятие «нация» после революции претерпело содержательные изменения: сначала оно заменило слово «инородцы», употреблявшееся по отношению к нерусским, проживавшим в империи, в основном в присоединенных окраинах [13, с. 219]. В этом отношении финны, поляки и прочие этнические группы перестали быть инородцами, но стали рассматриваться как нации, подразумевающие полное равенство с другими этническими группами. Однако в начале 1920-х гг. выкристаллизовывалась схема градации этнических групп на основе идеи об их уровне развития. Согласно предложенной И.В. Сталиным схеме нация должна была соответствовать следующим критериям: иметь общий язык, общую территорию проживания, общие историю и национальный характер [17, с. 102]. При отсутствии хотя бы одного из признаков этническая группа признавалась народностью или национальной группой, т. е. подводилась под категории более низкого порядка. Под коренными нациями по-

нимались этнические группы, соответствующие всем критериям и проживающие при этом на своей исконной территории.

В отношении жителей Карелии данная схема создавала явное противоречие. С одной стороны, коренное население республики – карелы – исконно населяло ее территорию (не считая присоединенные в начале 1920-х гг. русские территории) и являлось титульным. С другой стороны, отсутствие письменности, низкая степень развития, занятие натуральным хозяйством, как основным промыслом, не позволяло карелам считаться нацией. Учитывая некомпактность проживания карел, чаще всего говорили о собирательном аморфном понятии «карельский народ». Все это привело к созданию лубопытной ситуации: название республики не соответствовало идее титульной коренной нации. Соответственно, хотя карелы и составляли к этому времени 40,6 % населения, они не могли получить прав и, тем более, не могли вместе с красными финнами, которые вопреки логике схемы уже имели эти права, заняться непосредственным ведением дел республики.

Решение было найдено достаточно просто: логическим образом выводилось то, что карелы и финны принадлежат к финно-угорской группе и потому являются племенными братьями, и последние могут в буквальном смысле заменить первых, помочь им преодолеть отсталость. Поэтому именно финское население, считавшееся фактически национальным для Карелии, было поставлено во главу угла «коренизации», по содержанию и характеру приобретшей форму «финнизации». Такая политика была явным отклонением от принципов 1923 г. и «работала на вырост» – еще живы были идеи о революции и присоединении Финляндии к СССР. При этом число финнов в Карелии к началу десятилетия достигало не более 1 %, и финны не вполне подходили под предложенную схему градации этносов. Очевидно, являясь нацией, финны имели титульную страну в буржуазном мире, следовательно, проживавшие на тот момент в Союзе финны не имели связи с родиной. В самой советской стране они не имели автономии, которой формально обладали карелы, фактически нацией не признававшиеся [2, с. 20]. В 1929 г. была принята окончательная программа «финнизации»: увеличение национального (читай – финского) населения и создание национальных рабочих кадров (финских), введение финского языка, расширение издательской деятельности на финском языке и т. п. [3, с. 136]. В июне 1930 г. в докладе ЦК ВКП(б) 16-му партийному съезду И.В. Сталин подчеркнул значимость продолжения политики «коренизации».

Выполнение первых положений программы было возможно только за счет «вливания» финского населения извне. Как и в случае с красными финнами, советской власти опять пришлось обратиться к внешнему фактору для решения внутренних задач. Как и в конце 1910-х – начале 1920-х гг. политическая составляющая соединилась с экономическими задачами: национальная политика хронологически «развернулась» в период проведения индустриализации. Последнее решило судьбу карельской автономии: с принятием первого пятилетнего плана Карелия была включена в общесоюзные планы, а усиление Москвы и проходившая в стране централизация управления выявили зыбкость самостоятельности красных финнов в решении карельских дел.

Фатальным образом задачи индустриализации и национальной политики хронологически совпали с тем, что за океаном, в США и Канаде, находилась значительная группа финнов, иммигрировавших туда в начале XX в., готовых отправиться в далекую Карелию. Причины последнего заключались в нескольких моментах. Во-первых, конец 1920-х – начало 1930-х гг. – время мирового кризиса, родившегося в Штатах и быстро поразившего другие капиталистические государства, ситуация в которых обернулась быстрым ростом безработицы. Финны, проживавшие в Северной Америке, были заняты в основном в лесной промышленности, и как иммигранты, в первую очередь теряли работу. В то же время многие из них симпатизировали коммунизму, что вызвало политическое давление «сверху» и массовые депортации со стороны американского и канадского правительств. Напротив, в активно строящейся на фоне мирового кризиса Советской стране, как казалось, их ожидали, в чем убеждала развернутая среди североамериканских финнов советская пропаганда и печать. Многие финны искренне верили в построение социализма в СССР и лучшую жизнь. Более того, они были довольно мобильной группой: иммигрировав в Северную Америку в начале столетия, большинство не сумело закрепиться там. С 1931 г. теперь с согласия Москвы начался плановый «завоз» «американцев» и «канадцев», составивший вторую волну финской иммиграции в страну Советов. Всего в Карелию переселилось около 6 тыс. чел. [17, с. 109].

В переселении североамериканских финнов в связи с указанными выше потерей Карелией автономии и централизацией управления, ключевую роль играла Москва, с разрешения которой создавались специальные структуры, занимавшиеся вербовкой и размещением прибывших. Советское руководство осуществляло также контроль над третьей волной финской иммиграции, вызван-

ной экономическим и частично политическим кризисом в Финляндии. Начиная с 1930 г., граждане Финляндии самовольно переходили советско-финляндскую границу на всем ее протяжении, надеясь найти в Советской стране работу, так как, например, в 1932 г. число безработных в Финляндии достигало 70 тыс. чел. [21, с. 52]. Некоторые эмигранты также бежали от политических преследований, будучи заподозренными в прокоммунистических симпатиях, и испытывая давление со стороны фашистов-лапуасцев. Свою роль сыграла и советская пропаганда, призывающая финнов к переселению в республику: такая политика была действенной, многие, не имея работы, уезжали в СССР. Эта миграция в целом проходила хаотично и нелегально. Перебежчики попадали в специальные карантинные лагеря, откуда после проверки направлялись на работу в различные районы страны. Вопрос о численности их в Карелии остается открытым; по разным данным всего в Союз прибыло от 12 до 15 тыс. чел. [17, с. 110].

Итак, за короткий временной отрезок в Карелию переселились три группы финнов, имевших разный опыт и происхождение, но оказавшихся в одном многонациональном пространстве. Финская иммиграция отвечала нуждам национальной политики и задачам индустриального развития республики. Интересен в этой связи вопрос о том, насколько важным был сам факт принадлежности переселенцев к финскому этносу, и в какой степени учитывалась «финскость» прибывших. Кажется возможным утверждение о том, что финны должны были компенсировать отсутствие карельской нации, и их национальный характер, этнические особенности едва ли учитывались советской властью. Запись в переселенческих анкетах в графе о национальной принадлежности стала главным, но во многом формальным критерием при отборе кандидатов. Комичность ситуации с учетом соотношения лозунгов с реальностью и неоднозначностью «коренизации» заключалась в том, что финнов обозначали как «иностранцев национальных рабочих». «Финскость» как таковая не играла большой роли, и главным было то, что иммигранты могли занять вакантные места в ключевых отраслях промышленности и подменить титульную нацию, так как национальная принадлежность лишь оказалась «кстати» в контексте «коренизации». Как и в случае с красными финнами реальная политика советского руководства отталкивалась от казуса: наличие финнов, готовых приехать в Союз, корректировало «коренизацию». В то же время игнорирование финских переселенцев и акцентирование внимания на завозе только русских рабочих было чревато тем, что Карелия вообще могла перестать носить «карело-финский нацио-

нальный характер» [20, с. 191]. Игнорирование желания переселенцев было чревато быстрым провалом национальной политики.

Масштабный финский проект, реализовывавшийся советским руководством, был осуществлен в форме своего рода контракта. Руководство Карелии заключало с переселенцами коллективные трудовые договоры, где фактически были прописаны «услуги за услуги». Так, финны должны были вовремя приходить на работу, выполнять плановые задания, уважительно относиться к труду, за что хозорганы гарантировали рабочие места, своевременную выплату заработной платы, предоставление жилья, возможности для проведения досуга и т. п. [10. Оп. 1. Д. 1/4. Л. 76]. Взаимная выгода на бумаге иллюстрировала идиллию чаяний советского руководства и переселенцев. Позиция Москвы – «мы даем вам убежище и возможность для реализации ваших надежд – (соответствующих для каждой волны переселенцев) совершить революцию в Финляндии, найти работу или построить социализм, а вы выполняете наши условия» – в сочетании с обещаниями лучшей жизни в светлом коммунизме вполне соответствовала желаниям иммигрантов.

Особенностью расселения финнов-иммигрантов была компактность, локализация в нескольких местах. В сравнении с коренным населением Карелии, финны, находившиеся в фокусе «финнизации», предоставившие реальные выгоды краю в виде квалифицированной рабочей силы, получали больше привилегий. Финны в первую очередь имели право на жилье, более достойную плату за труд, более высокие нормы снабжения. Вероятно, этим руководство также хотело предупредить возникновение недовольства существовавшими условиями людей, приехавших из стран, где материальные условия были лучше. На общем фоне положение финнов в Карелии являлось временем благосостояния, которое у представителей разных волн иммиграции было разным [22].

Хотя положение красных и североамериканских финнов считалось самым обеспеченным, их благосостояние было именно советским: квартиры на 5–6 семей, плохое питание, антисанитарные жилищные условия приводили иммигрантов в ужас, особенно тех, кто прибыл из США и Канады, где нормой жизни было иметь свой дом, автомобиль и небольшое хозяйство. На производстве положение дел немногим отличалось от бытовых условий: нехватка материалов и орудий, ошибки администрации, отсутствие каких-либо возможностей для культурного досуга и отдыха и т. п. [7. Оп. 2. Д. 16/217. Л. 12]. Советские условия недвусмысленно разрушали представления иммигрантов, в отличие от советских людей видевших лучшую жизнь и до прибытия в Союз не имевших представле-

ния о реальном положении дел в стране, но, вероятно, на основе сообщений советских каналов пропаганды и лозунгов создавших себе образы идеального общества социализма. Это несоответствие порождало противоречие выстроенных в воображении финнов ожиданий и реалий советской действительности, что в свою очередь порождало жалобы к администрации и хозяйственным структурам. Попытки найти справедливость встречали характерные ответы: «уезжайте обратно», «нахлебники». Материальные условия, порожденные противоречием обещаний и представлений и являвшиеся грубым нарушением трудовых договоров, вызывали недовольство и становились причиной конфликтов на экономической почве с местным населением. Местные жители, в отличие от финнов, не имели привилегированных условий, что вызывало недовольство аборигенов, зависть, негативное отношение к иммигрантам. Получалось, что выстраивалось двустороннее неудовлетворение: пришлых строителей социализма тем, что им предоставляли, и местного населения тем, что имели финны.

Положение перебежчиков было во многом сходно с условиями жизни местного населения. Побывав в специальных проверочных лагерях, иммигранты, помимо прочего подозревавшиеся в шпионаже и политической неблагонадежности, не имели возможности довольствоваться нормами других финнов.

Тем не менее, в отношениях всех групп переселенцев с местным населением значительной трудностью было культурное непонимание. Финны были «другими» как внешне, так и на уровне восприятия даже местных карелов, исторически близких русскому населению. Финны, не представлявшие свою жизнь без культурной деятельности, создававшие театральные, музыкальные, спортивные кружки, встречали удивление и непонимание, порождавшие вопрос: как в годы активного социалистического строительства, можно думать об отдыхе? В свою очередь иммигранты сталкивались с отсутствием какой-либо культурной жизни вообще, особенно в рабочих поселках. Например, даже в столице Карелии к середине 1930-х гг. едва ли не единственным «развлечением» было радио, которое проводили только в самые крупные квартиры; редкие фильмы в клубах показывали только на русском языке [7. Оп. 1. Д. 13/150. Л. 190]. Финнов удивляла примитивность жизни советского общества, однообразность и рутинность.

Главным препятствием для диалога пришлого и местного населения был языковой барьер. Хотя финский язык должен был стать согласно «коренизации» главным языком, в практической жизни ни русские, ни карелы на финском не говорили. В источниках часто

встречается упоминание о том, что общение пришлого и местного населения даже на производстве было затруднено, что усугублялось введением бригадного способа труда, осуществлявшегося по национальному признаку [10. Оп. 1. Д. 2/21. Л. 29].

Таким образом, финны жили и даже трудились обособленно; они создавали свои клубы, кружки на финском языке. Трудности в общении возникали даже между карелами и финнами, по мнению московского руководства, представлявшими единую финно-угорскую группу. На деле проблемный карельский язык был разделен на ряд диалектов, из которых только северокарельский был близок литературному финскому. Сами карелы, хотя по мысли Москвы и составляли братскую финнам народность, таковыми в действительности не являлись. Финны, прибывшие из буржуазных стран, были «чужими» для соплеменников, нахлебниками. «Они пришли есть наш хлеб» [9. Оп. 2. Д. 790. Л. 15–16], считали карелы, очевидно, в слове «наш» читалось «карелов» и «русских».

Существовавшие сложные условия финны соотносили с политическим режимом и с особенностями уровня культурного развития местных жителей, экстраполируя бытовые проблемы на неспособность советской власти создать приемлемые условия жизни населения. Не случайно в сводках спецорганов указывалось, что среди политических высказываний финнов преобладают «потребительские настроения» [12, с. 117], что вполне объяснимо желанием людей проживать в приемлемых условиях. Бытовой примитивизм и советские реалии финны соотносили с национальными особенностями местных этносов, в т.ч. карел. Они и русские, по мнению иммигрантов, не способны были создать «нормальное» общество, так как это люди низкой культуры. Априорно возникла идея превосходства финской нации, «пропитанности» советской реальности ложью и беспочвенными лозунгами. Это увеличивало дистанцию между пришлыми финнами и местным населением.

Ностальгия по Карелии как малой Родине, являвшаяся одним из сопутствующих мотивов переселения финнов в республику, сменялась в первые годы после эмиграции ностальгией по капиталистическому Западу – США, Канаде и Финляндии. Характерным примером этого является то, что, например, в Петрозаводске, в одной из квартир иммигрантов устраивались вечера, где в «буржуазной» одежде финны проводили досуг, слушали музыку, беседовали и где на подносах разносили еду и напитки¹.

¹ Из частной беседы с Р.А. Нисканен.

Изолирование финнов было, таким образом, реальной практикой при наличии провозглашенной недопустимости изоляции по национальному признаку. Москва, однако, предпринимала слабые попытки препятствовать изоляции, но для их успешного осуществления фактически не было механизмов, действенных рычагов. Настойчивые указания «сверху» об улучшении условий переселенцев, шедшие в республику, оставались лишь инструкциями. Неудачной оказалась и кампания по созданию положительного образа иммигрантов в карельской печати. Типичными были заголовки статей типа «Ни один из нас не вернется обратно в Америку!», «Мы приехали помочь» и т. д. [4, с. 5]. Навязываемый образ не соответствовал реальности: огромная культурная и психологическая дистанция, разный образ жизни и поведение создавали противоположный образ иммигрантов. Кампания свидетельствовала о двойственности политики руководства: проповедь доброго образа иммигрантов в прессе противоречила реальной политике, предоставлению иммигрантам больших прав и возможностей для существования. Неудачными оказались и попытки обучения финнов русскому, а русских – финскому языку [11. Оп. 1. Д. 4/38. Л. 120].

Финны замыкались в своем кругу, изолировались, не сумев вписаться в советское общество. Интеграция как «погружение» финнов в советскую среду, прежде всего адаптация к новым условиям, т. е. адекватность восприятия и принятие советской действительности, «аборигенов» и политики, принятие финнов как нечуждых советскому обществу оказалась невозможной. Слабые попытки советского руководства не допустить конфликты на национальной почве наталкивались на противоречивость политики «коренизации», отхода от принципа «интернационального братства» и равенство всех пролетариев. Контракт, заключенный между советским руководством и переселенцами, оказался неудачным.

В 1936 г. были ликвидированы привилегии для иммигрантов, начались репрессии, причины которых до сих пор вызывают споры. Возможно, отчасти справедливо утверждение о том, что репрессивные акции были вызваны стремлением руководства пресечь растущее недовольство условиями и избежать открытого противостояния советской власти со стороны финнов [23]. Финны стали «разменной монетой» в неудачном финском проекте: чуждый элемент, выражавший недовольство, легче было ликвидировать, обвинив в шпионаже и буржуазном национализме, симпатиях к вражеской Финляндии, нежели попытаться проводить действенную политику интеграции.

Так или иначе, во второй половине 1930-х гг. происходит изменение концептуальных основ национальной политики. На февральско-мартовском пленуме 1937 г. И.В. Сталин «дал свои известные инструкции по организации повышения политической бдительности и выдвижению новых кадров». Тогда была заложена новая концепция великорусской нации, которая стала «старшим братом» в семье советских народов» [22]. Термин «коренизация» исчез из употребления в прессе, началась ликвидация финноязычной литературы, были запрещены лекции и выступления на финском языке, который был объявлен языком «фашистского или полуфашистского общества» [18, с. 15]. Главной тенденцией стало стремление ликвидировать все заслуги финского населения республики, минимизировать роль финнов в истории Карелии [23]. Вопрос о количестве репрессированных остается открытым, однако некоторые исследователи считают, что к 1939 г. финны составили 40 % из числа всех подвергшихся гонениям; при этом общее число населявших республику финнов равнялось 3 % [14, с. 199].

Список литературы

1. Всекарельский съезд представителей трудящихся карел, 1–3 июля 1920 г. Первый всекарельский съезд советов, 11–8 февраля 1921 г. Протоколы. – Петрозаводск. 1990.
2. Вихавайнен Т. Национальная политика ВКП(б)/КПСС в 1920-е – 1950-е годы и судьбы карельской и финской национальностей // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920-е – 1950-е годы. – Петрозаводск, 1998. – С. 15 - 41.
3. Кангаспуру М. Финская эпоха Советской Карелии// В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920-е – 1950-е годы. – Петрозаводск, 1998. – С. 123–160.
4. Красная Карелия. – 1932. – № 8.
5. Красная Карелия. – 1932. – № 73.
6. Коронен М.М. Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов. – Л., 1969.
7. Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. Р 685.
8. НА РК. Ф. Р 794.
9. НА РК. Ф. П 3.
10. НА РК. Ф. П 89.
11. НА РК. Ф. П 1631.
12. Неизвестная Карелия: Документы спецорганов о жизни республики, 1921–1940. Т. 1. – Петрозаводск, 1997.
13. Селищев А.М. Язык революционной эпохи. – М., 2003.
14. Такала И.Р. Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920-е – 1950-е годы. – С. 161–206.
15. Такала И. Р. Финны в Карелии и в России. – СПб., 2002.

16. Такала И. Р. Финны в Кондопоге // Кондопожский край в истории Карелии и России: материалы III краевед. чт., посвящ. памяти С.В. Шежемского (7–8 апр. 2000 г.). – Петрозаводск-Кондопога, 2000. – С. 210–216.
17. Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века. – Петрозаводск, 2009.
18. Hakamies P., Fišman O. Unelma uudesta Karjalasta. – Jyväskylä, 2007. S. 15.
19. Johansson O. Kontupohja – iskutyö. – L., 1932. S. 12.
20. Kauppala P. Neuvosto-Karjalan 1920-luvun kehitysprosessi systemaattisessa vertailussa Suomen historialliseen kehitystiehen// Kansallisuus ja valtio. No. 5. Joensuu, 1995. S. 191.
21. Kostainen A. Loikkaarit. – Helsinki, 1988. S. 52.
22. Suomen kansallisarkisto. K 683. Suomalaisten teloitukset Venäjällä.
23. Suomen kansallisarkisto. P. Renvallin kokoelma. Kotelo 159.

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ

УДК 94(47).084.9:332.021.8

*С. И. Подольский**

Реформатор «хрущевского» периода – В.Н. Новиков

В плане изучения социальной истории (по большому счету – истории людских взаимоотношений) представляет интерес деятельность хозяйственника общегосударственного масштаба В. Н. Новикова в годы реформ Н. С. Хрущева. Именно тогда, заняв важное место в элите общества, он оказывал немалое влияние на выработку политического курса.

Activities of the national/State industrial manager Novikov V.N. during the Khrushchev's reforms are interesting for the social history (mostly, interpersonal relations history). At that time, he become a high-ranking official and had material effect on USSR policymaking.

Ключевые слова: Ижевский машиностроительный завод, наркомат вооружения СССР, Национальная выставка в Торонто, председатель Ленинградского совета народного хозяйства, товары народного потребления, председатель Госплана СССР, структурная перестройка промышленности.

Key words: Izhevskiy machine factory, People's commissariat of weapons of the USSR, Canadian National Exhibition, chairman of Leningrad council of national economy, consumer commodities, chairman of State planing committee of the USSR, structural reorganization of economic.

Время реформ Н.С. Хрущева ознаменовалось серьезной попыткой сократить военно-промышленное производство и сделать акцент на удовлетворении нужд простых людей. Во главе этого сложного процесса находились деятели, окружавшие Н.С. Хрущева. Среди них заметное место занимал Владимир Николаевич Новиков (1907–2000). Отечественная историография не располагает научной биографией В.Н. Новикова. Между тем в плане изучения социальной истории (по большому счету – истории людских взаимоотношений) представляет интерес деятельность В.Н. Новикова в хрущевские годы – в период административного и

* **Подольский Сергей Игоревич**, аспирант кафедры русской истории факультета социальных наук, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена.

профессионального взлета В.Н. Новикова. Именно тогда, заняв важное место в элите общества, он оказывал немалое влияние на выработку политического курса. В основе нашего исследования лежат его опубликованные в разные годы воспоминания, публикации Госплана СССР и архивные материалы Ленинградского совнархоза.

В.Н. Новиков, родившись в Новгородской губернии, получил образование в 1928 г. в Новгородском индустриальном техникуме. А затем, направленный в Ижевск на оружейный завод, он в 1934 г. закончил вечернее отделение Ижевского филиала Ленинградского военмеха [8, с. 5, 7, 14]. В.Н. Новиков сделал впечатляющую карьеру на Ижевском оружейном заводе, пройдя там за 1928–1939 гг. все ступени от конструктора-чертежника до директора [4, с. 442]. О нем шла слава как о первом эффективном советском управленце, при котором Ижевский завод заработал ритмично (это было достигнуто за счет укрепления исполнительской дисциплины) [5, с. 1]. Впоследствии В. Н. Новиков признавал, что его «рост» отчасти объяснялся массовыми репрессиями [11, с. 227, 236–237]. На склоне лет он вспоминал, что после ареста в 1937 г. группы инженеров все работники, и он сам испугались. «... Производство начало лихорадить, – отмечал Владимир Николаевич, – «руководители многих участков стали работать неуверенно» [8, с. 23–24]. В будущем умение держать удар, приспосабливаться к сложной психологической ситуации очень помогли В. Н. Новикову.

В годы войны он уже был заместителем наркома вооружений СССР Д.Ф. Устинова и организовывал производство боеприпасов и стрелкового оружия на различных заводах в тылу, получил бесценный опыт работы при сочетании производственного штурма и экстремальных условий хозяйствования [13, с. 260, 269]. Д.Ф. Устинов в 1945 г. назвал его «одним из крупнейших специалистов в области... усовершенствования стрелкового вооружения» [18. Л. 48]. Молодого заместителя наркома оценили за рубежом: его данные значились в секретном справочнике военной разведки США [2, с. 535]. По всей видимости, после войны произошло осложнение отношений с руководством Министерства вооружения СССР – причины пока неясны, поэтому В. Н. Новиков был направлен руководить НИИ стрелково-пушечных вооружений [18. Л. 21].

К реорганизациям Н.С. Хрущева Владимир Николаевич поначалу отнесся отрицательно. Вот как он рассказывал о первых годах правления нового руководителя: «... после 1953 г. в руководстве народным хозяйством началась форменная «чехарда». Министерства то ликвидировались, то объединялись...», в общем – по его

словам – «смутный период» [12, с. 112]. Тем не менее, именно в атмосфере организационных изменений В.Н. Новиков из военно-научной области снова вернулся на высокие номенклатурные посты. Ибо не входил в окружение ни одного из потенциальных противников нового руководителя страны по Президиуму ЦК КПСС, а наоборот находился в дружеских отношениях с бывшим инженером, в годы войны главой Ижевской парторганизации, Фролом Романовичем Козловым, одним из ближайших соратников Н.С. Хрущева [8, с. 160]. В дальнейшем покровительство Фрола Романовича определит карьеру В.Н. Новикова. Будучи переведенным на партийную работу в Ленинград в 1949 г., Ф.Р. Козлов, занимая пост второго, а затем первого секретаря Ленинградского горкома, «...осуществлял непосредственную репрессивную работу...» по «ленинградскому делу» [3, с. 129]. В то же время он был ретивым администратором.

В августе 1956 г., когда советские инженеры и партийно-государственные работники стали выезжать за рубеж, В.Н. Новикова, тогда заместителя министра общего машиностроения (оборонного ведомства), отправили в командировку в Торонто на Канадскую национальную выставку [18. Л. 3]. К зарубежному техническому опыту заместитель министра относился как прагматик, без идеологических предубеждений: еще в конце 1920–х гг., будучи конструктором мотоциклов на Ижевском заводе, работал среди мастеров, знавших «многие заграничные модели, закупленные в Германии, Англии, Америке...». [8, с. 10]. В 1958 г. он, уже работая в Ленинграде, вспоминал подробности той поездки, сравнивал образ жизни канадцев с советским: у канадцев В.Н. Новиков видел электрифицированные машины для кухни, электроповаров, моечные машины. Он отмечал: «в вопросах бытовых вещей... облегчающих труд хозяйке, мы и понятия не имеем» [16. Л. 39–40]. Освоение современных образцов бытовых приборов иностранных фирм происходило в СССР с большим опозданием, поэтому В.Н. Новиков заявил: «Я был в Канаде и убедился, что мы осваиваем для них уже старое...» [16. Л. 40]. Сравнение с зарубежным опытом как бы подсказывало: населению страны требуется улучшение условий жизни, невозможное без насыщения рынка товарами потребления.

С перестройкой управления промышленностью и строительством, предполагавшей создание региональных органов управления по территориальному принципу – советов народного хозяйства – с 1957 г. начался новый виток реформ. В.Н. Новикова – опытного хозяйственника, занимавшего пост председателя комитета по воору-

жению СССР, в мае 1957 г. неожиданно вызвали в Ленинград, в Смольный к Н.С. Хрущеву. У самого В.Н. Новикова было противоречивое отношение к новым органам управления: «Я... считал тогда, что будет утрачено квалифицированное управление заводами» [9, с. 108–109]. Но на встрече с Н.С. Хрущевым в Ленинграде дипломатично сказал о совнархозах: «...дело новое, интересное... работа пойдет активнее». Первый секретарь, по воспоминаниям В.Н. Новикова, «...сказал, что есть намерение назначить меня председателем Ленинградского совнархоза...» и «...глядя на меня в упор, спросил: «Ну, как?»». Окончательно о переезде в Ленинград бывшему оборонщику сообщил Ф.Р. Козлов тем же вечером в «Астории»: «решение принято. Ты назначен... начинай действовать» [9, с. 109–110]. Но сомнения по поводу целесообразности совнархозов у В.Н. Новикова поначалу оставались.

Руководя совнархозом с июня 1957 г., В.Н. Новиков опасался столкновений с партийными органами, претендовавшими на право опекать предприятия города. Но на стороне председателя СНХ был его хороший знакомый – первый секретарь обкома КПСС Ф.Р. Козлов, отношения с ним определили в значительной мере управление промышленностью и строительством в Ленинградском регионе в 1957 г. В.Н. Новиков вспоминал: «...Фрол Романович был хорошим "покровителем", совнархоз при нем чувствовал силу и уверенность в своих действиях...». Председатель совнархоза решал вопросы непосредственно с ним. Даже первый секретарь Ленинградского горкома КПСС И. В. Спиридонов не имел права требовать отчета у В. Н. Новикова. Ему Ф.Р. Козлов как-то сказал: «... и тебе задание, Иван Васильевич, Новикова не вызывать. У него есть замы, начальники главков, вот с ними и работайте...». Такое положение вещей устраивало председателя совнархоза, потом вспоминавшего: «...я контактировал по партийной линии напрямую с первым секретарем обкома и ни от кого больше не зависел... » [9, с. 113–114].

В деятельности В. Н. Новикова на посту председателя совнархоза можно выделить несколько направлений. Так, в начале работы он уделял больше внимания крупным промышленным заказам: в 1957 г. он лично руководил снабжением строительства атомного ледокола «Ленин» необходимыми материалами, торопил иногородних поставщиков, в декабре 1957 г. ледокол сошел со стапелей [19, с. 261]. Но затем В.Н. Новиков под влиянием выработанного командой Н. С. Хрущева курса активно включился в Ленинграде в проведение изменений в структуре экономического производства, направленных на улучшение жизни простых людей, увеличение

производства товаров потребления. У Владимира Николаевича уже был опыт структурной перестройки производства, правда не такой масштабный: он участвовал в конверсии первых послевоенных лет, т. е. добивался возобновления производства на Ижевском заводе мотоциклов ИЖ, охотничьих и спортивных ружей на Тульском заводе, бытовых приборов [8, с. 394–396].

В декабре 1957 г. на заседании Ленинградского совета народного хозяйства «О развитии и улучшении качества мебели, выпускаемой предприятиями Совнархоза» под руководством В.Н. Новикова был принят план развития мебельной промышленности на 1958–1960 гг. В 1958 г. управление деревообрабатывающей и мебельной промышленности должно было провести реконструкцию мебельных предприятий совнархоза, избавиться от непрофильной продукции и к концу года довести выпуск продукции до 200 млн руб. Таким образом, производство мебели увеличилось в 1,5 раза по сравнению с 1957 г. [15, л. 1-3, 5–7]. В другой раз, 12 февраля 1958 г. прошло заседание Ленинградского СНХ с повесткой дня: «Об увеличении производства товаров народного потребления на предприятиях ЛСНХ». Обсуждались меры по стимулированию производства детских игрушек, столовых и электроприборов. В.Н. Новиков предлагал создавать специальные КБ для разработки отечественных бытовых приборов [16, с. 1, 3, 39–40]. В.Н. Новиков проявил себя как умелый организатор промышленности, причем стал сторонником совнархозов – он потом вспоминал: «поначалу... от совнархозов был большой толк» [9, с. 115].

Н.С. Хрущев в январе 1958 г. назначил Ф.Р. Козлова руководить Совмином РСФСР. Фрол Романович нуждался в «своем» человеке во главе Госплана республики. Так, в марте 1958 г. В.Н. Новиков оказался председателем Госплана РСФСР, заменив на этом посту Н.К. Байбакова. Как вспоминал сам Николай Константинович, он не сработался с Н.С. Хрущевым, предлагая сохранить элементы централизованного управления в «совнархозовской» модели управления, что было недопустимо для максималистски настроенного «вождя» [1, с. 138–139]. Начинался новый этап. Встав во главе органов планирования Российской Федерации, В.Н. Новиков, опираясь на свой опыт руководства совнархозом, хорошо осознавал неповоротливость распределительного планового механизма. Уже на первых порах он направил усилия в сторону его изменения. Зная, как тяжело доставать резервные материалы длястроек и предприятий, он добился согласия у преемника Ф.Р. Козлова на посту председателя СМ РСФСР Д.С. Полянского на то, чтобы с 1959 г. органы пла-

нирования могли оперативно выделять совнархозам оборудование и материалы из резерва Совета Министров [9, с. 116–117].

Деловитость председателя Госплана РСФСР стал часто подмечать Н.С. Хрущев, который перевел В.Н. Новикова на должность председателя Госплана СССР. В условиях упразднения десятков министерств Госплан СССР оставался важнейшим хозяйственным органом в стране, координирующим деятельность других экономических структур. Ранее это место занимал А.Н. Косыгин, ставший первым заместителем Н.С. Хрущева в Совмине СССР. А.Н. Косыгин был хорошо знаком с В.Н. Новиковым. По воспоминаниям последнего Алексей Николаевич сказал в мае 1960 г. следующее: «Мне известно, какую школу ты, Владимир Николаевич, прошел... В правительстве единодушно придерживаются мнения, что работа председателем Госплана Союза будет тебе по плечу» [12, с. 112–113]. Находясь у руководства Госплана СССР в 1960–1962 гг., В.Н. Новиков обращал особое внимание на материально-техническое снабжение новационных отраслей промышленности – химической, электроэнергетики, машиностроения, добился увеличения в 1962 г. производства машин для легкой промышленности [7, с. 5].

В.Н. Новиков выступил в роли одного из инициаторов назревшей структурной перестройки промышленности. Особой заботой В.Н. Новикова был потребительский сектор экономики. В 1961 г. он принимал участие в разработке таких общесоюзных мер на 1962 г., как отмена некоторых налоговых сборов, позволившая населению сэкономить для себя 400 млн руб., загрузка цехов и предприятий, специализировавшихся на товарах народного потребления только производством предметов быта [7, с. 7, 9–10, 16]. В то же время В.Н. Новикову, руководя планами, приходилось лавировать между Правительством СССР и Верховным Советом [6, с. 40]. С одной стороны, Н.С. Хрущев был заинтересован в том, чтобы в планах не было финансовых прорех, с другой – ВС СССР, бюджетная комиссия Совета Союза и Совет Национальностей предлагали, чтобы как можно больше средств шло на развитие инфраструктуры регионов и производство ширпотреба. Чтобы увязать интересы центра и регионов, депутаты ВС СССР, представители СМ СССР и В.Н. Новиков договаривались в конце каждого года, сколько дополнительных средств пойдет на выпуск обуви, кондитерских изделий, бытовой техники, улучшение обслуживания в общественном питании [7, с. 35–36, 38].

На новом посту В.Н. Новиков продолжил опекать ленинградскую промышленность, понимая, что она была одной из самых развитых

в стране. Так, в самом начале своего председательства, в июле 1960 г., он помог дирекции Ижорского завода освободиться от производства непрофильной продукции, разрешив значительную часть мощностей направить на выпуск экскаваторов, в том числе для экспорта [17. Л. 4]. В другом случае, в 1961 г., когда Н.С. Хрущев поручил ему разработать производство тяжелого колесного трактора, В.Н. Новиков настоял, чтобы проект машины отдали Ленинградскому Кировскому заводу, его директора И.С. Исаева он знал с 1957 г. Летом 1962 г. с конвейера сошел первый трактор «Кировец». Освоение производства новой машины в Ленинграде сэкономило немало средств и примерно восемь лет времени, которые могли бы понадобиться для строительства нового тракторного завода [10, с. 109].

Перевод Владимира Николаевича на новую работу с поста председателя Госплана СССР произошел неожиданно, в дни ноябрьского пленума ЦК КПСС 1962 г. Своего рода «ссылка» В. Н. Новикова на пост председателя комиссии СМ СССР по внешнеэкономическим вопросам стало следствием того, что Н.С. Хрущеву надоело спорить с напористым председателем Госплана СССР. Так он исподволь выступал против предложений Н.С. Хрущева реорганизовать Академию наук СССР, против непродуманных капиталовложений в авантюрные стройки, невиданных планов Программы строительства коммунизма [10, с. 107–108, 112–114]. Вместе с тем Н.С. Хрущев забеспокоился, что Ф. Р. Козлов, весьма влиятельный член Президиума ЦК КПСС, расставляет на ключевые посты в стране своих людей. Отметим, что в декабре 1962 г. также будет убран с должности второго секретаря ЦК КП Казахстана Н.Н. Родионов, считавшийся соратником Ф.Р. Козлова по работе в Ленинграде [14, с. 22–23]. Но В.Н. Новиков не держал зла на первого секретаря: «... честно говоря, я радовался, что меня освободили от сверхнепосильной работы в Госплане», – вспоминал он потом [10, с. 114]. Приступив к работе во внешнеэкономических органах еще при Н.С. Хрущеве, В. Н. Новиков настоял на строительстве нового служебного здания и гостиницы для Совета экономической взаимопомощи, эти объекты довольно быстро вошли в эксплуатацию [10, с. 116].

Политику Н.С. Хрущева последних лет В.Н. Новиков воспринимал скептически. Он осознавал, что Никиту Сергеевича испортило самовластие, чувство непогрешимости. Владимир Николаевич писал о Н.С. Хрущеве: «...Как и Сталин, он не выдержал испытания властью» и далее: «...власть портит неразумных» [7, с. 106, 110]. Поэтому В.Н. Новиков не удивился, когда в сентябре 1964 г. в Крем-

ле, как-то вечером его пригласил к себе председатель ВСНХ СССР Д.Ф. Устинов, сказавший, что Владимир Николаевич должен подготовить для него выступление на октябрьском пленуме ЦК КПСС, где пойдет речь «о безобразиях, которые "вытворяет Хрущев"». В.Н. Новиков спросил своего бывшего шефа: «Что, Хрущева снимать собираются?», тот подтвердил. Убедившись у Д.Ф. Устинова, что армия и КГБ тоже за отставку Н. С. Хрущева, В.Н. Новиков поддержал это решение [10, с. 115]. Так что, начав активным сторонником Н.С. Хрущева, как и многие хозяйственники, В.Н. Новиков был вынужден в обстоятельствах серьезнейшей оппозиции его курсу, примкнуть к большинству. После смещения Н.С. Хрущева, в 1965 г. В. Н. Новиков занял пост заместителя по машиностроению у нового председателя СМ СССР А.Н. Косыгина, в этой должности он проработает до 1980 г., до ухода на пенсию [4, с. 442].

Профессиональный рост Владимира Николаевича Новикова пришелся на труднейший период конца 1930-х гг. и экстремальные условия войны, он получил уникальный опыт. Представляется, что свой управленческий потенциал он сумел воплотить, когда с 1953 г. начались сначала административные подвижки в руководстве страны, а затем структурные реформы в экономике: В. Н. Новиков получил некоторую свободу действия, став сначала председателем Ленинградского совнархоза, а затем главой органов планирования сначала РСФСР, а потом СССР. Важнейшим итогом его деятельности было участие в организации производств, направленных на улучшение качества жизни населения. Думается, В.Н. Новиков пришел к выводу об острой потребности наполнения потребительского рынка товарами для простых людей. Особенно к этому пониманию подталкивали впечатления от сравнения образа жизни иностранцев и советских граждан. Кроме этого, ему удалось на основе своего прошлого опыта упростить некоторые бюрократические механизмы в органах планирования. Отношение В.Н. Новикова к реформам Н.С. Хрущева постепенно менялось. Сначала недоверие, вызванное административными реорганизациями, потом поддержка в период 1957 – начала 1960-х гг., когда выяснилось, что изменения в экономике давали реальную отдачу.

Список литературы

1. Байбаков Н. К. От Сталина до Ельцина. – М.: «ГазОил пресс», 1998.
2. Быстрова И. В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930-е – 1980-е годы). – М.: ИРИ РАН, 2006.
3. Ваксер А. З. Ленинград послевоенный. 1945–1982 гг. – СПб.: Остров, 2005.

4. Ивкин В. И. Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители. 1923–1991: ист.-биограф. справ. – М.: РОССПЭН, 1999.

5. Кандидаты в депутаты Верховного Совета СССР. Председатель Совнархоза // Ленингр. правда. – 1958. – 9 марта.

6. Новиков В. Н. О государственном плане развития народного хозяйства СССР на 1961 г. Доклад и заключительное слово на VI сессии Верховного Совета СССР V созыва 20 и 22 декабря 1960 г. Закон о государственном плане развития народного хозяйства СССР на 1961 г. – М.: Госпланиздат, 1961.

7. Новиков В. Н. О государственном плане развития народного хозяйства СССР на 1962 г. Доклад и заключительное слово на VI сессии Верховного Совета СССР V созыва 6 и 8 декабря 1961 г. Закон о государственном плане развития народного хозяйства СССР на 1962 г. – М.: Госпланиздат, 1962.

8. Новиков В. Н. Накануне и в дни испытаний. – М.: Политиздат, 1988.

9. Новиков В. Н. В годы руководства Н. С. Хрущева // Вопр. истории. – 1989. – № 1.

10. Новиков В. Н. В годы руководства Н. С. Хрущева // Вопр. истории. – 1989. – № 2.

11. Новиков В. Н. «Шефство» Берии // Берия: конец карьеры. – М.: Политиздат, 1991.

12. Новиков В. Н. Как товарищи, единомышленники // Премьер известный и неизвестный: воспоминания о А. Н. Косыгине. – М.: Республика, 1997.

13. Оружие Победы. – М.: Машиностроение, 1987.

14. Родионов Н. Н. Жизнь, посвященная людям. – М.: Рус. кн., 2002.

15. ЦГА СПб. Ф. 9683. Оп. 1. Д. 27.

16. ЦГА СПб. Ф. 9683. Оп. 1. Д. 170.

17. ЦГА СПб. Ф. 9683. Оп. 1. Д. 613.

18. ЦГА СПб. Ф. 9683. Оп. 1. Д. 3416.^А

19. Шестаков В. А. Социально-экономическая политика Советского государства в 50-е – сер. 60-х годов. – М.: Наука, 2006.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(470.2).081/083:070:338(09)

А. А. Голубев*

Роль местной печати в обосновании необходимости строительства железной дороги к незамерзающему побережью Баренцева моря

Идея транспортной связи акватории Балтийского моря с незамерзающим побережьем Баренцева моря, существовавшая на протяжении длительного времени, воплотилась в сооружении Мурманской магистрали. В обосновании необходимости строительства железной дороги большую роль сыграла местная печать. В статье представлен материал по обсуждавшимся в печати проектам.

The idea of the transport connection of the Baltic Sea water area with the Barents Sea unfreezing coast, existing for a long time, have been incarnated in Murmansk main road construction. The local press has played big role in the railway foundation. The material of the discussed projects in press is preset in the article.

Ключевые слова: рельсовый путь, конно-железная дорога, паровозная железная дорога, комбинированные водно-шоссейные пути, всесезонный путь, почтовый тракт, тариф, транспортная инфраструктура.

Key words: Rail track, horse railway, locomotive railway, combined water-highway tracks, all season track, mail track, rate, transport infrastructure.

Проблемы развития транспортной инфраструктуры в последней трети XIX – начале XX в. активно обсуждались в печати. Это было обусловлено, во-первых, потребностями поступательного экономического развития в условиях реформирования и модернизации страны. Во-вторых, несмотря на очевидные преимущества железных дорог, в системе транспортных сообщений их сеть развивалась неравномерно, по регионам. Появление первого проекта строительства железной дороги в Карело-Мурманском крае относится к 1871 г. Это был проект Вытегорско-Онежской железной дороги как соединительного звена между Белым морем, Мариинской водной системой и Санкт-Петербургом протяженностью 334 версты. Дело

* **Голубев Александр Анатольевич**, кандидат исторических наук, доцент, Петрозаводский филиал Петербургского государственного университета путей сообщения, директор филиала.

ограничилось проведением изысканий (1872). На заседании комитета для содействия русской торговле и промышленности в Санкт-Петербурге 20 декабря В.П. Воробьевым (автором проекта) было сделано сообщение о результатах проведенных изысканий. Проект, а также доклад и последовавшие на него отклики публиковались в газетах «Новое время», «Биржевые Ведомости», «Голос». В процессе обсуждения газета «Олонецкие губернские ведомости» сделала следующий вывод: «Главная задача железной дороги на север – это развитие местной северной промышленности и обеспечение края хлебом. В этих видах дорога должна пройти по такой местности, которая более других изобилует дарами природы и в то же время более других замкнута на сообщения..., кроме того, в видах государственных железная дорога на севере должна соединить Белое море с внутренними городами и рынками Империи и главным образом со столицами. Онежско-Вытегорская дорога и это преимущество имеет за собою» [5, 1873. 6 янв.].

В транспортной инфраструктуре страны развивалось шоссейное сообщение. Так, 28 апреля 1873 г. в Императорское вольное экономическое общество инженером Вацвиллиховским был представлен проект устройства в России сети шоссейных дорог, расположенных квадратами, с гарантией их строительства от правительства. Однако сетью таких дорог предполагалось покрыть только Европейскую Россию за исключением именно губерний: Олонецкой, Вологодской и Архангельской [5, 1873. 26 мая].

Газета «Олонецкие губернские ведомости», анализируя этот проект, обратила внимание на степень его эффективности. «Если лошадь везет по обыкновенной грунтовой дороге 25–30 пуд., то по шоссейной 35–40 пуд. Разница в пользу шоссе лишь 10 пуд». Исходя из этого, газета констатировала, что занятие извозом для крестьянского населения невыгодно. Шоссейные дороги, как и грунтовые, не обеспечивают «ни быстроты, ни дешевизны, ни удобства, ни срочности движения, – что составляет отличительные свойства и преимущества движения по железным дорогам... шоссе имеют значение только для лета, в течение шести месяцев, и ни в каком случае не может быть современным прогрессивным путем» [5, 1873. 26 мая].

В Губернском земском собрании в последнее десятилетие XIX в. был обсужден лишь вопрос о проведении почтового тракта от Петрозаводска до Лодейного Поля через Ладву, что сокращало бы расстояние на 50 верст, но он был решен отрицательно [5, 1875. 14 июня]. Публикации в местной печати свидетельствуют, что вопросы о проведении новых шоссейных дорог в Олонецкой губернии

не возбуждались по причине невключенности их в правительственный проект, а также невыгодности их строительства. Нереальным, как отмечали «Олонецкие губернские ведомости», являются некоторые предложения и о возможности «обращения шоссированной дороги в последствии в железно-паровозную» [5, 1873. 26 мая]. Губернская газета однозначно высказывается в пользу железно-паровозных и конно-железных путей: «С развитием железных дорог и выяснения их значения для народной экономики, осознана вся несостоятельность грунтовых дорог, как простых, так и шоссейных. Питательными ветвями для железных дорог и вообще путями торговыми могут быть только рельсовые пути, как единственно удовлетворительные при современном развитии промышленности и торговли. Железные дороги производят коренной переворот в экономическом состоянии прорезываемого ими района, удешевляя провозы в 5 раз против грунтовых дорог и неизмеримо сокращая время и пространство» [5, 1873. 26 мая].

Подчеркивая насущную необходимость для России железных дорог, автор одной из статей писал: «Нам еще более нужны железные дороги и нужны в размере, превышающем потребность всей Европы и Северной Америки вместе – от Балтийского до Охотского моря и от Северного до Тихого океана. Но мыслимо ли покрытие всех этих наших необозримых пространств паровозными дорогами? – или возможно ли удовлетворить их шоссейными? Конечно нет. Поэтому нам нужны, прежде всего, рельсы». Отдавая должную дань паровозным железным дорогам, автор предлагает «обратиться к развитию в России рельсовых путей с конным двигателем. Железно-конные дороги, в системе прочих путей сообщения, составляют золотую середину, которой удовлетворяются все стороны» [5, 1873. 26 мая].

Под влиянием развития сети железных дорог в центральной России в конце XIX в. на страницах местной печати активно обсуждались проблемы строительства конно-железных дорог, которые можно было построить на местные средства. Актуальным для Олонецкого края был проект конно-железной дороги в 230 верст от г. Кеми Архангельской губернии на побережье Белого моря до г. Повенца Олонецкой губернии на северном берегу Онежского озера, предложенный статским советником А.А. Большманом и опубликованный в «Журнале Олонецкого губернского чрезвычайного земского собрания». В журнале излагалось и мнение Вытегорской уездной земской управы, содержащее возражения против проекта. Собрание приняло решение дать пояснения по проекту. Автор подготовил брошюру: «Дополнение к пояснительной записке о построй-

ке Повенецко-Кемской конно-железной дороги, по поводу замечаний Вытегорской уездной земской управы». В ней наглядно были представлены сравнительные данные и очевидные преимущества, относительно пользы дороги и предполагавшегося в то время строительства канала для соединения Онежского озера с Белым морем, которые были опубликованы в губернской газете [5, 1875. 29 янв.; 1, 5, 8 февр.].

Представляют интерес конкретные суждения о преимуществах дороги перед каналом: «...земство и города будут получать в наличный доход от чистой прибыли, а также доход от продолжения дороги; через 44 года дорога составит ценную, действительную и безвозмездно приобретенную недвижимую собственность земства, станет источником постоянно возрастающих доходов от ее развития и эксплуатации. Канал не может быть такою собственностью».

Аргументация преимуществ дороги, изложенных в брошюре, получила отклики среди различных групп населения и стала основой для обсуждения земскими органами, общественностью, лесопромышленниками, рыбопромышленниками и т. д. Примечательно письмо в редакцию газеты «Олонецкие губернские ведомости» из Санкт-Петербурга от П. М. с просьбой поместить материал для обоснования преимуществ дороги перед каналом, так как выяснение с возможно большей полнотой всех преимуществ дороги важно для экономического и торгово-промышленного развития всего Северного края. Преимущества, изложенные А.А. Больманом, при сравнении предложенной конно-железной дороги с предполагавшимся каналом казались наблюдателям очевидными:

«— Дорога будет открыта для движения круглый год и с одинаковым удобством, быстротою и выгодой удовлетворит самому широкому требованию движений товарного, пассажирского и почтового. Канал будет открыт не более 4,5 мес. Для перевозки одних лишь грузов и в такое время года, когда он менее всего будет нужен (по весне, когда поморские суда уже выйдут в море). С наступлением осенних морозов и зимой при массовой ловле сельди и наваги торговое движение по каналу будет закрыто.

— Перемещаемые грузы разделены на провозимые частными судами и судами принадлежащими компаниям. Движение по дороге будет также производиться частными лошадьми, не принадлежащими дороге и с использованием вагонов дороги.

— Одно и то же количество грузов могут быть объектом перевозок дороги и канала, но валовый доход, чистая прибыль дороги и выгоды земства окажутся втрое больше.

– Самое главное преимущество дороги перед каналом в скорости движения. По дороге от Повенца до Кеми для пассажиров, почты и смешанного товара 16 час., для грузов обычной скорости 45,5 час. По каналу для грузов потребуется от 1,5 до 2 месяцев. Отсутствие пассажирских пароходов не решает вопрос перевозки пассажиров и желающих путешествовать.

– Средний тариф по дороге 10 коп. с пуда за всю дорогу, средний пассажирский тариф 3 руб., при скидке 50 % за использование своих лошадей. За провод грузов по каналу 10 коп. с пуда на судах компаний и 6 коп. – на частных; с пассажиров – 10 руб. с человека.

– Дорога пройдет по всему Поморью и может быть продолжена неограниченно, по всем направлениям в зависимости от потребностей развития региона в том числе и на север к океану. Канал может быть проведен только к одному приморскому пункту: в Суму или в Сороку (Беломорск)».

В заключение автор отмечал, что «никто еще из железнодорожных строителей не предлагал ни одному земству таких гуманных, выгодных и честных условий, как предложение Олонецкому земству господина Больмана... Его проект лишен спекуляции, которая, кстати сказать, до сих пор руководит большею частью железнодорожной предприимчивостью» [5. 1873. 24 марта].

Обсуждение проекта велось на страницах газеты «Санкт-Петербургские ведомости». Автор одной из статей дискутировал с корреспондентом из Петрозаводска, в которой ставилась под сомнение важность проекта этой дороги для северного края в связи с проектами Вятско-Двинской и Вологдо-Архангельской дорог. Автор справедливо замечал, что «они ни по направлениям, ни по интересам не совпадают, не исключают друг друга и все дороги полезны для северного края, для торгового движения между Поморьем и Онежским озером, которое затруднено из-за отсутствия современных путей». «Как Вятская для Архангельска с юго-востока и Повенецко-Кемская с юго-запада необходимы для обеспечения продовольствием северных территорий. Обе дороги впоследствии откроют непосредственную связь с незамерзающими Мурманскими гаванями для всего севера Европейской России и для Сибири». Этим проектом указывалось на ограниченность Вытегорско-Онежского направления и канала, обосновывалось значение конно-железной дороги. «Канал не может заменить дорогу, а на север в особенности – как сообщение устарелое и еще менее удовлетворительное». Статья убедительно отстаивала «бесполезность антагонизма в пользу разных направлений».

На замечание корреспондента из Петрозаводска относительно увеличения с постройкой дороги вывоза за границу хлеба отмечается, что «дороги для того и строятся изнутри страны к портам, чтобы облегчить и усиливать этот вывоз, без чего было бы не возможно ни сбыть изобилия внутренних произведений, ни обеспечить привоз необходимых для нас заграничных товаров» [5, 1873. 6 июня; 6, 1873. № 125].

В ходе обсуждения петрозаводчанин справедливо отмечает пользу конно-железной дороги в сравнении с паровозными железными дорогами, которые десятками лет остаются проектами, а из-за дороговизны сооружения зависят «от благосостояния всего государства». Такая медлительность прокладки дорог обуславливает активность земств. «К чести Олонецкого земства – оно относится к этому делу не только не апатично, а довольно энергично и весьма практично, и можно надеяться, что разрешит вопрос скоро и в желательном смысле». Правительство из-за несостоятельности своей опеки над местными путями сообщения возложило на земства заботу как об устройстве своих дорог, так и вообще о развитии промышленности и торговли, оставляя за собою лишь право контроля. В этих условиях «Олонецкому земству, особенно в виду предложенных ему чрезвычайно выгодных условий постройки Повенецко-Кемской дороги следует только употребить все свое старание к осуществлению этого дела и чем скорее, тем лучше, так как процедура разрешения постройки не оканчивается согласием земства» [5, 1873. 6 июня].

В корреспонденции оценивается выгодность дороги для населения, которое получит «громадную экономию в одном только передвижении своих произведений, не говоря уже об общей пользе развития торговли». Оживление торговли и производства вдоль дороги позволит получать пользу свыше суммы гарантии и долг возвратится с процентами. Выручка «не может подлежать никакому сомнению, потому что железно-конная дорога усовершенствованной системы Больмана, не как паровозная дорога, уже при 3 млн. пудов груза даст хорошую пользу. Следовательно, гарантирующее земство ни в коем случае не рискует своею гарантию, а получит еще ренту почти вдвое против гарантии».

Другая корреспонденция исходит из перспективы паровозной железной дороги, что «в Олонецкой губернии скоро раздастся свист локомотива» [5, 1873. 6 июня]. Строить паровозную дорогу немыслимо, особенно «с обнародованием 30 марта нового закона о постройке железных дорог, не принадлежащих земству; оказываются

бесплезными все проекты, так как и изыскания, и выяснение условий выгодности направления, и составление общества, и реализация капитала, – все надлежит правительству и, следовательно вопрос о такой дороге нужно начинать с азбуки, а это – песня "лебединая"». Построить в тех условиях паровозную железную дорогу возможно только под гарантию или субсидию правительства. Поэтому земству предлагалось, с учетом местных особенностей и своих сил, выбирать «что будет выгоднее для земства: канал, как торговый путь на четыре месяца в году с одним товарным движением, или железная дорога в течение всего года, выгода гарантии для канала свыше 500000 руб. с обязательством ежегодно уплачивать ее сполна без надежды на возврат, или номинальной гарантии дороги в 39330 руб. с правом получать ежегодную ренту в двойном размере и т.д.» [5, 1873. 6 июня].

Выступавшая в оппозиции проекту Вытегорская управа, поняв его преимущества, сама «отказалась от своей критики и примкнула к общему желанию всего Олонецкого земства иметь конно-железную дорогу». В корреспонденции «Биржевых Ведомостей» 25 мая 1873 г. № 135 «От олончанина» было отражено наличие серьезных опасений всего петрозаводского общества по отношению к столь важному проекту, и доказывалась необходимость вести разъяснения в его пользу. Среди недостатков проекта автор статьи, олончанин, отмечал стоимость перегрузки товара на Белом море и Онежском озере, которые, по сути, должны были равняться предполагавшемуся тарифу по каналу. Практически же «отправляемые с континента в море грузы не могут отправляться без перегрузки и потому перегрузку с дороги на морские суда нельзя считать лишнею» [1].

О выгоды проекта такой дороги и интереса к нему других губерний свидетельствует сообщение в Петрозаводскую губернскую управу, полученное от Екатеринославской губернской земской управы от 15 мая за № 2277, об условиях, предложенных на передачу проекта А. А. Большана, с представлением следующих гарантий: земствам Екатеринославского уезда – 19000 руб., обществами г. Екатеринослава – 6800 руб. и мест. Никополь – 2100 руб., всего 27900 руб. [5, 1873. 6 июня]. Несмотря на важность, из-за финансовых затруднений проект А.А. Большана так и не был утвержден земством. Одновременно, осознавая необходимость железной дороги для края, оно активизировало деятельность по поиску путей решения проблемы.

Итак, в процессе обсуждения была разносторонне обоснована необходимость дороги для промышленного развития и торговли,

выяснены вопросы о соотношении шоссейных, водных и рельсовых путей. Дискуссии в печати показали, что проект в своих предложениях удовлетворяет интересам широких слоев населения региона и выражает самые смелые предположения о связи железными дорогами не только уездных городов губернии, но и перспектив выхода к океану «нестолько не требуя от земства пожертвований, но сам предлагая ему ренту с прибылей дороги» [5, 1873. 6 июня].

На страницах газет и журналов того времени общественность широко обсуждала направления столь необходимой для региона и всей страны железнодорожной линии от Москвы и Санкт-Петербурга до центра Олонецкой губернии и далее до побережья Белого и Баренцева морей. Обсуждался вопрос соединения железной дорогой Мурмана с Вологдой и сооружения линии от Вологды до Санкт-Петербурга. В печати были опубликованы результаты обследования условий сооружения железной дороги от Кандалакши к северу до Екатерининской гавани (Полярный), а также на линии Кандалакша – Сорокская бухта (Беломорск) [5, 1877. 9 февр.].

В девяностых годах XIX в. Олонецкое земство выступило с инициативой строительства железной дороги от Санкт-Петербурга до Кеми через Лодейное Поле и Петрозаводск. На суд общественности через прессу была вынесена записка о поддержании идеи строительства железной дороги, в которой обосновывалось, что ее возведение обеспечит эффективное решение проблемы поступательного развития Олонецкой губернии. На страницах «Журнала Олонецкого губернского земского собрания» систематически публиковались доклады управы и материалы очередных и чрезвычайных сессий, в которых отражались вопросы строительства дороги [4].

Информационные, дискуссионные, аналитические и справочные материалы по проблемам строительства дороги освещались в «Вестнике Олонецкого губернского земства», «Известиях общества изучения Олонецкой губернии», «Известиях Архангельского общества изучения Русского Севера», «Известиях Санкт-Петербургской городской думы» и других печатных изданиях Севера. В «Известиях Санкт-Петербургской городской думы» публиковались материалы о сооружении линии Санкт-Петербург – Петрозаводск, обращение к Олонецкому губернатору о предоставлении конкретных данных о районе пролегания железной дороги [6]. Настойчивые обращения и ходатайства в правительство, Министерство путей сообщения и другие ведомства по результатам обсуждения на земских собраниях, очередных и внеочередных сессиях публиковались на страницах «Журнала Олонецкого губернского земского собрания» [4].

Активную работу вели органы земского управления губерний, на территории которых планировалось строительство железной дороги. Были проведены исследования района прокладки линии, расчет влияния дороги на экономику края для выбора более удобного коммерческого пути. Материалы исследования региона, природных ресурсов, информация об условиях строительства дороги были опубликованы в 10 номерах «Вестника Олонецкого губернского земства» [2].

В местной печати начала XX в. отражались проявлявшиеся демократические тенденции в решении насущных проблем для губерний и страны в целом. На необходимость строительства всесезонных путей сообщения неоднократно обращали внимание местные органы управления Олонецкой губернии. На заседаниях земских учреждений систематически рассматривались проблемы сооружения железнодорожной линии в регионе, выдвигались ходатайства в центральные органы власти о рассмотрении и решении на общегосударственном уровне вопроса связи губернии с центром России. Население информировалось о ходе решения этих проблем и включалось в их обсуждение. Так, «Вестник Олонецкого губернского земства» за январь 1911 г. опубликовал материал о рассмотрении вопроса о проведении Олонецкой железной дороги Комиссией о новых железных дорогах при Министерстве финансов, публиковалось и ходатайство земства с обоснованием важности дороги [2].

Местная печать помогала осознавать важность железной дороги для освоения богатств края, его социально-экономического и культурного развития, расширения торговли, развития предпринимательства. Через печать проводилась большая разъяснительная, организационная работа среди населения, формировалось общественное мнение по поддержке строительства дороги.

Результаты достаточно широкого и полного отражения роли местной печати в необходимости строительства железной дороги отметил министр путей сообщения А.Ф. Трепов в речи на заседании Государственной Думы 15 марта 1916 г. Он заявил, что сооружение новой дороги вселяет «...твердую надежду, что весь этот путь будет сомкнут и Россия соединится непрерывным рельсовым путем с незамерзающей Екатерининской гаванью на свободном океане» [3].

Список литературы

1. Биржевые Ведомости. – 1873. 25 мая. – № 135.
2. Вестник Олонецкого губернского земства. 1910. – № 1–9, 15, 16; 1911. – № 1, 2, 4; 1913. – № 4.

3. Вестник путей сообщения. – 1916. – 26 марта. – № 13.

4. Журналы Олонецкого губернского земского собрания чрезвычайных сессий 23 июля, 24 июля 1894 г. и очередной сессии 14 янв. 1895 г. – Петрозаводск, 1895. – С. 98–109; Журналы Олонецкого губернского земского собрания и доклады управы 30 очередной сессии с 4 по 20 янв. 1897 г. – Петрозаводск, 1897. – С. 15, 111–112; Журналы Олонецкого губернского земского собрания и доклады управы сессий чрезвычайной 12 и 13 авг. 1899 г. и 33 очередной с 4-го по 17-е дек. 1899 г. – Петрозаводск, 1900. – С. 134–135; Журналы Олонецкого губернского земского собрания сессий чрезвычайной 31 мая и 1 июня 1901 г. и 35 очередной с 29 нояб. по 15 дек. 1901 г. – Петрозаводск, 1902. – С. 10.

5. Олонецкие губернские ведомости. – 1873. – 6 янв., 24 марта, 2 мая; 26 мая, 6 июня; 1874. – 13 марта, 14 июня; 1875. – 29 янв., 1 февр., 5 февр., 8 февр., 31 мая, 14 июня; 1877. – 9 февр.

6. Санкт-Петербургские ведомости. – 1873. – № 125, 134.

В. В. Фортунатов*

Реформа железнодорожного транспорта в современной России: итоги, уроки, перспективы

В статье дается анализ проводимой в течение последних 10 лет в России реформы железнодорожного транспорта. Обращается внимание на последствия приватизации для состояния транспортного комплекса страны. На основе анализа исторического материала делается вывод о необходимости расширения государственного участия в функционировании отрасли.

Article gives the analysis of railway transport reforms in Russia during last 10 years. The attention is paid to consequences of privatization for a condition of a transport complex of the country. On the basis of the analysis of a historical material author makes the conclusion about necessity of expansion of the state participation for branch functioning.

Ключевые слова: Россия, железнодорожный транспорт, приватизация, компания «Российские железные дороги» (РЖД), грузоперевозки, рельсовый путь.

Key words: Russia, railway transport, privatization, the company «Russian railways» (Russian Railway), a cargo transportation, track.

В 2001–2010 гг. осуществлялась реформа в железнодорожном комплексе, необходимость которой назрела ещё в советское время. После «лихих» 90-х ситуация ещё более обострилась. Дотации со стороны государства прекратились, а собственных средств не хватало. Материально-техническая база железнодорожного транспорта продолжала ветшать. В кризисном состоянии находились подвижной состав, путевой комплекс, энергетическое хозяйство, устройства сигнализации и блокировки. Износ основных фондов составлял 65,4 %, в том числе по локомотивам – 64,5 %, по вагонам – 62,5 %. МПС не имело ни одного долгосрочного контракта на закупку нового отечественного подвижного состава, запасных частей, оборудования для сортировочных горок, грузового хозяйства.

Среди железнодорожной отрасли росло чувство неудовлетворенности персонала своим материально-бытовым статусом. Низким

* **Фортунатов Владимир Валентинович**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, Петербургский государственный университет путей сообщения.

был уровень заработной платы и высоким отток высококвалифицированных кадров. В тот период среди базовых отраслей страны заработная плата железнодорожников находилась на 13-м месте и составляла 4528 рублей. Вследствие этого в 2001 г. уволилось по собственному желанию 70 тыс. работников основных подразделений. Постоянно увеличивалась огромная сумма по неплатежам налогов.

Железнодорожный транспорт медленно переориентировался на новые требования клиентов. Качество обслуживания грузовыми перевозками оставалось низким. Некоторые запросы клиентов вообще не удовлетворялись.

В теоретических разработках структурная реформа железнодорожного транспорта определялась как комплексное воздействие на объект преобразования, включая его подсистемы, направленное на прогрессивное развитие отрасли путем привнесения в существующее рациональное ядро принципиально новых для него элементов, способных в комплексе обеспечить достижение широкого спектра синергетических эффектов [2, с. 189–190].

На каждом из трех этапов железнодорожной реформы (2001–2003, 2003–2005, 2006–2010) решались определенные задачи.

Наиболее важными считались следующие:

- построение эффективного механизма государственного регулирования, стимулирующего развитие конкуренции в грузовых и пассажирских перевозках и неосновных видах деятельности;
- разделение функций государственного регулирования и управления хозяйственной деятельностью на федеральном железнодорожном транспорте;
- развитие конкуренции в осуществлении грузовых перевозок;
- привлечение инвестиций для обновления устаревшей материально-технической базы отрасли; в передовых «железнодорожных» странах использовался подвижной состав пятого поколения, а в России, по признанию руководителей, не хватало локомотивов второго поколения.

Открытое акционерное общество «Российские железные дороги» (далее – ОАО «РЖД») было создано 18 сентября 2003 г. постановлением Правительства Российской Федерации № 585. 1 октября 2003 г. РЖД приняло от Министерства путей сообщения Российской Федерации (МПС) функции управления железнодорожным транспортом (за МПС остались лишь функции государственного регулирования). РЖД получило 987 предприятий (95 % по стоимости активов ведомства) из 2046, составлявших систему МПС.

Реформа осуществлялась с некоторым отставанием от графика. Но с начала 2010 г. началось оживленное обсуждение итогов проведенных преобразований.

Руководство ОАО «РЖД» в лице президента В.И. Якунина обычно перечисляет следующие достижения:

- появилось 2,5 тыс. частных операторских компаний, которым было передано около 60 % вагонов из более чем 1 млн единиц;
- оставшиеся 40 % вагонов сосредоточены в Первой и Второй грузовых компаниях;
- в железнодорожном хозяйстве появилось более 70 дочерних и зависимых обществ (ДЗО), которые стали специализироваться на ремонте подвижного состава и вагонного парка и других задачах;
- образовалась Федеральная пассажирская компания, перед которой была поставлена задача повысить качество обслуживания пассажиров;
- осуществлен (в декабре 2009 г.) запуск высокоскоростного поезда «Сапсан» между Санкт-Петербургом и Москвой (далее до Нижнего Новгорода), а также высокоскоростного поезда «Аллегро» (в декабре 2010 г.) между Санкт-Петербургом и Хельсинки;
- созданы региональные пригородные компании, призванные удовлетворить спрос населения на пригородные перевозки.

В целом за 2003–2008 гг. отмечается постоянный рост количественных показателей. Достаточно стабильное функционирование железных дорог, в том числе и в условиях экономического кризиса, начавшегося осенью 2008 г., представляется отрадным фактом. Но можно ли ограничиться «в целом положительной» оценкой проведенной реформы? Какими критериями следует воспользоваться, для того чтобы оценить проведенную реформу?

Широкое распространение получили итоги железнодорожной реформы, представленные генеральным директором Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) Валерием Фёдоровым. Исследование ВЦИОМ было проведено в феврале – марте 2010 г. по заказу Института народнохозяйственного прогнозирования РАН среди представителей целевых аудиторий методом глубинного интервью. Всего опрошено 40 экспертов, представляющих 6 целевых аудиторий (представители компаний-грузоотправителей, перевозчиков и операторов, транспортных компаний, отраслевых структур и ассоциаций, научных, экспертных и общественных организаций, властей). Оценка независимых экспертов составила 2,5 балла из 5 возможных [12].

Следует подчеркнуть, что руководство ОАО «РЖД», располагая значительными финансовыми средствами, активно пропагандировало («пиарило») свою деятельность. Критические замечания в СМИ практически отсутствовали.

Представляется, что главным критерием оценки проведенной реформы должно быть качественное улучшение транспортного обслуживания населения. Необходимо учитывать ту важную социальную ответственность, которая всегда лежала и продолжает лежать на железнодорожном транспорте [10, с. 112–114]. Не будет большим преувеличением утверждать, что конец реформаторского десятилетия стал выявлять серьезные проблемы, обозначившие конфликт отрасли и общества.

Можно считать различные акты вандализма по отношению к высокоскоростному поезду «Сапсан» немецкого производства действиями безмозглых вандалов. Однако ни для кого не секрет, что введение в эксплуатацию этого неплохого европейского транспортного продукта породило ряд предсказуемых проблем. Из-за отсутствия специальной высокоскоростной пассажирской магистрали, которую планировалось ввести в эксплуатацию в декабре 1999 г., движение «Сапанов» привело к ликвидации многих пригородных поездов на трассе между двумя столицами, что породило неудобства для сотен тысяч людей. Часть грузовых поездов оказалась на других маршрутах, что на этих маршрутах ситуацию отнюдь не улучшило. И стоило ли запускать «Сапсаны», если их скорость мало чем отличается от известного ЭР-200? Ни «Сапсан», ни «Аллегро» не являются *высокоскоростными* поездами, так как *высокой* для пассажирских поездов считается скорость, начиная с 250 км. А «Сапсан» и «Аллегро» более 200 км не разгоняются.

С пригородными поездами ситуация приобрела значительную напряженность практически везде, где созданы региональные дирекции пригородных перевозок. Суть ситуации в том, что с начала 2010 г. были ликвидированы несколько сотен маршрутов пригородных поездов. Российские электрички по-прежнему переполнены, не оборудованы туалетами и движутся со скоростью около 30 км в час. Обновление подвижного состава происходит медленно. Пригородные компании считают, что их затраты на перевозки должны компенсировать местные власти, а местные власти в ряде регионов выступили с судебными исками к компаниям, считая их требования финансово необоснованными. Возник замкнутый круг.

Многие россияне являются пассажирами поездов дальнего сообщения, без которых в связи с отменой многих авиационных рейсов в многие пункты просто не добраться. Руководство ОАО «РЖД»

гордится появлением ряда фирменных поездов с высоким качеством обслуживания и высокой рентабельностью. При этом не очень принято говорить о том, что стать пассажирами данных поездов могут лишь достаточно состоятельные люди. А билеты для граждан победнее, прежде всего плацкартные, становятся всё менее доступными, особенно в наиболее напряженные периоды массовых передвижений. «Вымывание» билетов доступной ценовой категории вряд ли можно считать положительным результатом проведенной реформы.

К сожалению, и в перевозке грузов, несмотря на значительные организационные перестройки, качественного улучшения работы не произошло. Грузовые поезда движутся со средней скоростью 50 км/час, что лишь немного лучше, чем 46,6 км/час в 1970 г. По основному интегральному показателю – обороту вагона – «рыночники» работают хуже, чем «государственники». У ОАО «РЖД» оборот вагона составляет 8,5 суток, а у частных компаний – 13.

«На фоне позитивного результата от привлечения частных инвестиций в отрасль мы получили ряд проблем. Прежде всего, по нашим оценкам, в результате дробления парка грузовых вагонов эффективность его использования снизилась на 10–15 %. Это значит, что работая единым обезличенным парком вагонов, можно было бы обеспечить те же объемы перевозок не одним миллионом, а 900 тыс. вагонов, то есть можно было бы не вкладывать деньги в 100 тыс. вагонов, в пути для их отстоя, в ремонтные мощности. Услуги компаний-операторов по доставке грузов в отдельных типах вагонов до кризиса были почти на 50 % дороже, чем аналогичная перевозка в вагонах компании РЖД. При этом конкуренция в операторском бизнесе до настоящего времени остается ограниченной, так как грузовые вагоны, принадлежащие ОАО «РЖД», работают по регулируемым тарифам, а частные – по рыночным» [11, с. 4], – признал В.И. Якунин.

По ходу реформы увеличился порожний пробег вагонов. Транспортную составляющую в цене товаров снизить не удалось. Перевозка некоторых товаров перехвачена у железнодорожного транспорта автомобильным и даже водным. Не будет преувеличением утверждать, что и после вроде бы проведенной реформы железнодорожный транспорт вносит свою весомую лепту в «накрутку» цен на многие потребительские товары. И это обстоятельство касается всего населения страны.

Создается впечатление, что несмотря на официальные декларации, реформа железнодорожного транспорта проводилась, как и целый ряд других российских реформ последних двух десятилетий,

ради одной цели – приватизации, т. е. перехода значительной части имущественного комплекса железнодорожного транспорта из государственной собственности в частные руки. И это принесло безусловную пользу тем, в чьих руках находился процесс приватизации.

«На свете, конечно, много есть алчных людей, даже большинство людей алчно, так как это чувство до известной степени есть закон природы, это есть самозащита, – у знати же чувство это во сто раз больше, чем у обыкновенных людей. Если обыкновенный человек эгоистичен и алчен, то он эгоистичен и алчен вследствие сознания того, что ему нужно жить, что иначе он – а если не он, то его семейство – умрет, что нужно обеспечить жизнь своего семейства; у знати же алчность очень часто является из-за любви к богатству, из-за любви к роскоши, из-за любви к власти, и в особенности к власти внешней, которую это богатство дает» [7, с. 168]. Эти слова принадлежат не какому-нибудь известному моралисту, а выдающемуся российскому реформатору С.Ю. Витте, которому приходилось наводить государственный порядок в железнодорожном хозяйстве после «рыночных» экспериментов Александра II в 60–70-х гг. XIX в.

«Вспомним несколько аксиом от экономики. Во-первых, инвестор стремится к максимизации прибыли на инвестированный капитал с минимальным риском. Во-вторых, все большие капиталы и прибыли формируются на несовершенных рынках и именно на несовершенстве институтов и отсутствии баланса рыночных сил. И наконец, некоторые монополии являются естественными, потому что это самый экономичный способ ведения хозяйственной деятельности», – высказался по этому вопросу президент ОАО «РЖД» В.И. Якунин [11, с. 2].

Странно, но руководители реформы как бы забыли одно простое обстоятельство. Люди, приобретшие материальные ценности в частную собственность, выходят из-под контроля государства. Обычно новые собственники занимаются «отбиванием бабок», т. е. стараются побыстрее вернуть свои вложения в собственность. В тех случаях, когда собственность им досталась росчерком пера больших начальников, «на халяву», что стало главной особенностью российских реформ, новые собственники стремятся из этой собственности побыстрее выжать все возможное и невозможное. Совпадение личных (частных), групповых (корпоративных) и государственных (общенациональных) интересов не является отличительной особенностью капитализма вообще и современного российского капитализма, в частности.

Скорость фактически осуществлявшейся приватизации огромного имущественного комплекса железнодорожной отрасли явно

опережала скорость качественных улучшений в работе железных дорог. Соответственно стала быстро снижаться социальная ответственность менеджмента отрасли перед российским обществом, что последним не могло быть не замечено.

По действующей Конституции Российской Федерации Российское государство позиционируется как социальное (ст. 7). Поэтому при определении будущих перспектив развития железнодорожного транспорта представляется важным провести серьезную корректировку государственной транспортной политики.

Во-первых, должна быть дана объективная оценка состояния российских железных дорог, с точки зрения их работы в интересах большинства россиян.

Во-вторых, с учётом заявленной стратегии модернизации страны (послание Президента РФ Федеральному Собранию 12 ноября 2009 г.) должны быть чётко определены действительные приоритеты развития железнодорожного транспорта и принципы государственной транспортной (железнодорожной) политики, скорректирована «Стратегия развития железнодорожного транспорта до 2030 года» (2007). Эта политика должна быть нацелена на осуществление действительной модернизации страны, а не на обслуживание «трубы», по которой российские энергоресурсы уходят в другие страны и обеспечивают их успешное экономическое развитие.

Важной задачей представляется развитие сети железных дорог России, которая за последние двадцать лет сократилась на несколько тысяч километров.

Сегодня не принято вспоминать, что отец российских железных дорог и очень уважаемый экономист С.Ю. Витте считал конкуренцию на транспорте явлением вредным, тормозящим развитие экономики. В дореволюционный период рынок на железнодорожном транспорте имел все шансы себя проявить. Практически все сегодняшние «нововведения» прошли тогда обкатку на практике. Но история очень часто (и особенно в России) никого не учит. Реформа последнего десятилетия подразумевала создание конкурентной среды. При этом были проигнорированы возражения тех, кто предупреждал, что указанная задача имеет сложный алгоритм решения. Развитие конкуренции и конкурентных отношений на железнодорожном транспорте не могло не столкнуться с целым рядом особенностей, о которых железнодорожники много и на разных уровнях пытались говорить. Профессионалы задавались вопросом – какие механизмы могут действовать в условиях, когда железной дороге нет альтернативы в части параллельных путей, например? Мы же не в США реформу проводим, где на одном направлении имелось

до трех-четырех параллельных путей. Может быть, сначала построить параллельные дороги усилиями частных акционерных обществ и затем предоставить им возможность показать свое умение обеспечить новое качество работы?

Дело в том, что до 80 % нагрузки в настоящее время приходится примерно на 8000 км рельсовых путей (из общей протяженности в 86 тыс. км). Знаменитый Транссиб находится на пределе своих возможностей. Из-за слабой пропускной способности Транссиба и медленного продвижения грузов зарубежные грузоотправители отказываются от использования российского «евразийского транспортного коридора». По оценкам специалистов, если бы не кризис 2008–2010 гг. и снижение объемов перевозок, то в Сибири и на Дальнем Востоке мог бы возникнуть настоящий транспортный коллапс.

Чтобы «расшить» очевидные «узкие места» российского железнодорожного полигона, требуется строить новые железные дороги. Но не только там, где это предусмотрено «Стратегией развития ЖДТ до 2030 года». Необходимо строить вторые, третьи и так далее пути, что, в том числе при появлении действительно частных железных дорог, позволит обеспечить реальную конкуренцию в рамках отрасли. В настоящее время провозглашаемый принцип «равного доступа» операторских компаний к железнодорожной инфраструктуре, которая остается в руках ОАО «РЖД», представляет собой очевидный коррупционный механизм. За любые преференции операторским компаниям приходится дополнительно платить. Приходится больше платить грузоотправителям. А россиянам приходится больше платить за продовольственные и промышленные товары.

Необходимо отремонтировать или построить около 2 тыс. км железных дорог, включая новые действительно *высокоскоростные* железнодорожные магистрали между городами, в которых предполагается проводить чемпионат мира по футболу 2018 г. Вновь поставлена задача постройки специальной *высокоскоростной* пассажирской магистрали между Санкт-Петербургом и Москвой.

Для строительства новых, особенно высокоскоростных магистралей, требуются огромные капиталовложения. Населению предлагаются иллюзии по поводу использования частных инвестиций для этих целей. Причём делается это со ссылками на исторический опыт, на быстрое строительство железных дорог частными акционерными обществами в 60–70-х гг. XIX в.

В действительности частные капиталовложения в 60–70-х гг. XIX в. составили по разным оценкам от 5 до 10 % всех инвестиций, осуществленных в железнодорожное строительство в тот историче-

ский период [8, с. 4–6; 4, с. 20–31]. Реальная же схема выглядела следующим образом. Большинство частных акционерных обществ получало не только концессию (разрешение) на строительство железной дороги, но также кредит от Российского государства и гарантию 4–5-процентного ежегодного дохода на акции. Государство компенсировало убытки частных компаний. К концу 70-х гг. XIX в. государственная дотация частным железным дорогам составляла 50 млн руб. ежегодно. Через три недели после гибели Александра II, который «крышевал» всю эту коррупционную систему [5; 6; 9, с. 94–100]¹, Александр III подписал решение (27 марта 1881 г.) о выкупе первой частной дороги в казну [3]. Вскоре две трети железных дорог стали государственной собственностью. Великий Сибирский путь в 1891–1901 гг. был построен за счёт государственного бюджета. К 1913 г. государственные железные дороги были второй по значению (после продажи водки) статьей доходов Российского государства.

На протяжении последних двадцати лет железные дороги в России практически не строились. Речь идёт о так называемых магистральных, а не о подъездных, узкоколейных и других подобных сооружениях [14]². В 2009 г. было построено 80 км магистральных путей³, в 2010 г. было отремонтировано 10,3 тыс. км железных дорог.

В конце 2010 г. в одном из последних интервью президент ОА «РЖД» В.И. Якунин фактически признал, что результаты реформы оказались не совсем такими, как это ожидалось. Так, соглашаясь с тем то, что Транссиб превратился в «пробку», Якунин высказался следующим образом: «Сегодня на инфраструктуре уже работает 1,04 млн вагонов, хотя еще в начале года не было и миллиона. Наши специалисты рассчитали, что если число вагонов достигнет 1,1 млн то инфраструктура РЖД захлебнется совсем. Я считаю, что

¹ Незадолго до 1 марта 1881 г. Александр II перевел во Францию 3,5 млн руб. золотом (!). Благодаря этим явно «железнодорожным деньгам» вплоть до 1922 г. княгиня Юрьевская жила припеваючи в Ницце вместе с детьми, прижитыми от Александра – Освободителя. Сколько «железнодорожных денег» ушло из России за период первого строительства капитализма, мы вряд ли когда-нибудь узнаем.

² В Китае за 2003–2008 гг. было построено 3,1 млрд кв. м жилья, 480 000 км автомобильных и 19 000 км железных дорог; введены в действие 16 новых крупных аэропортов, запущены первые высокоскоростные поезда, шесть китайских портов вошли в топ-12 морских ворот мира (причем наименее загруженный из них обрабатывает больше грузов, чем все порты России, вместе взятые), а подключение к энергосетям занимает сейчас 19 дней.

³ В 90-е гг. XIX в. строилось ежегодно 2,5 тыс. км, в советское время – 600 км в год в среднем.

при нынешних ограничениях пропускных способностей и, несмотря на проведенную либерализацию рынка грузовых вагонов, нам критически важно совместно с операторами и грузовладельцами как можно скорее разработать технологии единого управления парками подвижного состава».

Относительно перспектив развития сети железных дорог главный железнодорожный руководитель посетовал: «Во всем мире развитие инфраструктуры является обязательством государства – в Европе, в Китае, в Японии – везде. И рассчитывать, что эту инфраструктуру можно развивать за счет коммерческих результатов деятельности компаний, которые, как РЖД, еще и регулируются государством, весьма проблематично. При этом в реальной обстановке мы исходим из того, что это возможно путем размещения инфраструктурных облигаций под гарантии государства» [13]¹.

Следует отметить, что сразу после прихода на должность президента ОАО «РЖД», высказывания В.И. Якунина были значительно бодрее и амбициознее. Так, на реализацию плана строительства железных дорог в соответствии со «Стратегией развития ЖДТ до 2030 года» (минимум – 14 тыс. км, максимум – 23 тыс. км) большую часть средств предполагалось добыть усилиями самой ОАО «РЖД».

Действительно, без участия государства нельзя модернизировать железнодорожный транспорт, инфраструктуру в целом.

Роль государства в развитии железнодорожного транспорта в условиях модернизации

Страна	Период модернизации	Политика в отношении железнодорожного транспорта	Результаты
США	С 30-х гг. XX в.	С конца XIX в. постепенно установился жесткий государственный контроль в отношении ЖДТ. Сохранялся почти до конца XX в.	Благодаря ЖДТ вся экономика США получила мощное развитие, но сам ЖДТ был потеснен автомобильным и другими видами транспорта
Германия	Вторая половина XX в.	«Дойче Бундесбан» (Федеральная система железнодорожных путей сообщений) являлась инструментом государственной политики	ЖДТ Германии функционирует стабильно, обеспечивая потребности одной из сильнейших экономик мира

¹. Один остроумный человек историю рыночных реформ в России представил в двух томах. Том первый – понты. Том второй – кранты.

Испания	Вторая половина XX в.	Государственная компания RENFE в течение 63 лет осуществляла управление железными дорогами Испании. Среди видов транспорта правительство отдает приоритет ЖДТ	Испания является примером успешного развития транспортной инфраструктуры и экономики в целом
Китай	Последняя треть XX – первые десятилетия XXI в.	Государство финансирует строительство железных дорог, включая высокоскоростные, пассажирские, а также создание собственного современного транспортного машиностроения	В КНР самая большая сеть высокоскоростных пассажирских дорог (скорость до 380 км/час). Осуществляется проект ВСМ Лондон-Пекин стоимостью \$100 млрд
Франция	Вторая половина XX в.	После национализации в компании SNCF государство контролировало 51 % акций и имело право выкупа остальных 49 % до 1983 г.	Благодаря государственной политике в сфере ЖДТ Франция является лидером в развитии высокоскоростного транспорта
Япония	50-80-е гг. XX в.	В период японских модернизаций ЖДТ являлся государственной собственностью, играл важную роль в создании одной из сильнейших экономик мира	Япония – один из лидеров в транспортном машиностроении, в развитии высокоскоростного транспорта

Современное руководство Российской Федерации в деле развития железнодорожной (транспортной в целом) инфраструктуры вряд ли воспользуется методами Ф. Э. Дзержинского, который будучи наркомом путей сообщения за 1921–1923 гг. не только ухитрился преодолеть транспортный кризис и восстановить железнодорожный комплекс, но и сделал отрасль рентабельной, источником государственных доходов. Но подходы П.П. Мельникова, С.Ю. Витте, Б.П. Бещева не потеряли своей актуальности [7, с. 73–83, 117–135, 181–217]. Есть чему поучиться и за рубежом, если использовать этот опыт критически и творчески. Без хороших железных дорог ни модернизация, ни Россия в целом далеко не уедут.

Список литературы

1. Витте С. Ю. Избранные воспоминания. 1849–1911 гг. – М.: Мысль, 1991.
2. Зайцев А. А., Ефанов А. Н., Третьяк В. П. Вехи перемен в развитии железнодорожного транспорта. Т. 1. – М.: Парус, 1998.

3. Исторический очерк развития организации ведомства путей сообщения. – СПб., 1910.
4. Карейша С.Д. Исторический очерк возникновения и развития железнодорожной сети на земном шаре // Столетие железных дорог. – М.: СССР-Транспечать-НКПС, 1925.
5. Кирпичников А.И. Взятка и коррупция в России. – СПб.: Альфа, 1997.
6. Константинов А. Коррупцированная Россия. – М.: ОЛМА-Медиа-Групп; ОЛМА-ПРЕСС, 2006.
7. Красковский А. Е., Фортунатов В. В. Принятие управленческих решений на железнодорожном транспорте: история и современность. – СПб: Петерб. гос. ун-т путей сообщения, 2009.
8. Мигулина П.П. Наша железнодорожная политика и железнодорожные займы (1893–1902). Харьков, 1903. – С. 4–6.
9. Фортунатов В. В. Кто и куда ведет Россию? От харизмы до маразма. – СПб.: Питер, 2009.
10. Фортунатов В. В. Реформа железнодорожного транспорта: во имя принципа или для блага людей // Человек и транспорт. Психология. Экономика. Техника: материалы I Междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 14–16 сент. 2010 г. – СПб.: ПГУПС, 2010.
11. Якунин. В. И. Десять шагов к эффективности // Эксперт. – 31.08.2009.
12. URL: <http://www.gazeta.ru/business/2010/03/17/3339851.shtml>.
13. URL: <http://www.rzd-partner.ru/press/2010/12/21/361524.html>.
14. URL: <http://www.zr.ru/a/37195>.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РОССИИ

УДК 94(47+57) «1914/1917»:070

*Д. И. Стогов**

Русская правая периодическая печать в годы Первой мировой войны

Ведущими органами печати русских монархистов в годы Первой мировой войны были газеты «Русское Знамя», «Земщина», журнал «Российский гражданин» и др. Вследствие крайне правых политических воззрений эти издания подвергались преследованию со стороны властей. Влияние правой печати на формирование общественного мнения было ничтожным.

The leading organs of seal of Russian monarchists in the years of the First World War were newspapers «Russkoye Znamya», «Zemschina», the magazine «Rossiyskiy Grazhdanin» at al. Because of uttery right political views they were exposed to pursuit from the side of authorities. Influence of right seal in forming of public opinion was insignificant.

Ключевые слова: периодическая печать, Первая мировая война, монархисты, черносотенцы, крайне правые, антисемитизм, царское правительство.

Key words: periodic seal, the First World War, monarchists, «black-hundreds», uttery rights, anti-semitism, tsar's government.

Периодические издания русских правомонархических организаций представляют собой особый интерес, так как именно они являлись основным средством пропаганды правомонархических идей среди населения России. Рассмотрим наиболее значимые газеты правых организаций периода Первой мировой войны.

Отметим, что в исторической и политологической литературе под правыми традиционно понимают «консервативные партии, отстаивавшие и отстаивающие традиционные – политический, социальный, экономический, религиозный, бытовой – уклады жизни, стоящие за сохранение основ существующего или существовавшего строя». В России конца XIX – начала XX в. правые выступали за со-

* **Стогов Дмитрий Игоревич**, кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории культуры, государства и права, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ».

хранение самодержавия, и в этой связи термин «правые» для того времени фактически являлся синонимом «монархические организации». Правые ратовали также за первенство русской народности и православной религии на территории традиционного проживания русских, малороссов и белорусов.

К правым организациям периода Первой мировой войны следует в первую очередь отнести Союз русского народа (СРН), отколовшийся от него к 1912 г. Всероссийский Дубровинский Союз русского народа (ВДСРН), Русское собрание, Русский народный союз имени Михаила Архангела, а также другие партии и союзы. Каждая из этих организаций имела собственные печатные органы. Кроме того, существовали и независимые периодические издания правого направления.

Ведущим печатным органом Союза русского народа еще с ноября 1905 г. стала газета «Русское знамя», издававшаяся в Петербурге, а на местах существовали другие печатные органы (в частности, газета «Вече» в Москве). Издателем газеты был А. И. Дубровин, и после раскола в Союзе русского народа «Русское знамя» осталось печатным органом Всероссийского Дубровинского Союза русского народа, его «Вестником»; выходила газета ежедневно.

На своих страницах газета освещала различные вопросы общественно-политической жизни страны. В частности, публицист Л. Злотников (псевдоним Л. Зло) в одной из своих статей приветствовал назначение осенью 1915 г. А.Н. Хвостова на пост министра внутренних дел [11, с. 2]. Другой автор издания, скрывшийся за псевдонимом «О-нь», в следующем номере газеты также положительно оценил назначение Хвостова на ответственный пост [12, с. 2]. Кроме того, на страницах газеты живо обсуждалась деятельность политических противников монархистов, в частности «Клуба октябристов» [13, с. 3]. За критику в «Русском знамени» либерально настроенных министров царского правительства, а также вследствие антисемитской позиции редакции издание неоднократно преследовалось властями – газета периодически закрывалась на определенные сроки, а против ее издателя, основателя Союза русского народа доктора А.И. Дубровина, инициировались судебные преследования.

Следует отметить, что отдельными публикациями в «Русском знамени» были недовольны не только идейные противники правых, но и некоторые союзники, которые направляли в редакцию свои многочисленные жалобы. Приведем несколько конкретных примеров, имевших широкий резонанс.

Так, один из черносотенцев, Владимир Андреевич Кусаков, обращал внимание А.И. Дубровина на то, что в «Русском знамени» подчас появляются статьи, не способствующие патриотическому подъему. По его словам, это касается статьи «Германия», опубликованной в № 175 газеты, а также фельетонов некоего Н. Кривского в № 178. Как утверждает автор письма, эти публикации «не по времени», «совершенно не поднимают дух, а действовать могут <плохо> на простой народ» [З. Л. 102].

В связи с подобного рода публикациями в «Русском знамени» стали распространяться слухи о возможном закрытии газеты. В частности, черносотенец из Пермской губернии Андрей Торопов писал 2 декабря 1914 г. А.И. Дубровину о том, что местная полиция уверяла его, что газета существует последние дни. По словам полицейских чиновников, в газете нет правды, много вранья, «только одни сплетни и сплетни». «Не дай Бог, и тогда придется нам, союзникам, подписываться на жидовскую печать», – продолжает Торопов, прощая при этом, «когда прекратится же такой позор на честную газету, которая только напоминает веру в Бога, любовь к царю и Родине»? [З. Л. 104].

Лидер Казанского общества трезвости А.Т. Соловьев 25 января 1915 г. отправил письмо А.И. Дубровину в связи с направленной против него публикацией некоего Гребенщикова в «Русском знамени» [З. Л. 105]. После этой публикации Соловьев переслал А.И. Дубровину и А.И. Соболевскому материалы из своей газеты «Русь православная», опровергающие утверждения Гребенщикова, но Дубровин не стал их печатать; вместе с тем «Стрела» и «Русское знамя» продолжали печатать статьи Гребенщикова, которому, как был уверен А.Т. Соловьев, газетчики продолжают верить [З. Л. 105 об.]. Это вызвало еще большее возмущение казанского монархиста и привело его к написанию им очередного письма к Дубровину: «Да, пожалуй, я виновен в том, что пускал в свой дом людей, которые помогали мне расстаться с людьми, любившими меня, и которых я уважал» [З. Л. 106 об.].

Анализируя эти факты, можно прийти к выводу, что редакционной политикой «Русского знамени» были недовольны многие представители правых организаций, и соответственно, это издание не могло стать мощным общественным рупором даже в правоконсервативной среде. Кроме того, сама газета постоянно находилась под угрозой закрытия.

Другая ежедневная монархическая газета, «Земщина», возникла в 1909 г. Первым ее издателем был депутат третьей Государственной думы С.А. Володимиров, а практически бессменным

редактором – известный правый публицист С.К. Глинка-Янчевский. С осени 1915 г., когда Володимеров был назначен Томским вице-губернатором, а издание «Вестника» Союза русского народа было прекращено, издателем «Земщины» стал Н.Е. Марков. С того времени и вплоть до февраля 1917 г., т. е. до самого закрытия газеты, она фактически являлась органом печати «обновленческого» Союза русского народа, возглавлявшегося Н.Е. Марковым, хотя формально таковой не была.

Редакция «Земщины» в последние годы своего существования старалась всяческим образом подчеркнуть, что она находится в тесном взаимодействии с правым флангом российского парламента. Кроме того, журналисты газеты всегда демонстрировали свою антигерманскую и антиеврейскую позицию. Так, в одной из передовиц газеты особо подчеркивалось, что в работе «Земщины» «принимают деятельное участие многие члены правых групп Государственного Совета и Государственной Думы и ряд известных писателей, вместе с ними отстаивающих исконные начала русской государственности <...> на борьбу с немецким и жидовским засилием...» [5, с. 1]. Подобно «Русскому знамени», «Земщина» также активно освещала на своих страницах еврейскую тему.

Именно «Земщина» высказывала идеи, многие из которых впоследствии разделило значительное число участников правого движения. Так например, «Земщина» первой стала развивать идею, что «не Германия затеяла войну, а жида, которые выбрали Германию орудием своих планов» [15, с. 214]. В статье «Орудие злой силы» от 22 сентября 1915 г. С.К. Глинка-Янчевский высказал предположение, что германский император Вильгельм II является «невольным орудием жидов»: «Израилю необходимо при помощи Вильгельма сломить Россию, как оплот христианства, довести ее до полного изнеможения, а вместе с тем расшатать и даже извести и самую Германию» [2, с. 2].

На страницах газеты также подвергалась резкой критике деятельность тех сановников, которые фактически поддержали «желтый блок» (В.Н. Коковцов, А.В. Кривошеин и др.). Именно в «Земщине» появилось ядовитое определение членов блока – «политические мародеры», придуманное правым предпринимателем и публицистом Г. В. Бутми-де-Кацманом, статья которого, напечатанная 2 сентября 1915 г., так и называлась «Политическое мародерство».

Обращает на себя внимание и резкая критика в «Земщине» буржуазии – биржевых дельцов, «хапуг», обкрадывающих народ, наживающихся на его нуждах; монархические газеты «разоблачали» деятельность Рябушинских, Коноваловых, которые, как писала газе-

та «Земщина», подбивая рабочих против правительства, сами нещадно грабят трудящихся, «выжимая на рубль не рубль прибыли, а десять рублей» [4, с. 3]. По мнению издания, если буржуазия придет к власти, «то народу будет еще хуже».

В 1916 – начале 1917 г. «Земщина» начинает регулярно обращаться к власти с призывом о введении «беспощадной диктатуры». Тогда же в «Земщине» продолжали выходить публикации, в которых резкой критике подвергалась деятельность А.И. Гучкова, Г.Е. Львова, А.И. Коновалова и других либеральных деятелей. Кроме того, на страницах этого издания, а также в других газетах неоднократно приводилась информация о разных вариантах заговора против императора, которые обсуждались в гостиных либеральных деятелей Петрограда и Москвы. Так что совершенно не удивительно, что именно «Земщина» была закрыта после Февральской революции 1917 г. одной из первых.

Отметим также, что «Земщина» и другие издания, непосредственно связанные с «обновленческим» Союзом русского народа, на своих страницах предъявляли определенные требования к функционированию прессы в годы войны. В частности, они, как правило, выступали в качестве защитников существования в стране военной цензуры, подчеркивая, что вопросы, связанные со свободой печати, могут обсуждаться лишь в послевоенное время. Мало того, правые депутаты с думской трибуны неоднократно подчеркивали, что подавляющее большинство либеральных периодических изданий той поры издавались евреями, и поэтому, полагали монархисты, таким изданиям нельзя вообще давать какую бы то ни было свободу от цензуры.

Также в своих печатных изданиях правые обращали внимание читателей на состояние российского кинематографа, репертуар которого вызывал у них глубокую озабоченность. По мнению «Земщины», над кинематографом, особенно, над зарубежным, необходим специальный контроль, который следовало бы осуществлять путем цензуры, а также высоких налогов на иностранные фильмы. В правой печати открыто говорилось о том, что давно назрела необходимость бить в набат, так как «кинематографы пропагандируют порнографию и уголовщину, <...> их обратили в орудие революционного пропагандирования народа» [8, с. 2]. Особенно вредными правым представлялись картины, посвященные Великой французской революции, которые в значительном количестве демонстрировались в России в предреволюционное время. Демонстрация подобного рода фильмов осуществлялась, как правило, в дешевых кинематографах, и таким образом, их просмотр становился вполне

доступным простонародью. Отсюда и озабоченность правых в связи с «революционизированием народных масс зарубежными кинофильмами» [6, с. 110]. Также правые протестовали и против показа ужасов войны. В частности, редактировавшаяся Н.Е. Марковым газета «Курская быль» в 1915 г. писала: «Покажите нашему народу красоту и величие подвигов наших воинов, <...> покажите чудеса техники, <...> покажите работу наших санитаров на поле боя и жизнь наших воинов на позициях; дайте ряд снимков, сделанных во время посещения городов нашим Державным Вождем и членами Его семьи; покажите великую самоотверженную работу наших Августейших Сестер милосердия...» [1, с. 1]. Таким образом, правые предлагали использовать кинематограф для пробуждения в народе верноподданнических и патриотических чувств.

Особое место среди органов периодической печати правых занимала газета «Гроза», выражавшая неприкрытую антисемитскую позицию. Первым редактором-издателем и учредителем «Грозы» стал Николай Иванович Большаков (Артамонов-Большаков), который был широко известен как редактор-издатель журналов «Кронштадтский маяк», «Свет России» и как автор книг об Иоанне Кронштадтском. В период с 8 ноября 1909 г. (№ 33 «Грозы») по 4 июля 1910 г. (№ 34 «Грозы») выпуск газеты был приостановлен без указания причины Санкт-Петербургским градоначальником, а затем, уже после кончины Большакова, новым издателем газеты стал известный деятель правомонархического движения, педагог, создатель детских приютов Николай Николаевич Жеденов.

При новом редакторе-издателе «Грозы», стиль газеты резко изменился – она стала более едкой и беспощадной в критике политических противников. В 1914 г. Н.Н. Жеденов организовал и возглавил «Общество изучения иудейского племени» (Устав организации был утвержден 14 августа 1914 г.), и газета стала фактически печатным органом этого Общества, публикуя многочисленные статьи по еврейскому вопросу антисемитского содержания. При Обществе также издавалась специальная серия брошюр под названием «Библиотека Общества изучения иудейского племени». Кроме Н.Н. Жеденова, активное участие в деятельности этого общества принимал известный деятель монархического движения художник Л.Т. Злотников (печатался под псевдонимом Л. Зло). В октябре 1915 г. обществом была открыта Русская книжная лавка в Петрограде по адресу: Пушкинская, 16, в которой был представлен огромный выбор книг, журналов, картин и открыток, посвященных критике еврейства.

Из прочих крупных правых периодических изданий выделим журнал «Российский гражданин» одного из лидеров монархистов П.Ф. Булацеля. 31 декабря 1915 г. вышел в свет его первый номер. Журнал издавался еженедельно вплоть до февральских событий 1917 г., когда его выход, как и других органов периодической печати правых, был приостановлен. Учитывая схожесть названия нового издания с ранее, до 1914 г., на протяжении многих лет выходившим «Гражданином» князя В.П. Мещерского, а также некоторую схожесть в идеологическом направлении обоих изданий, либеральная пресса стала заявлять о преемственности «Российского гражданина» по отношению к «Гражданину» Мещерского.

Помимо вышеназванных периодических изданий, существовали и другие менее значимые правые издания – как столичные (например, «Голос Руси», издававшийся князем М. М. Андрониковым, и другие), так и региональные (саратовская монархическая газета «Волга», редактором которой был Н.П. Тихменев, «Саратовское вече», монархические периодические издания «Казанский телеграф», «Саратовский листок» и др.). Отметим также, что в годы войны было возобновлено издание «Вестника Русского собрания», первый номер которого вышел 7 января 1915 г. Содержание журнала соответствовало общему состоянию Собрания [16, с. 474].

Сейчас, по прошествии почти ста лет, трудно четко определить реальное влияние правой периодики на умонастроения населения Российской империи. Как известно, либеральная пресса утверждала, что правые периодические издания, по крайней мере, в период Первой мировой войны, совершенно не имели никакого общественного влияния. Так, газета «Речь» 9 октября 1915 г. писала: «Сколько бы ни затрачивали средств на все эти «Земщины», «Голоса Руси» <...>, они печатаются лишь для профессиональных работников, которые по обязанности их читают, публике они остаются совершенно неизвестными и лишены малейшего влияния» [7, с. 1].

Думается, что влияние консервативной печати действительно было незначительным. Да и тиражи правых периодических изданий существенным образом уступали либеральным, прокадетским изданиям – «Речи», «Утру России», «Биржевым ведомостям» и т. д. К тому же, постоянный цензурный прессинг по отношению к правой печати не способствовал увеличению ее популярности. Правая печать, как и правая идеология в целом, постепенно теряли популярность в народных массах, а её место занимали широкораспространенные и продававшиеся буквально на каждом углу либеральные издания, такие как «Речь», «День», «Утро России», «Биржевые ведомости» и др.

С другой стороны, вне всякого сомнения правительственные чиновники проявляли интерес по крайней мере к отдельным публикациям правой периодической печати. В фонде Канцелярии МВД содержатся документы, из которых явствует, что отдельные вырезки из черносотенных газет передавались «для негласного рассмотрения», очевидно, специальным чиновникам министерства. Так, 27 августа 1916 г. вырезка из «Земщины» была передана тогдашнему директору Департамента полиции МВД генерал-лейтенанту Е. К. Климовичу [10. Л. 61], а 5 сентября того же года вырезка из «Русского знамени» была отправлена Петербургскому градоначальнику, князю А.Н. Оболенскому [10. Л. 62]. К сожалению, мы не знаем, какие конкретно публикации заинтересовали чиновников министерства, так как их копии в фонде Канцелярии МВД не содержатся.

Помимо выпуска периодических изданий, редакторы и издатели правых газет и журналов достаточно активно публиковали книги – переиздавали свои речи на монархических совещаниях [14], издавали собственные стихи, поэмы, прозаические произведения, публицистические статьи в виде брошюр и т. д.

Приведем несколько характерных примеров. В декабре 1915 г. редактор патриотического журнала-ежедневника «Царь и народ» Гордей Михайлович Швецов прислал А.Н. Хвостову свои патриотические стихотворения и поэмы. Среди них – стихотворная «историческая повесть» под названием «Великая война России, Франции, Англии, Сербии, Черногории, Италии, Японии и Португалии с Германиею, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией» («Издание в пользу раненых чудо-богатырей Всероссийского христолюбивого победоносного воинства». Пг., 1916); поэма «Великая война восьми просвещенных государств с одичалыми немцами, мадьярами и турками», направленная против германского императора и других противников России в Первой мировой войне; стихотворная рукопись «О книге жизни русского народа и его монархов»; поэма «Венценосные богатыри и их достойные сподвижники» (посвящена внешней политике России XIX в., деятельности М.Д. Скобелева и т. д.) и др. [9. Л. 178–206]. При этом поэма «Великая война России...» была направлена А.Н. Хвостову с дарственной надписью: «С чувством глубокого уважения и простосердечной преданности» [9. Л. 188]. За посланные материалы публицист получил благодарность от имени А.Н. Хвостова за подписью начальника Канцелярии МВД Б. Писаренкова [9. Л. 207].

Однако следует отметить, что к подобного рода изданиям и к личностям их авторов чиновники МВД относились с определенным недоверием. Сведения о них тщательно проверялись. Так, через

полгода после получения письма от Г.М. Швецова, 28 июля 1916 г., к материалам с его поэмами в архивном деле была приложена краткая справка, составленная в министерстве: «Швецов по сводкам полиции старик 73 лет. Сотрудничает в правых газетах, пишет стихи. Личность скорее почтенная. Небл<агоприятных> свед<ений> нет [9. Л. 207].

Излишнее недоверие к деятельности монархистов со стороны правительства, к тому же усилившееся в годы Первой мировой войны, а также мизерные тиражи выпускавшихся правыми книг и брошюр – все это приводило в итоге к тому, что монархическая литература в основном пополняла библиотеки и читальни самих правых организаций, превращалась в своего рода литературу «для внутреннего пользования» со всеми вытекающими отсюда последствиями. А тем временем либеральные и левые издатели огромными тиражами печатали свои газеты, брошюры, «летучие листки», книги, многие из которых были откровенно антиправительственного содержания, в которых от императора требовали немедленного проведения либеральных реформ и создания ответственного перед Думой, а не перед монархом, министерства.

Список литературы

1. Война в кинематографе // Курская быль. – 1915. – 27 янв. – № 25.
2. Глинка С. Орудие злой силы // Земщина. – 1915. 22 сент. – № 2136.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 116. Оп. 1. Д. 624.
4. Е. К. В московском «конвенте» // Земщина. – 1917. - 2 февр. – № 2595 (31).
5. Земщина. – 1916. 5 янв. – № 2235.
6. Иванов А.А. Последние защитники монархии. – СПб., 2006.
7. Петроград, 9 октября // Речь. – 1915. – 9 (22) окт. – №. 278 (3301).
8. Петроградец. Надо бить в набат // Земщина. – 1917. – 12 февр. № 2604 (40).
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1282. Оп. 1. Д. 1137.
10. РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1987.
11. Русское знамя. – 1915. 29 сент. № 213.
12. Русское знамя. – 1915. 30 сент. № 214.
13. Русское знамя. – 1916. 18 марта. № 59.
14. Совецание монархистов 21–23 ноября 1915 г. в Петрограде. Постановления и краткий отчет. М., 1915; Труды Всероссийского Монархического Совецания в г. Н. Новгороде уполномоченных правых организаций с 26 по 29 ноября 1915 г. Пг., 1916.
15. Степанов А. <Д.> Земщина // Черная сотня: ист. энцикл. / сост. А. Д. Степанов, А. А. Иванов; отв. ред. О. А. Платонов. – М., 2008.
16. Степанов А. <Д.> Русское собрание // Черная сотня: ист. энцикл. / сост. А. Д. Степанов, А. А. Иванов; отв. ред. О. А. Платонов. – М., 2008.

*А. А. Иванов**

Правая группа Государственного совета в 1917 году: «председательский кризис»

В статье исследуются процессы, происходившие в правой группе Государственного совета в 1917 г. В работе впервые реконструирован и проанализирован кризис, проявившийся в ходе выбора последнего председателя правой группы. Автор приходит к выводу, что увеличение в январе 1917 г. численности правых в Государственном совете не привело к усилению их группы.

The article is devoted to processes in the right group of the State Council in 1917. The crisis, which appeared during the elections of the last right group's chairman, was reconstructed and analyzed in this work for the first time. The author concludes that the increase of the number of the rights in the State Council in January 1917 didn't lead to the strengthening of the group.

Ключевые слова: Государственный совет, правая группа, А. Ф. Трепов, консерватизм, Первая мировая война, политический кризис.

Key words: The State Council, right group, A. F. Trepov, conservatism, World War I, political crisis.

Канун и начало революционного 1917 г. были для правых обеих законодательных палат Российской империи весьма тревожными и свидетельствовали об глубоком кризисе в этой группе, который с конца 1916 г. переходил в заключительную и безнадежную стадию. Налицо были развал думской фракции правых [7, с. 141–146] и заметное ослабление позиций правого крыла Государственного совета. На фоне этого разложения властью и лидерами правых были предприняты попытки укрепления правой группы Государственного совета. Как справедливо замечает А. П. Бородин, «к концу 1916 г. необходимость укрепления правого крыла Гос. совета и назначения его председателем правого становится очевидной для Николая II в связи с опасным для трона усилением Прогрессивного блока», тем более, что «в этом направлении его подталкивали все настойчивее и лидеры правой группы Гос. совета, и вожди монархических организаций, и правые члены правительства...» [2, с. 162].

* **Иванов Андрей Александрович**, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена.

26 ноября 1916 г. председатель Совета министров А. Ф. Трепов представил царю записку, в которой, обращая внимание монарха на то, что «сочувственно отнеслась к правительственной декларации одна лишь правая группа», сетовал на то, что в результате ряда причин консервативный фланг верхней палаты заметно поредел и нуждается в усилении [2, с. 162]. В 1917 г. один из лидеров правой группы Государственного совета И. Г. Щегловитов показывал, что император вызвал его к себе 23 декабря 1916 г., и, сославшись на то, что ему рекомендовал его А. Ф. Трепов, предложил встать во главе верхней палаты законодательных учреждений. На возражения Щегловитова, что ему как председателю правой группы Государственного совета будет трудно руководить заседаниями верхней палаты в виду того, что правые не пользуются сочувствием парламентского большинства, император Николай II заверил политика, что правая группа будет усилена [14, с. 425].

Несмотря на то что современники событий, а вслед за ними и советские исследователи, нередко трактовали меры по усилению правого крыла в верхней палате как «настоящий разгром» оппозиции [5. Л. 122], историками А. П. Бородиным [2, с. 163–165], С. В. Куликовым [8, с. 345–358] и А. Н. Мичуриным [9, с. 276–277] было убедительно доказано, что чистка, проведенная императором в Государственном совете, носила довольно мягкий характер и не являлась радикальным реакционным поворотом. Мера, предпринятая императором, имела главной своей целью стабилизировать состав Государственного совета и «подморозить» его растущую оппозиционность до победоносного окончания войны. В условиях же победы русского оружия (в которую в верхах, несомненно, верили), политическая ситуация должна была бы измениться в более благоприятную для власти сторону.

Из назначенных императором в начале января 1917 г. 18 новых членов Государственного совета все имели репутацию правых деятелей. В результате «чистки» численность правой группы в Государственном совете выросла с 58 до 70 (по другим данным – 71) человек, а ее удельный вес достиг 57 % от общего числа членов, что теоретически могло дать правой группе в союзе с правым центром и внепартийными членами верхней палаты, не вошедшими в Прогрессивный блок, преобладание в общем собрании палаты. Выходила следующая картина: председателем Государственного совета был назначен председатель правой группы И. Г. Щегловитов; вице-председателем – член группы правого центра В. Ф. Дейтрих. Незадолго до этого, 26 декабря 1916 г. председателем Совета министров был назначен член правой группы Государственного совета

князь Н. Д. Голицын. В связи с этим, отмечали газеты, у правых Государственного совета наблюдалось большое оживление, вызванное надеждой, что они снова станут хозяевами положения в верхней палате. Оживились и правые деятели на местах, у которых на короткое время возродились надежды на возможность коренного перелома. Но при этом они не расслаблялись в благодушном умиротворении, а указывали на крайнюю ответственность наступившего момента. Так, видный одесский черносотенец Н. Н. Родзевич писал 5 января 1917 г. И. Г. Щегловитову: «Никогда так пламенно не желал я успехов в нашей внешней и внутренней политике, как именно теперь, когда к власти призваны правые. Ведь теперь неудачный шаг может окончательно погубить правое дело и в глазах царя, и в глазах населения». «Теперь, когда в ряды правительства и Гос. Совета призваны люди совершенно определенного направления, – писал публицист К. Н. Пасхалов председателю думской фракции правых С. В. Левашеву, – наступил благоприятный момент для поражения "пораженческой" "общественности" и организации настоящей русской. Но для этого надо развить и кипучую деятельность при полном содействии правительства и, главное, власти» [18, с. 212].

Но развить «кипучую деятельность» правые так и не смогли. Несмотря на численное увеличение правой группы, добиться внутренней сплоченности защитникам самодержавия так и не удалось. Отсутствие единомыслия между членами правого объединения верхней палаты наглядно показали события, связанные с выбором нового председателя правой группы.

После того как И. Г. Щегловитов был избран председателем Государственного совета, он отказался от руководства правой группой. Свое решение, озвученное за заседании правых верхней палаты 5 января 1917 г., Щегловитов объяснял некорректностью совмещения председательства в Совете с руководством одной из его групп [21, 6 янв.]. Таким образом, правая группа оказалась перед необходимостью выбора нового лидера.

Выбор этот оказался непростым. Часть группы вновь выдвинула в председатели предшественника Щегловитова – графа А. А. Бобринского, отмечая его прошлый опыт руководителя правыми как успешный (Бобринский был председателем правой группы после вынужденного ухода с этого поста П. Н. Дурново с августа 1915 по март 1916 г., зарекомендовав себя сторонником либерально-консервативного курса). Другая же часть правой группы (более консервативная) категорически отвергала эту кандидатуру, обвиняя бывшего лидера в том, что «при графе А. А. Бобринском в группе

появились течения, которые позволили советскому (т. е. находящемуся в Государственном совете – А. И.) Прогрессивному блоку при некоторых голосованиях даже пользоваться голосами правых» [4, 1 янв.]. Кандидатурой этой части членов правой группы стал А. С. Стишинский, «который являлся правой рукой покойного П. Н. Дурново и теперь, когда правые вновь усилились, мог бы ввести железную дисциплину и сплоченность, которой отличались правые при П. Н. Дурново» [4, 1 янв.].

Разногласия в вопросе о новом председателе правой группы показали, что той сплоченности, которая отличала правую группу перед Первой мировой войной, уже нет, а деление ее членов на либеральных консерваторов (сторонников А. А. Бобринского) и крайне правых традиционалистов (сторонников А. С. Стишинского) явно свидетельствовало об окончательном формировании в группе как минимум двух явно выраженных направлений – «левого» и «правого» (дальнейшие события показали, что спектр взглядов в рамках правой группы был еще более широким). Споры между сторонниками двух крыльев правой группы привели к тупиковой ситуации, поскольку каждой из сторон выдвигаемая их оппонентами кандидатура председателя группы казалась неприемлемой.

На совещании группы, проходившем 5 января 1917 г., помимо кандидатур Бобринского и Стишинского, также назывались имена А. П. Струкова, А. Ф. Трепова и А. А. Макарова, но последний сразу же взял самоотвод [21, 6 янв.]. К 10 января сторонники А. А. Бобринского взяли верх, и группа направила графу запрос, чтобы узнать, согласен ли он вновь встать во главе правых Государственного совета. Однако Бобринский, заявив, что «чувствует себя утомленным», от председательства отказался [13, 10 янв.]. «В осведомленных кругах, однако, передают, – замечало "Утро России", – что гр. А. А. Бобринский пытается выяснить отношение к нему вновь избранных правых (точнее назначенных – А. И.) членов Государственного совета, и только тогда выставит свою кандидатуру» [21, 10 янв.].

12 января в Мариинском дворце должно было состояться очередное заседание правой группы, для того чтобы выработать консолидированную позицию по базовым политическим вопросам и избрать председателя. Из-за уклончивого ответа А. А. Бобринского, видимо, как на временной фигуре остановились на вице-председателе правой группы А. П. Струкове, который исполнял обязанности председателя после ухода с этой должности И. Г. Щегловитова. Однако Струков категорически от должности руководителя отказался, и выборы председателя были вновь «на не-

которое время» перенесены. «Председательский кризис в связи с этим сильно обостряется, так как [ни] одна из выдвигаемых кандидатур не встречает общего согласия», – отмечало «Вечернее время» [4, 12 янв.]. Ситуация повторилась и во второй половине января, когда на очередном заседании правой группы выборы председателя вновь были отложены. «Выяснилось, что в группе существует несколько течений, которые поддерживают кандидатуры А. П. Струкова, А. С. Стишинского, гр. А. А. Бобринского и А. Ф. Трепова. Однако ни одна из этих кандидатур не встречает общего сочувствия» [4, 19 янв.].

В конце концов, 19 января, после очередного отказа А. П. Струкова, сославшегося на болезненное состояние, последним председателем правой группы был избран недавний председатель Совета министров А. Ф. Трепов, получивший при голосовании 37 голосов из 50-ти. Остальные голоса распались, «и за некоторых кандидатов подавали по одному, по два и по три голоса» [13, 20 янв.].

Новый руководитель правой группы имел репутацию «сильной личности», по отзыву председателя фракции правых в Государственной думе С. В. Левашева был «человек весьма энергичный» [3, с. 356] и пользовался авторитетом в правых кругах (хотя стремительное завершение его карьеры на посту председателя Совета министров, продолжавшейся 46 дней, несколько подорвало репутацию Трепова). Представители оппозиции также признавали, что А. Ф. Трепов – человек «одаренный волей и умом» (Н. В. Савич) [20, с. 187], «способный, чрезвычайно решительный, с большим характером», но при этом «оппортунист, который может пойти куда угодно», и, если будет затронуто его самолюбие, «может далеко пойти». (А. И. Савенко) [19, с. 119]. К тому же, как замечал Савенко, Трепов настаивал на том, что «соглашение (с оппозицией – А. И.) необходимо и без уступок невозможно» [19, с. 119]. Примерно так же отзывался о нем и прогрессивный националист В. В. Шульгин: «Две маски. Но – это человек умный, с деспотическим характером. Может далеко пойти в обе стороны (т. е. как влево, так и вправо – А. И.). Мы можем только ожидать, какую маску он выберет». Те же качества Трепова подчеркивал и кадет А. И. Шингарев, утверждавший, что этот правый деятель «человек импульса», с большим самолюбием, талантливый и «иногда соглашается с левыми» [19, с. 119]. На «беспокойное направление» ума и «резкое непостоянство взглядов» А. Ф. Трепова указывал и его бывший коллега по группе А. Н. Наумов [11, с. 368].

Поэтому, когда в ноябре 1916 г. А. Ф. Трепов сменил на посту председателя Совета министров Б. В. Штюрмера, члены Прогрес-

сивного блока первоначально решили выстраивать отношения с ним в рамках от «дружественного нейтралитета» (прогрессивный националист А. И. Савенко), до нейтралитета «вооруженного» (левый кадет Н. В. Некрасов) [19, с. 120]. Сам же Трепов, как утверждали оппозиционные круги, заверял их, что хотя он формально и правый, но групповой дисциплине не подчиняется [19, с. 119].

Впрочем, не исключено, что дело тут было не столько в присутствии Трепову «неустойчивости», сколько в прагматическом расчете. По словам А. Н. Наумова, Трепов «проявлял недюжинные способности дальновидного политика в деле привлечения на свою сторону симпатий нужных для его популярности и устойчивости положения людей» [11, с. 369]. По свидетельству А. А. Мосолова, которому Трепов приходился «другом и шурином», в бытность свою премьером будущий председатель правой группы планировал, при наличии возможности, предложить четыре министерских портфеля «лицам, пользующимся доверием общественности и Думы» [10, с. 17].

Как комментировал эту уступчивость Трепова Н. В. Савич, лидер правых хоть и был «противником стремления Думы упрочить и развить ее влияние в деле управления Россией», но полагал, что победа России в войне «зависит от того, будет ли или нет сохранен внутренний мир». «Ради этой главной цели, – резюмировал депутат-октябрист, – он готов был на уступки общественному мнению, понимал, что надо в первую голову, так или иначе договориться с Думой. Он ей не сочувствовал, но все его с ней разногласия казались ему ничтожными по сравнению с той грандиозной задачей, которую ставила перед властью Великая война» [20, с. 186].

Стоит также обратить внимание на то, что последний председатель правой группы Государственного совета вызывал стойкую антипатию императрицы Александры Федоровны, наделявшей его в переписке с государем такими характеристиками, как «ужасный Трепов», «лживый человек» и признававшей, что нерасположенность к нему она не может осилить [16, с. 138, 184–185]. И эта неприязнь не была беспричинной. То, что в начале премьерства Трепова давало умеренным представителям либеральной оппозиции надежду на его поворот лицом к «общественности» – раздражало императрицу. «...Тр[епов] заигрывает с Родз[янко]. Всем известно, что они по 2 раза в день встречаются – это недостойно», – информировала она императора Николая II, призывая супруга остерегаться премьера, которого, по ее мнению, нельзя ни любить, ни уважать [16, с. 184–185]. Особое раздражение императрицы вызывала затеянная Треповым в бытность его председателем Совета министров интрига против Г. Е. Распутина и А. Д. Протопопова, ко-

торию она воспринимала отнюдь не как желание верноподданного «спасти» трон от «сторонних влияний», а как стремление «разогнать» преданных ей людей. «Я бы повесила Тр[епова] за его дурные советы. <...> Я ненавижу лживого Тр[епова], который делает все, чтобы повредить тебе», – откровенно признавалась императрица в письме к Николаю II [16, с. 190]. Да и император не питал к Трепову особого доверия, хотя и высоко ценил его деловые качества. «Противно иметь дело с человеком, которого не любишь и которому не доверяешь, как Тр[епов]. Но раньше всего надо найти ему преемника, а потом выставить его...» – писал он 14 декабря 1916 г. [16, с. 192].

В связи с избранием Трепова председателем правой группы, в прессу просочилась информация, что свое согласие на эту должность он обставил двумя условиями: во-первых, группа должна предоставить своему лидеру полную свободу выступлений и голосования в тех случаях, когда он разоидется с мнением большинства и, во-вторых, группа не будет вести «ретроградной политики», в которой ее до сих пор обвиняли. Правда, вскоре после появления подобных газетных сообщений Трепов поспешил выступить с заявлением, в котором говорилось об искажении журналистами его слов в отношении политики правой группы, которая «никогда ретроградной не была и, конечно, не будет». Но, как не без оснований замечал политический обозреватель «Вестника Европы», «весьма может быть, что собеседник А. Ф. Трепова не совсем точно передал содержание им сказанного, но едва ли можно сомневаться в том, что избранию нового председателя предшествовал разговор о некотором изменении образа действий, которых до сих пор держалась группа». «Совершенно понятно, – заключал он, – прежде чем стать его (правого объединения Государственного совета – А. И.) вождем, А. Ф. Трепов пожелал заручиться обещанием несколько большей умеренности в проведении излюбленных принципов» [1, с. 330].

Показательно также, что в дни Февральской революции, когда лидеры правой группы были подвергнуты арестам, А. Ф. Трепов, как рассказывал А. Н. Наумову А. Н. Яхонтов, явился в свое бывшее ведомство (путей сообщения) предлагать услуги новой власти [11, с. 371] и хотя востребован ею не был, но за то, что «был противником А. Д. Протопопова» получил от председателя Государственной думы М. В. Родзянко (по другим сведениям, от депутата-прогрессиста А. А. Бубликова) своего рода «охранную грамоту» [12, с. 333].

Но вместе с тем «своим» человеком считали Трепова и крайне правые. Лидер Астраханской народно-монархической партии Н. Н. Тиханович-Савицкий 15 февраля 1917 г. просил вождя крайне правых А. И. Дубровина переговорить с Треповым и постараться привлечь его в Совет намечавшегося на конец февраля монархического съезда. «Если бы удалось взять Трепова в Совет председателем, это было бы для нас большим успехом во всех отношениях», – резюмировал Тиханович-Савицкий [17, с. 223].

Таким образом, избрание Трепова можно рассматривать как победу умеренного крыла внутри правой группы Государственного совета, но победу, которая не была принципиально неприемлемой и для ее крайне правой части. Трепов оказался компромиссной фигурой между «слишком правым» Стишинским и «слишком левым» Бобринским. Однако и этот компромисс был принят далеко не всеми. Избрание Трепова произошло вопреки желанию председателя верхней палаты И. Г. Щегловитова и министра внутренних дел А. Д. Протопопова, противодействовавших проведению кандидатуры А. Ф. Трепова [15, с. 155].

В результате избрание А. Ф. Трепова не принесло правой группе стабильности и успокоения. Как сообщало «Утро России», получившее информацию от своего источника в группе правого центра, избрание Трепова председателем правой группы Государственного совета вызвало неприятие крайне консервативного крыла «во главе с Н. А. Маклаковым», считавшего нового руководителя «чересчур либеральным». «В то же время другие члены правой группы из земских деятелей обнаруживают тяготение к нейдгартовцам (т. е. группе правого центра, которую возглавлял шури́н П. А. Столыпина А. Б. Нейдгарт), – передавало издание. – Таким образом, группа правых находится накануне полного развала» [21, 24 янв.].

Выходило, что численное усиление правой группы не гарантировало ее единства. Да и времени на то, чтобы преодолеть внутренний разлад, уже не оставалось. В новом, поправевшем составе Государственный совет успел провести только два заседания, после чего разразившаяся Февральская революция 1917 г. прервала его работу.

Список литературы

1. Арсеньев К. На темы дня // Вестн. Европы. – 1917. – № 2.
2. Бородин А. П. Государственный Совет России (1906–1917). – Киров, 1999.
3. Вестник Европы. – 1916. – № 12.
4. Вечернее время. – 1917.

5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5971. Оп. 1. Д. 111.
6. Демин В. А. Верхняя палата Российской империи. 1906–1917. – М., 2006.
7. Иванов А. А. Последние защитники монархии. Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917). – СПб., 2006.
8. Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). – Рязань, 2004
9. Мичурин А. Н. Политическая борьба в Государственном совете в годы Первой мировой войны. – СПб., 2010.
10. Мосолов А. А. При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора. – СПб., 1992.
11. Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Кн. 2. – Нью-Йорк, 1955.
12. Николаев А. Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года. – СПб., 2005.
13. Новое время. – 1917.
14. Падение царского режима: По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / ред. П. Е. Щеголев. Т. 2. – М.–Л., 1925
15. Падение царского режима: По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / ред. П. Е. Щеголев. Т. 4. – М.–Л., 1925.
16. Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. 1916–1917. – М.–Л., 1927.
17. Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914–1917 годах // Вопр. истории. – 1996. – № 8.
18. Правые в 1915 – феврале 1917. По перлюстрированным Департаментом полиции письмам / публ. Ю. И. Кирьянова // Минувшее. Исторический альманах. – М.–СПб., 1993.
19. Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. / Публ. Н. Лапин // Красный архив. – 1933. – Т. 1 (56).
20. Савич Н. В. Воспоминания. – СПб. – Дюссельдорф, 1993.
21. Утро России. – 1917.

Деятельность местных органов власти и управления Советской России по организации статистических работ в 1917–1920 гг.

В статье рассматриваются мероприятия местных органов Советского государства по организации статистических исследований в годы революции и «военного коммунизма». Дана характеристика взглядов советских чиновников и политических деятелей на место и роль статистических органов в системе государственного управления в 1917–1920 гг. Показаны итоги межведомственной борьбы по вопросу об организации и проведении статистических работ в стране.

Article examines activity of local bodies of the Soviet state for the organization of statistical researches in days of revolution and «military communism». Author gives the characteristic of views of the Soviet officials and politicians on a place and a role of statistical bodies in government system in 1917–1920. Article shows results of interdepartmental struggle of the organization and carrying out statistical works in the country.

Ключевые слова: большевики, Советы рабочих и солдатских депутатов, Высший совет народного хозяйства (ВСНХ), статистика, губернские и уездные статистические бюро, межведомственная борьба, «военный коммунизм».

Key words: Bolsheviks, Soviets of working and soldier's deputies, Supreme Council of National Economy, statistics, provincial and district statistical bureaus, interdepartmental struggle, «military communism».

В ночь с 25 на 26 октября 1917 г. пало Временное правительство. На II Всероссийском съезде Советов был провозглашен переход власти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Эти органы, по первоначальному замыслу большевистского руководства, должны были в новых исторических условиях воплощать опыт Парижской Коммуны. Он заключался в соединении законодательных и исполнительных функций власти, а также в создании при советах специальных отраслевых комиссий, «взявших на себя функции прежних министерств» [1, с. 413].

Одним из важных направлений в деятельности новых органов власти стало налаживание учетно-статистических работ. Диктова-

* **Тропов Игорь Анатольевич**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения.

лось это несколькими обстоятельствами. Во-первых, это соответствовало идеологическим установкам большевиков, которые прекрасно осознавали важную роль статистики в социально-экономической и политической жизни страны. Во-вторых, к скорейшей организации статистических работ подталкивала и реальная обстановка в после-революционной России. Национализация земли, банков, промышленных предприятий, введение всеобщей трудовой повинности, установление контроля над общественным производством и распределением продуктов, регулирование народного хозяйства в общегосударственном масштабе [5, т. 32, с. 110, 443; т. 35, с. 148] – все это настоятельно требовало статистического учета всех имеющихся материальных и людских резервов. В то же время обращает на себя внимание известное ленинское утверждение о необходимости вывести статистику из «исключительного ведения «казенных людей» или узких специалистов» и «понести ее в массы, популяризовать ее, чтобы трудящиеся постепенно учились сами понимать и видеть, как и сколько надо работать, как и сколько можно отдыхать, – чтобы *сравнение деловых итогов* хозяйства отдельных коммун стало предметом общего интереса и изучения» [5, т. 36, с. 192].

Таким образом, от статистических учреждений большевики ожидали не только предоставления данных, необходимых для деятельности органов государственной власти и управления, как это было в дореволюционной России, но и выполнения более широкой задачи – информирования общества с целью вовлечения наибольшего числа трудящихся в процесс «социалистического строительства» и придания ему начал сознательности и организованности.

Решение этих задач в первые месяцы после прихода к власти большевиков было осложнено царившей в стране хозяйственной разрухой, разгоравшейся Гражданской войной, незавершенностью процесса формирования местного советского аппарата власти и управления. Вследствие этого существовали различные варианты организации статистических работ в конце 1917 – начале 1918 г. Эту деятельность осуществляли губернские совнархозы [7. Д. 37. Л. 6 об.], местные органы наркоматов продовольствия и земледелия, советы рабочих и солдатских депутатов [7. Д. 16. Л. 22, 27, 44, 87], земства и городские думы (до их упразднения) [4], советы рабочего контроля [3, с. 84–85] и даже отдельные предприятия, например угольные шахты в Томской губернии [2, с. 241].

Подобная распыленность статистической деятельности между различными местными органами власти и ведомственными структурами в сочетании с тяжелой внутренней обстановкой в стране, не могли не отразиться на положении статистических служб. На состо-

явшемся в начале декабря 1917 г. съезде статистиков делегаты указывали на «отчаянное» положение местных отделов переписи, не имевших финансирования. Один из делегатов отмечал, что в Киевской губернии расходы на разработку материалов сельскохозяйственной переписи 1917 г. чрезвычайно велики, но «средств у земства нет, ... и больше нам не дают». Еще более пессимистично смотрел на этот вопрос представитель из Калуги, полагавший, что вскоре из-за недостатка денег «очень многие наши отделы принуждены будут закрыться» [7. Д. 1. Л. 5–6].

Другая важная проблема касалась известного давления со стороны ведомственных структур на деятельность статотделов и бюро. Как справедливо заметил известный российский экономист А.А. Кауфман, статистики имеют право в ответ на категорические требования ведомств о предоставлении тех или иных сведений, заявить, что «далеко не все данные и выводы, которые было бы нужно в разных случаях получить от статистика, не все эти данные статистик в состоянии дать» [7. Д. 2. Л. 27]. К сожалению, к этим научным положениям органы политической власти и государственного управления далеко не всегда были склонны прислушиваться и руководствоваться ими в практической деятельности.

В конце 1917 – начале 1918 г. на местах деятельность статистических служб часто воспринималась либо как не вполне понятная и совсем не обязательная, либо как вспомогательный инструмент для решения достаточно узких ведомственных задач. В результате, по словам известного статистика П.И. Попова, когда статистические бюро входили в состав аппарата Наркомата земледелия, «от них, главным образом, требовались работы по подготовке земельной реформы; работы же других отраслей статистики или сокращались, или совершенно прекращались». Но и присоединяясь к советам, ситуация для исследователей оставалась не менее сложной: «... развитие получала та отрасль статистики, [которая] в данный момент интересовала эти учреждения; другие же отрасли благодаря этому не могли получить надлежащего развития» [8. Д. 896. Л. 414 об.].

Соответствующие подтверждения приходили из разных губерний и уездов России. Так например, из Тамбовской губернии приходили известия о том, что статистический отдел местного земства, подчиненный после революции Наркомзему, существовал лишь «как отдел с[ельско]х[озяйственной] статистики». Представители целого ряда губерний (Витебской, Пензенской и др.) сообщали, что местные советы считают организацию статбюро делом «совершенно второстепенным», а зачастую статистика вообще находится «в

большом загоне» у руководителей местных советских учреждений [7. Д. 16. Л. 22, 27, 44, 87].

Подобное пренебрежительное отношение к деятельности статистических служб со стороны местных управленческих структур было тесно связано с остротой переживаемого страной политического момента, главным содержанием которого была борьба за власть, а также с нечеткостью структуры и функций советского аппарата управления в условиях отсутствия организационно-теоретических разработок новой системы власти и управления [14, с. 20–21].

Многое зависело и от уровня образованности, а то и просто от субъективных взглядов, настроений и опасений отдельных руководителей тех или иных органов власти. Порой «революционная бдительность» таких чиновников приводила к прекращению работы целых коллективов ученых только на том основании, что они были служащими «старого» земства или были заподозрены, по словам П.И. Попова, в стремлении «к созданию особой Статистической Республики» [7. Д. 97. Л. 3–4]!

Конечно, существовало и другое отношение представителей местных органов власти к организации статистических работ. Так например, председатель смоленского совнархоза В.А. Смольянинов в своих воспоминаниях с большой теплотой отзывался о своем «полезном помощнике» – руководителе смоленского губстатбюро В.Р. Бриллинге, который, по словам автора, «охотно делился ... своими знаниями местного хозяйства» с руководителями губернских партийных, хозяйственных и советских органов [9, с. 25]. В свою очередь и В.Р. Бриллинг свидетельствовал о равноправных и взаимовыгодных отношениях с местным совнархозом, который «не нарушал ничем плана работ» статистического бюро и «довольно охотно» финансировал эти работы [7. Д. 16. Л. 41–43].

Все вышеприведенные факты опровергают точку зрения о том, что в ранний период советской истории местные органы власти, следуя указаниям высшего партийного руководства, стремились наладить учетно-статистические работы, надеясь узнать от статистических бюро «всё, что даст возможность определить и охарактеризовать состояние во всех областях народно-хозяйственной жизни» [6, с. 21]. Действительность была, безусловно, намного сложнее: одна часть представителей формирующегося государственного аппарата понимала важность проводимых статистиками работ, другая часть либо вообще не признавала их деятельности, либо рассматривала статистические органы как средство получения данных лишь по уз-

кому, интересующему данное ведомство направлению, превращая независимые бюро в один из элементов ведомственной структуры.

Подобное положение вещей противоречило взглядам статистиков о независимости их положения и деятельности, а также не соответствовало интересам высших органов государственной власти, заинтересованных в получении точных данных в общегосударственном масштабе. Выступая на очередном съезде статистиков в июне 1918 г., председатель ВСНХ А.И. Рыков подчеркнул, что для выхода из кризиса и для дальнейшего развития России необходимо, «чтобы статистические исследования, статистический анализ были положены в основу всех тех мероприятий, которые поставлены теперь историей на очередь». Рыков считал необходимым «объединить в общий план работ и под единым руководством как статистику земскую и городскую, так и статистические отделения различных ведомств, различных управлений и их опыт» [7. Д. 28. Л. 2–3].

На июньском (1918 г.) съезде в ходе длительных и острых дискуссий был выработан план организации государственной статистики в РСФСР. Несмотря на имевшиеся разногласия, делегаты съезда в большинстве своем единодушно высказались за создание центрального, надведомственного и политически нейтрального органа. Он был призван не только намечать общий план работ, но и разрабатывать данные, поступавшие от местных статистических организаций – губернских и уездных бюро, которые, в свою очередь, действовали через местных агентов – волостных статистиков и добровольных корреспондентов [12, с. 31-40].

Совнарком во главе с В.И. Лениным хотя и поддержал в целом выработанные на съезде идеи, все же отверг тезис о полной самостоятельности Центрального статистического управления (ЦСУ) и предпринял необходимые меры для обеспечения контроля над его деятельностью, формально подчинив себе ЦСУ. При этом, согласно §4 «Положения о местных статистических учреждениях», было допущено и существование ведомственной статистики [10, № 67, ст. 729], что означало существенную уступку наркоматам, открыто заявлявшим о желании вести свою собственную учетно-статистическую работу [7. Д. 16. Л. 100; Д. 37. Л. 65].

После принятия Совнаркомом документов об образовании ЦСУ началось формирование губернских и уездных статистических бюро, затянувшееся в условиях Гражданской войны, интервенции и экономического кризиса вплоть до 1920 г. Согласно принятому закону эти бюро (отделы) формировались на базе соответствующих земских органов и существовали при местных Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Далекое не везде органы со-

ветской власти ответственно отнеслись к формированию своих новых структур: передача статистических учреждений земств и городских самоуправлений нередко осуществлялась даже без необходимой для работы мебели и канцелярских принадлежностей. Руководитель ЦСУ П.И. Попов в одном из циркулярных писем обратил внимание на негативные последствия таких шагов и обратился к губисполкомам с просьбой оказать губстатбюро «полное содействие по обеспечению их квартирными помещениями с необходимым оборудованием и канцелярским инвентарем» [13. Д. 2. Л. 26–26 об.].

Еще более важной была проблема вторжения политики в сферу статистических работ. В 1918–1920 гг. она проявлялась достаточно отчетливо и вызывала серьезную обеспокоенность сотрудников ЦСУ. На местном уровне это вторжение проявлялось в различных формах. В некоторых губисполкомах было принято решение поставить во главе губстатбюро советского служащего – члена исполкома. Это стало возможным вследствие того, что принятые летом 1918 г. Совнаркомом положения прямо не устанавливали, должен ли руководитель статистического отдела одновременно являться должностным лицом губисполкома, а постановление VII Всероссийского съезда Советов (декабрь 1919 г.) о том, что заведомо «может быть и не членом исполнительного комитета» [11, с. 114–115], несколько запоздало.

В одной из губерний (название в источниках не указано) местные партийные и советские органы выдвинули прямое требование о том, чтобы статбюро возглавил член РКП(б). Но по согласованию ЦСУ и НКВД было решено, что от руководителя губстатбюро «не требуется, чтобы он принадлежал к политической партии» [7. Д. 152. Л. 8]. В условиях малой численности и слабой распространенности коммунистических ячеек на периферии статистикам удалось на время уберечь свои отделы от «большевизации» их руководящего состава.

В большинстве же случаев проблема сводилась к тому, что в статбюро (например, Калужское, Тверское и др.) назначался «политический работник» (комиссар), который наблюдал и контролировал деятельность соответствующего отдела. Это вызывало возмущение статистиков – ученых и практиков, исходивших из принципа аполитичности и объективности своей деятельности. Некоторые из них даже заявляли, что при таком недоверии «нам, специалистам, оставаться на местах невозможно» [7. Д. 16. Л. 102]. Но большинство выступало все-таки за достижение компромисса с представителями местной власти, призывая к организации совместной с ними работы, «в полном контакте, по обоюдному соглашению» [7. Д. 16. Л. 108].

Свои взгляды на организацию статистических работ в рассматриваемый период активно высказывали также представители местных административно-хозяйственных учреждений, действовавшие в соответствии с инструкциями вышестоящих органов власти. Они, несмотря на наличие уездных и губернских статбюро, отстаивали свое право производить регистрацию текущих явлений в различных отраслях народного хозяйства страны. Мотивировалось это чиновниками по-разному. Часто звучали рассуждения о практических потребностях центральных и местных органов управления (например, ВСНХ, его «главков» и «центров», Наркомтруда и проч.), нуждавшихся в получении оперативных данных о состоянии дел в соответствующей отрасли [7. Д. 63. Л. 407–407об.]. Но в годы «военного коммунизма» сформировалась и другая точка зрения, хотя в тот период она еще высказывалась в крайне осторожной форме. Речь идет об оценке аппарата ЦСУ как малоэффективного, не способного к оперативному сбору и точному анализу статистических данных [7. Д. 8. Л. 63].

В соответствии с этим различались и практические предложения ведомственных структур по вопросу об организации и проведении статистических работ: от идеи четкого разграничения функций ведомственной и государственной статистики, но все же существующих как одно целое, до идеи о полной независимости ведомственного учетного аппарата от ЦСУ.

Таким образом, деятельность местных органов государственной власти и управления в 1917–1920 гг. в отношении статистических работ отличалась противоречивостью. Советы, как органы политической власти на местах, должны были считаться с принятыми Совнаркомом постановлениями об учреждении губернских и уездных статбюро. Однако к организации этих бюро они относились часто формально, не понимая цели и значение их деятельности. Нередкими были случаи некомпетентного вмешательства советских работников в деятельность статистических бюро, состоявших в основном из бывших земских служащих, с целью идеологического контроля над их деятельностью. Местные хозяйственные органы в силу специфики своего функционирования были в гораздо большей степени заинтересованы в налаживании статистического учета, но стремились получать соответствующие данные главным образом посредством создания своего ведомственного учетного аппарата, при этом критически относясь к деятельности органов государственной статистики в лице ЦСУ и его низовых учреждений. Это неизбежно вело к обострению отношений между хозяйственными

наркоматами и ЦСУ в центре, а также между соответствующими структурами на местах.

Успех чиновничества в создании собственного учетно-статистического аппарата был во многом вызван практическими потребностями ведомств и стал возможен в условиях укрепления командных (директивных) методов управления в годы «военного коммунизма», несогласованности в деятельности отдельных частей государственного аппарата, не объединенных на практике единым перспективным планом работ, в результате чего задачи регистрации текущих явлений в той или иной отрасли народного хозяйства являлись для ведомств важнее задач проведения комплексных исследований в масштабах всей страны.

Список литературы

1. Административные реформы в России: история и современность / под общ. ред. Р.Н. Байгузина. – М., 2006.
2. Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917–1919 гг.): сб. док. материалов / гл. ред. В.С. Флеров. – Томск, 1957.
3. Вагапова Л.А. Осуществление рабочего контроля над производством в Башкирии // Октябрьская революция и рождение Советской Башкирии: сб. ст.; под ред. Р.Г. Кузеева и Б.Х. Юлдашбаева. – Уфа, 1959.
4. Земское самоуправление в России, 1864–1918: в 2 кн. – Кн. 2: 1905–1918 гг. – М., 2005.
5. Ленин В.И. Полн. собр. соч.
6. Народное хозяйство. – 1918. – № 5.
7. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 1.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1290. Оп. 2.
9. Смольянинов В.А. Из воспоминаний о первых годах работы ЦСУ // Вестн. статистики. – 1958. – № 7.
10. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства. 1918.
11. Съезды Советов Союза ССР, Союзных и Автономных Советских Социалистических Республик: сб. док-тов: в 3 т. – М., 1959. Т. 1.
12. Тропов И.А. Об особенностях формирования Центрального статистического управления в 1917–1918 гг. // Россия в XX веке: сб. ст. к 70-летию со дня рождения чл.-корр. РАН, проф. В.А. Шишкина / под ред. В.М. Ковальчука. – СПб., 2005.
13. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 164. Оп. 2.
14. Чистиков А.Н. Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада Советской России 1920-х годов. – СПб., 2007.

ИСТОРИЯ ПРАВА

УДК 342.742(47)(091) «1992/2008»:316

*Д. Н. Соловьёв**

Статус казачества как военно-мобилизационного ресурса

В статье рассматриваются современные проблемы взаимодействия казачьих организаций с государственными, муниципальными и местными органами власти, а также юридические вопросы этого взаимодействия, непосредственно самой государственной службы казачества, использования государственной властью возможностей казачества в деле патриотического воспитания молодёжи и усовершенствования законодательства в отношении казаков со стороны государства.

The article is devoted to contemporary problems of the interaction of Cossack organizations with state, municipal and local authorities. The article discusses the legal issues of this interaction, the most direct government service of the Cossacks, the government use off the Cossacks capabilities in the patriotic education of youth and the improvement of legislation in the relations of Cossacks from the state.

Ключевые слова: государственная служба, воинская обязанность, репрессии, патриотизм, мобилизация, обороноспособность, закон, устав, самоуправление.

Key words: public service, military obligations, repression, patriotism, mobilization, defense capability, law, statute, self-government.

С момента развала Советского Союза на территория компактного проживания представителей казачества, начался процесс постепенного возрождения идей и структуры казачьих обществ. На государственном уровне этому процессу пока не придают пристального внимания, уповая на культурно-фольклорную сторону казачьей общности.

Первоочередной задачей стало восстановление исторической справедливости – реабилитация казачества. В дополнение к закону «О реабилитации репрессированных народов» [24, № 5303-1] был

* **Соловьёв Дмитрий Николаевич**, кандидат военных наук, доцент кафедры управления персоналом, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена.

принят специальный Указ Президента Российской Федерации № 632 от 15 июня 1992 г. «О мерах по реализации Закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов» в отношении казачества» [13, № 316].

Первым уставом казачьего войска, утвержденным специальным Указом Президента России № 612 от 17 июня 1997 г., стал устав Донского войска [14, № 612], в котором было определено правовое поле деятельности этой структуры. Однако сугубо «военная» сущность деятельности казачества и здесь осталась размытой. Так, в п. 35 отмечалось, что «...казаки Войска Донского берут на себя в установленном порядке обязательства по:

- производству и поставке сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для федеральных и региональных нужд;

- участию в охране общественного порядка;

- участию в невойсковой охране государственной границы Российской Федерации;

- участию в охране объектов, находящихся в государственной и муниципальной собственности, а также по сопровождению грузов;

- участию в охране объектов жизнедеятельности населения;

- участию в мероприятиях, связанных с ликвидацией последствий стихийных бедствий и оказанием помощи пострадавшим;

- участию в таможенной охране в составе таможенных органов Российской Федерации;

- участию в несении егерской, природоохранной и экологической службы, а также участию в контроле за использованием и охраной земель;

- участию в охране лесов от пожаров» [22, п. 35].

Более того, в п. 15 было указано, что «...Войско Донское не вправе создавать в своем составе военизированные объединения и вооруженные формирования».

В 1998 г. был введен в действие Указ Президента РФ «Перечень воинских частей, комплектуемых членами казачьих обществ» [5, № 563], в котором было прописана возможность создания новых казачьих воинских частей. Суммарное количество юношей-казаков, которые должны были пополнить эти части, в результате расчетов по оргштатному составу воинских частей МО и ФПС РФ должно было составить 15682 чел. [10, с. 3]. В открытой печати неоднократно публиковалась информация о казаках, героически проявивших себя в ходе антитеррористической кампании в Чечне. Анализ архива МО РФ о награжденных военнослужащих указывает, что около 7000...8600 из них были выходцами из казачества [1, с. 1–16].

Положения Федерального закона № 154 ФЗ от 05.12.2005 г. «О государственной службе российского казачества» [23, № 154] устанавливали общий порядок и направления деятельности казачества:

1) оказывает содействие государственным органам в организации и ведении воинского учета членов казачьих обществ, организует военно-патриотическое воспитание призывников, их подготовку к военной службе и вневоинскую подготовку членов казачьих обществ во время их пребывания в запасе;

2) принимает участие в мероприятиях по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, по гражданской и территориальной обороне, в природоохранных мероприятиях;

3) принимает участие в охране общественного порядка, обеспечении экологической и пожарной безопасности, охране государственной границы Российской Федерации, борьбе с терроризмом;

4) осуществляет иную деятельность на основе договоров (соглашений) казачьих обществ с органами военного управления, федеральными органами исполнительной власти и (или) их территориальными органами, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления муниципальных образований в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Более детальный перечень направлений деятельности казачьих обществ определен в Указе Президента РФ от 16 апреля 1996 г. № 563 «О порядке привлечения членов казачьих обществ к государственной и иной службе» [15, № 563], а также в нормативных правовых актах субъектов РФ.

Согласно п. 8 ст. 5 Закона №154-ФЗ [10] российское казачество может привлекаться к несению муниципальной службы при условии, что казачье общество, внесено в государственный реестр казачьих обществ в РФ в соответствии с Федеральным законом от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [11], Федеральным законом от 2 марта 2007 г. №25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» [12], законодательством субъектов Российской Федерации и уставами муниципальных образований.

Российское казачество на основе государственных и муниципальных контрактов может осуществлять деятельность, связанную с поставкой товаров, выполнением работ, оказанием услуг для государственных и муниципальных нужд, согласно Федеральному закону от 21 июля 2005 г. №94-ФЗ «О размещении заказов на поставки

товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» [13].

Экономическую основу местного казачьего самоуправления может составлять муниципальная собственность, переданная органам местного казачьего самоуправления для осуществления отдельных полномочий органов местного самоуправления.

В муниципальном районе органы местного самоуправления могут привлечь казацьи общества:

- к организации и осуществлению мероприятий по гражданской обороне, защите населения и территории поселения от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера;
- участию в профилактике терроризма и экстремизма;
- участию в предупреждении и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций на территории муниципального района;
- организации охраны общественного порядка на территории муниципального района;
- созданию условий для обеспечения поселений услугами по организации досуга и услугами организаций культуры;
- созданию условий для развития местного традиционного народного творчества в поселениях;
- организации и осуществлению мероприятий по мобилизационной подготовке муниципальных предприятий и учреждений;
- созданию условий для развития сельскохозяйственного производства, расширения рынка сельскохозяйственной продукции, содействия развитию малого и среднего предпринимательства;
- обеспечению условий для развития физической культуры и спорта;
- организации и осуществлению мероприятий по работе с детьми и молодежью.

Согласно действующему федеральному законодательству в компетенцию органов местного самоуправления входит:

- оказание казачьим обществам содействия в осуществлении установленных задач и функций (ч.1 ст. 7 ФЗ №154ФЗ) [14];
- согласование обязательств по несению муниципальной службы (ч.1 ст. 6 ФЗ №154ФЗ) [15];
- создание целевого земельного фонда для предоставления земельных участков казачьим обществам, включенным в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации (постановление Правительства РФ от 8 июня 1996 г. № 667 «Об утверждении положения о порядке формирования целевого зе-

мельного фонда для предоставления земель казачьим обществам, включенным в государственный реестр казачьих обществ в РФ, и режиме его использования» [7, № 667]);

○ осуществление финансирования государственной службы российского казачества за счет средств бюджетов муниципальных образований [31, № 154, ч. 1, ст. 8].

Необходимо решить вопрос о том, является ли государственная служба российского казачества новым самостоятельным видом государственной службы. Если да, тогда в этом случае требуется детальная проработка правовой базы, характеризующей ее как особый вид государственной и муниципальной службы. Если эта служба отличается только субъектом, тогда необходимо внести дополнения, определяющие правовое положение государственных и муниципальных служащих-казаков.

Целесообразным, на наш взгляд, является дополнение положений Федерального закона от 5.12.2005 г. № 154ФЗ [32, № 154], нормами, раскрывающими, во-первых, понятия «государственная служба российского казачества» и «муниципальная служба российского казачества», эти дефиниции должны войти в ст. 2 об основных понятиях.

Во-вторых, необходимым является определение порядка несения государственной и муниципальной службы российского казачества. В-третьих, остается неурегулированным вопрос о социальной защите членов казачьих обществ, несущих государственную и муниципальную службу российского казачества.

Казачьи объединения, являясь некоммерческой организацией, обладают существенной спецификой в сравнении с другими подобными организациями. В этой связи целесообразно дополнить главу 2 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7 ФЗ «О некоммерческих организациях» [2, № 7] новой формой некоммерческой организации – казачьи объединения.

Таким образом, современное федеральное законодательство, регулирующее вопросы казачества, можно охарактеризовать как рамочное, несистематизированное, противоречивое, что не может служить надежной правовой базой для развития правовых отношений.

Другим направлением взаимодействия государства и казачества является создание в регионах муниципальных дружин. Специализированные казачьи дружины образуются для укрепления правопорядка в муниципальных образованиях, проведения мероприятий по пресечению незаконной миграции и ликвидации послед-

ствий чрезвычайных ситуаций. При создании муниципальных дружин для органов местного самоуправления встают вопросы:

- по осуществлению подготовки, переподготовки, повышения квалификации членов казачьих обществ в соответствии с деятельностью специализированных дружин;
- проведению совместных мероприятий с заинтересованными службами и ведомствами;
- решению вопросов по социальной защите членов казачьих обществ;
- созданию необходимой материально-технической базы для проведения мероприятий по ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций;
- разработке документов по вопросам организации и проведения данных мероприятий.

На основании решений органов местного самоуправления дружинники могут участвовать в иных мероприятиях, связанных с обеспечением общественного порядка и общественной безопасности в соответствии с действующим законодательством.

В подписанной 3 июля 2008 г. Президентом Российской Федерации Концепции государственной политики в отношении казачества [4] отмечается востребованность опыта российского казачества по организации военно-патриотического воспитания молодежи. Для этого предполагается сохранить исторические, культурные и духовные традиции российского казачества в воспитательном и образовательном процессе.

Однако среди противоречащих друг другу норм федерального законодательства следует выделить ч. 4 ст. 5 ФЗ № 154 «О государственной службе российского казачества» [34, № 154], согласно которой российское казачество организует военно-патриотическое воспитание призывников, их подготовку к военной службе и вневоинскую подготовку членов казачьих обществ во время их пребывания в запасе, что противоречит положениям ФЗ от 28.03.1998 г. №53 «О воинской обязанности и военной службе» [33, № 53].

Последнее обстоятельство является актуальным и в части привлечения казаков к участию в военно-патриотическом воспитании подрастающего поколения. Этот вопрос отражен в нормативных документах недостаточно четко.

Было бы целесообразно дополнить и переработать данную программу с перспективой до 2015 г., изменив Перечень обобщенных

оценочных показателей (индикаторов) реализации государственной программы внеся коррективы в следующие критерии:

- количество «действующих патриотических объединений, клубов, центров», (включить количество действующих казачьих организаций, вошедших в государственный реестр);

- количество «граждан, регулярно участвующих в работе патриотических объединений, клубов, центров» (дополнить – и казачьих организаций).

В подписанной в июне 2008 г. Президентом Российской Федерации Концепции государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества [5] предполагается осуществить меры по поддержанию казачьих кадетских образовательных учреждений, а также учреждений начального и среднего профессионального образования, внедряющих инновационные образовательные программы. Но понятие «казачий кадетский корпус» (школа, училище, класс и др.) в федеральном законодательстве не закреплено. Хотя определенные шаги в этом направлении уже предприняты.

За последние два года были приняты следующие правительственные документы:

1. Указы и распоряжения Президента Российской Федерации:

- «О смотре-конкурсе на звание "Лучший казачий кадетский корпус" от 30.08.2009 г. № 977 [16, № 977].

- «Об утверждении Положения о порядке принятия гражданами Российской Федерации, являющимися членами казачьих обществ, обязательств по несению государственной или иной службы» от 07.10.2009 г. № 1124 [17, № 1124].

- «Об учреждении гербов и знамен войсковых казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации» от 09 февраля 2010 г. № 168 [18, № 168].

- «О чинах членов казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации» от 09 февраля 2010 г. № 169. [19, № 169].

- «Об удостоверении казака, выдаваемом членам казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации» от 09 февраля 2010 г. № 170 [20, № 170].

- «О форме одежды и знаках различия по чинам членов казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации» от 09 февраля 2010 г. № 171 [21, № 171].

•2. Постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации:

• «О порядке привлечения членов казачьих обществ к несению государственной или иной службы и порядке заключения федеральными органами исполнительной власти и (или) их территориальными органами договоров (соглашений) с казачьими обществами» от 08.10.2009 г. № 806. [8, № 806].

• «О видах государственной или иной службы, к которой привлекаются члены хуторских, станичных, городских, районных (юртовых), окружных (отдельских) и войсковых казачьих обществ» от 26.02.2010 г. № 93 [9, № 93].

• «Об изменениях в составе рабочей группы по подготовке предложений по нормативному регулированию вопросов государственной политики в отношении российского казачества и государственной службы российского казачества» от 17.03.2009 г. № 323р (распоряжение) [11, № 323р].

3. Законы Российской Федерации, в части касающихся внесения изменений в Федеральный закон «О некоммерческих организациях» [3, № 217426-5] и ст. 2 Федерального закона «О государственной службе российского казачества» от 03.06.2009 г. № 107ФЗ [12, № 107].

В условиях сокращения численности армии именно организация территориальной обороны является одним из наиболее экономичных путей поддержания обороноспособности на должном уровне. При этом положительный опыт использования казачества в интересах комплектования русской армии более чем полезен.

Переход Российской армии на полноценную «полуконтрактную» основу потребует несравнимо больших финансовых вложений, создания социально-бытовой инфраструктуры, строительства жилья и т. д. Казаки уже имеют жилье, социально-бытовой вопрос у них уже решен.

Таким образом, достичь кардинального успеха в развитии современного казачества возможно лишь при условии отказа от видения казачества в качестве замкнутой по сословному признаку общности людей, придания казачеству государственного статуса и возрождения иррегулярного характера службы казаков. Решение этой задачи возможно лишь при использовании положительного опыта существовавшей в Российской империи казачьей системы управления казачьими войсками, а также системы комплектования казачьих формирований и порядка службы казаков.

Список литературы

1. Архив МО РФ о награжденных военнослужащих из числа казаков (ДСП).
2. Глава 2 ФЗ от 12 января 1996 г. №7ФЗ «О некоммерческих организациях».
3. Законы Российской Федерации, в части касающихся внесения изменений в Федеральный закон «О некоммерческих организациях» – 17 июня 2009 года Президентом Российской Федерации внесен в Государственную думу проект федерального закона № 217426-5 «О внесении изменений в Федеральный закон «О некоммерческих организациях».
4. Концепция государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества, подписана 3 июля 2008 г. Президентом РФ.
5. Предложения по реализации военных аспектов Указа Президента РФ 1995 года № 563 «О порядке привлечения членов казачьих обществ к государственной и иной службе» – «Перечень воинских частей, комплектуемых членами казачьих обществ».
6. Постановление Правительства РФ от 8 июня 1996 г. № 667 «Об утверждении положения о порядке формирования целевого земельного фонда для предоставления земель казачьим обществам, включенным в государственный реестр казачьих обществ в РФ, и режиме его использования».
7. Постановление Правительства РФ № 806 от 08.10.2009 г. «О порядке привлечения членов казачьих обществ к несению государственной или иной службы и федеральными органами исполнительной власти и (или) их территориальными органами договоров (соглашений) с казачьими обществами».
8. Постановление Правительства РФ от 26.02.2010 № 93 «О видах государственной или иной службы, к которой привлекаются члены хуторских, станичных, городских, районных (юртовых), окружных (отдельских) и войсковых казачьих обществ».
9. Расчет по оргштатному составу воинских частей МО и ФПС РФ (ДСП).
10. Распоряжение Президента РФ от 17.03.2009 г. № 323р «Об изменениях в составе рабочей группы по подготовке предложений по нормативному регулированию вопросов государственной политики в отношении российского казачества и государственной службы российского казачества».
11. ФЗ № 107 от 03.06.2009 г. «О государственной службе российского казачества». Ст. 2.
12. Указ Президента РФ от 25.02.2003 № 250, от 21.03.2005 N 316 «О мерах по реализации закона РФ «О реабилитации репрессированных народов» в отношении казачества.
13. Указ Президента России № 612 от 17 июня 1997 года, Устав войскового казачьего общества "Все великое войско ДОНСКОЕ".
14. Указ Президента РФ от 16 апреля 1996 г. № 563 «О порядке привлечения членов казачьих обществ к государственной и иной службе».
15. Указа Президента Российской Федерации от 30 августа 2009 г. № 977 «О смотре-конкурсе на звание "Лучший казачий кадетский корпус"».
16. Указ Президента Российской Федерации от 7 октября 2009 г. № 1124 «Об утверждении Положения о порядке принятия гражданами Российской Федерации, являющимися членами казачьих обществ, обязательств по несению государственной или иной службы».

17. Указ Президента РФ от 9 февраля 2010 г. № 168 «Об учреждении гербов и знамен войсковых казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации».

18. Указ Президента Российской Федерации от 9 февраля 2010 г. № 169 «О чинах членов казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации».

19. Указ Президента Российской Федерации от 9 февраля 2010 г. № 170 «Об удостоверении казака, выдаваемом членам казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации».

20. Указ Президента Российской Федерации от 9 февраля 2010 г. № 171 «О форме одежды и знаках различия по чинам членов казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации».

21. Устав Войскового казачьего общества «Всевеликое войско Донское», п. 35.

22. ФЗ РФ № 5303-1 от 01.07.93 «О реабилитации репрессированных народов».

23. ФЗ №154 от 05.12.2005 г. «О государственной службе российского казачества», п. 8 ст. 5.

24. ФЗ №131-ФЗ от 06.10.2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

25. ФЗ №25-ФЗ от 02.03.2007 г. «О муниципальной службе в Российской Федерации».

26. ФЗ №94-ФЗ от 21.07.2005 г. «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд».

27. ФЗ №154 от 05.12.2005 г. «О государственной службе российского казачества». Ч. 1. Ст. 6, 7, 8.

28. ФЗ №53 от 28.03.1998 г. «О воинской обязанности и военной службе».

29. ФЗ №154 от 05.12.2005 г. «О государственной службе российского казачества». Ч. 4. Ст. 5.

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 94(510).08 «1900/1901»

*В. А. Макаров**

Итоги восстания ихэтуаней в представлении британской образованной публики и проекты «новой политики» в Китае. 1900–1901 гг. (по материалам периодической печати Великобритании)

Восстание ихэтуаней 1900 г. привлекло внимание к проблеме взаимоотношений «Запада» и «неевропейского мира». Вырабатывая модели успокоения Китая, представители британского истеблишмента поднимали вопросы идентификации «своего» и «чужого», рассматривали представления европейцев о собственных целях, возможностях и правах в неевропейском мире.

The Boxer rebellion attracted attention to the subject of relationships of «the West» and “Noneuropean World”. Constructing the models of pacification of China, representatives of the British Establishment brought up questions of identification of «Strange» and «Own», examined European’s notions of own aims, potentials and rights in noneuropean World.

Ключевые слова: восстание ихэтуаней, международные отношения на Дальнем Востоке, периодическая печать Великобритании, представления о «другом», британская политика в Китае, раздел Китая, проблема Янцзы.

Key words: The Boxer Rebellion, International Relations in the Far East, British Press, Image of “the Other”, British Policy in China, Disintegration of China, Yangtze problem.

Восстание ихэтуаней 1900 г. было одним из крупнейших анти-европейских выступлений рубежа XIX–XX вв. Оно буквально всколыхнуло образованное общество Европы и Америки, привлекло внимание к проблеме взаимоотношений «Запада»¹ и «неевропей-

* **Макаров Виктор Александрович**, аспирант кафедры всеобщей истории, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена.

¹ Нам кажется уместным применить здесь этот термин, объединяющий в данном контексте Европу, США и в некоторых аспектах даже Японию Мэйдзи как противовес «Восточному миру». Использование термина «Запад» соответствует европейским представлениям изучаемой эпохи и контексту, в котором его употребляли британские авторы по отношению к восстанию ихэтуаней. В глазах европейцев той эпохи, «Запад» и «Восток» были жестко противопоставлены, при этом на полюсе «Запада» располагался единственный источник прогресса и силы, Запад имел монополию на истинную «Цивилизацию». Соответственно, в западном сознании остальной мир воспринимался, как отсталый и враждебный, нуждающийся в исправлении (подробнее см: [4, с. 7]).

ского мира». В тот период «Запад» безоговорочно доминировал над колониальным и полуколониальным окружением. Восстание ихэтуаней было воспринято, как опасная попытка нарушить сложившийся *status quo* [см.: 3, с. 167–169]. Захват Пекина силами союзников и бегство императорского двора во главе с фактической правительницей – вдовствующей императрицей Цыси – положило конец восстанию [2, с. 324] и поставило союзников перед непростой задачей умиротворения Китая и недопущения в дальнейшем подобных антиевропейских эксцессов. Проблема выбора политической линии по отношению к разгромленному, но обладавшему огромным потенциалом Китаю, особенно остро стояла перед правительством Великобритании, имевшей в Китае крупнейшие среди других держав имущественные интересы [1, с. 8], при очень незначительных силах, которые можно было выделить на их защиту без ущерба для обороны империи. Эта проблема широко обсуждалась в британской периодической печати, предназначенной для образованного среднего класса. В дискуссиях об умиротворении Китая, как в фокусе, сконцентрировались проблемы, имевшие непреходящее значение для британского общества той поры: проблема идентификации «своего» и «чужого», представления европейцев о своих целях, возможностях и правах в неевропейском мире, о моральных границах, которые не может пересечь европейский человек на «Востоке». В конечном счете, обсуждая проблему умиротворения Китая, британцы рассуждали о собственной идентичности, определяя себя перед лицом «Другого».

Среди высказывавшихся на страницах британской печати мнений о действиях европейцев после подавления восстания, встречались предложения жестких мер, навеянные недавно пережитыми страхами. На страницах «The Economist» предлагалось¹ «если возможно, повесить принцы Туана над руинами Цзунлиямыня»² [12, р. 942]. Цыси предлагалось сместить «за беспрецедентное оскорбление, которое она нанесла Европе» [17, р. 1062]. Другой автор с гордостью подчеркивал, что европейцы «нанесли китайской империи оскорбление, совершенно равное оскорблению, нанесенному Европе бомбардировкой посольств» [18, р. 1210]. Проблема наказа-

¹ Авторство материалов в подавляющем большинстве анализируемых нами изданий не указывалось. Если автор статьи известен, это будет отмечено в тексте.

² Цзунлиямынь – высший коллегиальный орган управления иностранными делами цинского Китая (1861–1901 гг.). В реальности не играл определяющей роли при формировании внешней политики, но автором статьи, очевидно, считался одним из важнейших центров подготовки антиевропейских акций.

ния вдовствующей императрицы была рассмотрена в интересном ракурсе в статье в «The Economist» «The First Duty of Europe in China», вышедшей месяц спустя после занятия союзниками Пекина. Автор подчеркивал, что Цыси необходимо наказать именно за нарушение международного права. Но, как выясняется, речь шла о праве, защищавшем исключительно европейцев. В той же статье отмечено, что турецкого султана Абдул-Хамида II – инициатора массового истребления армян – можно не наказывать, так как по его приказу резали его подданных [14, р. 1298–1299]. По его мнению, если Цыси не понесет наказания, это будет означать в глазах китайцев «дискредитирующее (европейцев – В. М.) отречение от правосудия» [14, р. 1298]. С точки зрения автора этой статьи главной ценностью выступала не столько европейская цивилизация, подвергшаяся атаке неевропейских сил, сколько преобладание и безопасность европейцев в мире. Отлично сознавая важность поддержания престижа Европы, автор настаивал на максимально жестком наказании провинившихся. Он последовательно доносил до читателей свою позицию, не смущаясь мелочностью, негуманностью и следованием политике двойных стандартов, которые идея поддержания престижа Европы приобрела в его интерпретации.

Однако преобладали в британской прессе и более трезвые взгляды на ситуацию. Движение ихэтуаней – «наказание за нашу чрезмерную самоуверенность и нашу нерасторопность в прошлом – наказание, которое должно научить нас проводить в будущем другую политику» [10, р. 425], – отмечалось на страницах такого авторитетного издания, как «The Times» в разгар боев с ихэтуанями.

Одной из проблем, вызывавших устойчивое беспокойство британских авторов, были отношения разбивших Китай союзников между собой. Автор безымянной статьи в «The Economist» отмечал, что пребывание союзных войск в Пекине может привести к ссорам союзников, «более важным и более опасным, чем китайская война» [17, р. 1210]. Беспокойство британской публики вызывало усиление позиций России в Китае, наиболее существенное в территориальном отношении после оккупации Маньчжурии. По мнению автора, в обмен на проявленную инициативу по очистке Пекина, царь легко получит фактический контроль над Маньчжурией [16, р. 1266]. Автор анонимной статьи «The Chinese Problem» полагал, что русская политика в Маньчжурии «открывает путь для того, чего мы боимся – раздела Китая» [9, р. 1363].

Беспокойство британских авторов, хотя и в меньшей степени, вызывали далекоидущие притязания Германии. «Монарх из Гогенцоллернов никогда не потратит зря свои деньги или свои силы» и,

значит, будет требовать наказания Китая. Было даже высказано предположение, что Вильгельм II желал поймать императрицу и подписать договор «на острие меча» [17, р. 1210]. Знаменитая «гуннская речь» Вильгельма II вызвала сугубо негативную реакцию в британской прессе. Автор статьи «The Chinese Problem» не соглашался с позицией немецкого императора. «Наказание преступников одно, мщение всем – совсем другое» [9, р. 1363]. В британской прессе отмечалось, что общественное мнение в мире и в самой Германии было шокировано «спонтанной декларацией кайзера о мщении...Германия должна отмежеваться от этой дикой политики, или не будет иметь кооперации с другими державами» [9, р. 1363]. Анализируя реальные возможности Германской империи на Дальнем Востоке, британцы обращали внимание на то, что для Германии война один на один с Китаем невозможна, несмотря на боевой пыл кайзера.

Французские планы виделись британцам в черном свете: «Франция заявила» что если Россия присоединит Маньчжурию, Франция тотчас захватит свою «сферу» (слово «сфера» взято в кавычки британским автором) в Южном Китае [9, р. 1363–1364]. Япония, утверждалось на страницах «The Economist», не покинет Пекин из-за амбиций и жажды новых территорий [17, р. 1210]. США вывели войска из Пекина, но могут потребовать свою долю в случае победы республиканцев [9, р. 1363–1364]. По мнению Британии, точку зрения которой защищал автор статьи «The Chinese Problem», если Германия «захватит то, что она рассматривает, как свою часть добычи... Англия, откажется от политики «открытых дверей», и объявит активную интервенцию в долину Янцзы» [9, р. 1363–1364].

В связи с опасениями распространения беспорядков в южный Китай проблема Янцзы привлекала особое внимание в прессе Великобритании. Общепризнанная позиция сводилась к тому, что британцы должны исполнить «свой долг, как по отношению к себе, так и к цивилизации», и предотвратить распространение восстания в богатые провинции Янцзы. Автор статьи «The Crisis in China» открыто призывал «поддерживать просвещенных вице-королей (юга) против тиранической маньчжурской касты в Пекине» [10, р. 521]. Фактически это означало бы превращение региона Янцзы в сферу непосредственного влияния Британии. Понимая это, автор для легитимации своих предложений ссылался на аналогичный опыт России. «Поскольку Россия имеет в руках Маньчжурию, мы можем сделать то же самое в долине Янцзы, где события диктуют нам необходимость обороны» [8, р. i].

В пользу распада Китая для британских интересов стремился убедить читателей и Х. Оберон – автор письма к редактору «The Times» «The Mending of Broken China», опубликованного в октябре 1900 г. Автор выступал против всего, что могло связать свободу Британии и полагал, что лучше всего будет допустить распад Китая на несколько «Китаев». Те, которые будут на побережье, окажутся более склонными к взаимодействию с Западом; тех, что расположатся в глубине континента, можно пока оставить в покое. Это, по его словам, будет «более в интересах самого Китая». Возвращение Цин к власти просто вернет ситуацию к *status quo*. Положение Поднебесной затем продолжит ухудшаться [5, р. i].

Но в то же время у подавляющего большинства британских авторов не вызывало ни малейшего сомнения, что «Общий интерес всей Европы – сохранить... центральное китайское правительство» [6, р. 808]. «Европа не желает видеть Китай доведенным до состояния политического вырождения» [15, р. 874]. «Наша фундаментальная идея состоит в том, чтобы уважать целостность Китая», британцы не должны допускать падения авторитета его правительства [9, р. 1363]. Подобных цитат можно было бы привести ещё множество.

Британская аргументация против раздела Китая отличалась продуманностью и убедительностью: о китайской империи писали: «европейцы могут управлять её провинциями более выгодно для их населения, но эта операция будет... столь затруднительной и столь непредсказуемой по результатам, что лучше избегать её» [7, р. 1494]; «Завоевание Китая невозможно; установление силой иностранного ига достаточно сложно даже в части обширной империи» [9, р. 1363]. Автор статьи «The Dangerous Situation in China» отмечал «люди, пишущие... о "разделе", как о возможном окончательном решении, не знают, что говорят и никогда не подсчитывали какую новую ношу они собираются взвалить на наши и так обложенные тяжелыми налогами ресурсы». Даже англичане, с их имперскими возможностями и опытом не смогли бы управлять «сотнями миллионов потенциальных боксеров»¹ [13, р. 843].

На страницах «The Times» были изложены речи депутатов Британского парламента, посвященные проблеме Китая. Особенно интересны две из них, произнесенные в Палате Общин незадолго до взятия союзниками Пекина. Один из видных британских политиков,

¹ Принятое у современников и в мировой исторической науке название движения ихэтуаней – «Боксерское восстание».

ранее занимавший пост помощника главы министерства иностранных дел Британии (хотя в момент произнесения речи не имевший постов в британском МИД) – Э. Грей – считал, что в будущем европейцы в Китае должны будут действовать очень осторожно. «Расширение территорий в виде компенсации за убытки нельзя даже обсуждать», – полагал он. Призыв к осторожности в полной мере относился и к деятельности миссионеров. Грей был сторонником персонального наказания для ответственных высокопоставленных лиц Китая. По мнению этого авторитетного политика, в интересах Британии было бы создать в Китае независимую, сильную и современную систему правления. Грей подчеркивал: «в дальнейшем не должно быть никаких попыток приобретать внутренние территории со стороны любой из держав». Политик отмечал, что Китай, хотя и малоподвижен, «все ещё владеет силой сопротивления и ненависти». «Уроки последних нескольких лет должны быть запечатлены в нашем сердце и раздел Китая не должен стать объектом стремлений держав» [18, р. 507].

Китайскую тему продолжал развивать другой парламентарий – Бродрик. Отношение его к возможному разделу было сугубо негативным. «Правительство должно решительно противиться любой политике раздела, полагая, что это подвергнет опасности интересы торговли, и они не имеют основания полагать, что этот взгляд приходит в противоречие со взглядами других держав», – считал Бродрик. О желательной форме правления в Китае он отзывался так: «это должно быть правительство китайцев (и) для китайцев» [18, р. 508].

Британцы ясно осознавали и трудности сохранения в Китае централизованного правительства. Ясно было, что победа над Китаем, оккупация и получение репараций, даже установление выгодных европейцам тарифов не принесут долговременного успеха. Проблема, с точки зрения компетентных авторов, заключалась не в смене императрицы, а в защите ставленника Запада. Автор статьи в «The Economist» «The Problem of China» сомневался, что контролируемый иностранцами император имел бы достаточный авторитет, чтобы продержаться хотя бы один сезон. Ему откажутся подчиняться провинциальные губернаторы. Признавалось, что молодой император (Цзяй Тянь, при котором до его отстранения от власти в 1898 г. проводилась политика «100 дней реформ» – В.М.) безволен и «не пользуется уважением черни, как реформатор». Тот же эффект будет иметь место, если у власти окажется малолетний родственник императора. Иностранный протекторат Китая также невозможен, так как одна держава, став протектором, слишком уси-

лится, а несколько – постоянно будут в ссоре [7, р. 1494]. «Китайская проблема становится день ото дня все более затруднительной и неясной» [9, р. 1363]. «Никто в Европе даже не делает вида, что видит, как решить эту проблему» [15, р. 874], – резюмировалось на страницах «The Economist».

Самостоятельный взгляд на разрешение проблемы Китая предлагал автор письма редактору «The Times», опубликованного почти сразу после занятия Пекина, скрывавшийся под псевдонимом «Х». Виновниками выступления ихэтуаней «Х» прямо называл самих европейцев, которые, не церемонясь, отторгали у Китая территории. Китай доказал иностранцам, что он «не такой умирающий, как они думали», – резюмировал «Х» [19, р. iii].

Он считал неприемлемым наказывать Китай разрушением Пекина или уничтожением императорских гробниц. «Такие акции... недостойны цивилизации» [19, р. ii]. «Х» предлагал ввести индивидуальное наказание ответственных за уничтожение европейцев чиновников, в том числе и членов императорской фамилии. Согласно формулировке «Х», они должны получить воздаяние за вопиющие нарушения порядка и невыполнение правительством своих элементарных функций [19, р. iii]. «Х» предупреждал, что проведение реформ в Китае исключают возможность раздела страны, но, особенно отмечал он, далеко не гарантируют его прозападного курса и «свободы делать в Китае (то), что мы захотим». «Х» убеждал аудиторию «The Times», что проведение политики равноправия по отношению к Китаю вызовет симпатию китайцев к иностранцам [19, р. iii].

В том же номере «The Times» в статье «The Crisis in China», обсуждалась статья «Х». Автор соглашался с «Х», что массовая расправа с китайцами уронит престиж Запада не только в глазах китайцев, но и в собственных глазах европейцев. Он декларировал необходимость изменить политику по отношению к «Востоку и, прежде всего... к Китаю». «Можно надеяться, что этот урок, наконец, будет выучен», – предполагал он. Автор подчеркивал, что возвращение к власти императора должно означать конец политики раздела Китая и «сфер влияния» [10, р. 521]. Однако признавалось, что пока Европа не может общаться с Китаем словно с равным, как, к примеру, с Японией. «Лучший шанс для будущего Китая будет лежать в воздержании европейских держав от вмешательства, независимо – в форме агрессии или интриги. Защищать интересы коммерции и личные права, конечно, настоящий долг, но за пределы этого британская политика никогда не должна желать про-

двигаться», – убеждал он читателя [10, р. 521]. Британцу хотелось бы, чтобы этому правилу следовали и все прочие державы.

Итак, анализируя суждения британцев о способах «умиротворения» Китая, можно выделить две точки зрения – о необходимости жестокого «карательного» наказания Китая или о налаживании с ним взаимовыгодных отношений, основанных на уважении, которые исключат в будущем повторение эксцессов, подобных движению ихэтуаней. Для сторонников обеих моделей действия очень важен эффект, который произведут на китайцев европейские действия. Для обеих групп авторов важно поддерживать репутацию «белого человека».

Сторонников жестокого наказания Китая среди британских авторов, несмотря на их страстную убежденность в правоте своей позиции, было немного. Преобладало желание в перспективе поставить отношения с Китаем на основу взаимной выгоды, вести их настолько равноправно, насколько это возможно в сложившейся ситуации. Признавалась необходимость считаться с интересами самого Китая при проведении политики на Дальнем Востоке. Наиболее дальновидные и компетентные авторы не скрывали, что равноправные отношения с Китаем вовсе не приведут непосредственно к развитию европейской коммерции и осуществлению других целей европейцев в Китае. Но они послужат началом долгого и трудного процесса приспособления Китая к европейским порядкам.

В процессии разработки моделей «успокоения Китая», анализируя частный случай – восстание ихэтуаней и события, связанные с ним, – представители британского истеблишмента поднимали глобальные вопросы идентификации, способов и путей взаимодействия «Запада» и «Востока»; «своего» и «чужого». И «каратели», и сторонники уважительного обращения с Китаем настаивали на наказании виновников движения ихэтуаней. И те, и другие ставили в вину ихэтуаням и их высокопоставленным сторонникам нарушение международных законов (некоторые авторы прямо признавались, что нарушены были законы, защищавшие европейцев); и оскорбление европейской цивилизации. Цинские власти обвинялись в пренебрежении своими обязанностями. Британцы декларировали себя твердостоящими на позициях «друзей Китая», будучи уверены, что их действия должны приносить пользу Поднебесной, и считая, что они грамотнее, чем китайцы определяют, что лучше, а что хуже для Китая.

Восстание ихэтуаней убедило европейских авторов, что Китай достаточно жизнеспособен и может дать ответ на силовое вмешательство в его дела. «Катастрофа на Дальнем Востоке» способствовала пониманию того, что в отношении Китая необходимо проводить более уважительную и взвешенную политику.

Список литературы

1. Зарина Л. Л., Лившиц С. Г. Британский Империализм в Китае. 1896–1901. – М.: Наука: Гл. ред. вост. лит-ры, 1970.
2. Калюжная Н. М. Восстание ихэтуаней. (1898-1901). – М.: Наука: Гл. ред. вост. лит-ры, 1978.
3. Макаров В. «Борьба за Цивилизацию» против «сакральной войны варваров»: восприятие британскими интеллектуалами восстания ихэтуаней (по материалам «The Nineteenth Century») // Война и сакральность: материалы Четвертых междунар. науч. чт. «Мир и война: культурные контексты социальной агрессии» (Санкт-Петербург, Выборг, Старая Ладога 1–4 окт. 2009 г.) / отв. ред. И. О. Ермаченко, С. М. Капилупи. – М., СПб., 2010. С. 167–169.
4. Сайд Э. Ориентализм: западные концепции Востока. – СПб.: Русский мир, 2006.
5. Auberon H. The Mending of Broken China to the Editor of the Times // The Times Weekly Edition. 1900. Vol. XXIV. № 1234. October 19.
6. Russian Diplomacy in China // The Economist. 1900. June 9.
7. The Anglo-German Agreement in China // The Economist. 1900. October 27.
8. The China Blue Book // The Times Weekly Edition. 1900. Vol. XXIV №1231. August 3.
9. The Chinese Problem // The Economist. 1900. September 29.
10. The Crisis in China. / Foreign Intelligence // The Times weekly edition. 1900. Vol. XXIV. – № 1227. July 6.
11. The Crisis in China // The Times Weekly Edition. 1900. Vol. XXIV. № 1233. August 17.
12. The Dangerous Side of the Situation in China // The Economist. 1900. July 7.
13. The Dangerous Situation in China // The Economist. 1900. June 16.
14. The First Duty of Europe in China // The Economist. 1900. September 15.
15. The Problem of China // The Economist. 1900. June 23. The Chinese Problem // The Economist. 1900. September 29.
16. The Russian Proposal to Leave Peking // The Economist. 1900. September 8.
17. The Situation in China // The Economist. 1900. August 25.
18. Tuesday, August 2 / House of Commons / Imperial Parliament // The Times Weekly Edition. 1900. Vol. XXIV. – № 1232. August 10.
19. X. To the editor of The Times. The Chinese Crisis and its Settlement // The Times Weekly Edition. 1900. Vol. XXIV. № 1233. August 17.

Сведения об авторах

Буранок Сергей Олегович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Поволжская государственная социально-гуманитарная академия; e-mail: witch-king-1@mail.ru

Верхотурова Татьяна Геннадьевна – ассистент кафедры гуманитарных наук, Красноярский государственный торгово-экономический институт; e-mail: tatyana-verkhoturova@yandex.ru

Голубев Александр Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент, Петрозаводский филиал Петербургского государственного университета путей сообщения, директор филиала; e-mail: kasa-g@yandex.ru

Иванов Андрей Александрович – кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена; e-mail: andriv78@ya.ru

Кочеткова Елена Алексеевна – слушательница, Европейский университет в Санкт-Петербурге; e-mail: Lena-kochetkova2008@yandex.ru

Кутузов Александр Владиславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Северо-Западный филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации (Санкт-Петербург), действительный член Академии военно-исторических наук, член Ассоциации историков битвы за Ленинград и блокады; e-mail: kusalv@mail.ru

Макаров Виктор Александрович – аспирант кафедры всеобщей истории, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена; e-mail: ma_victor@mail.ru

Подольский Сергей Игоревич, аспирант кафедры русской истории факультета социальных наук, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена; e-mail: octet@narod.ru

Сидорова Виктория Сергеевна – аспирант кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: samanta-d@mail.ru

Соловьёв Дмитрий Николаевич – кандидат военных наук, доцент кафедры управления персоналом, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена; e-mail: botanik-s@yandex.ru

Стогов Дмитрий Игоревич – кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории культуры, государства и права, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»; e-mail: bel-grigorij@yandex.ru

Тропов Игорь Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения; e-mail: itropov@ya.ru

Фортунов Владимир Валентинович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, Петербургский государственный университет путей сообщения; e-mail: itropov@ya.ru

Требования к научным статьям

К публикации в Вестнике Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина принимаются статьи, отражающие широкий спектр актуальных вопросов исторических наук.

Обязательным условием публикации результатов научных работ для кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя, несущего ответственность за качество представленного научного материала и достоверность результатов исследования. Публикации результатов докторских исследований принимаются без рецензий.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

Требования к оформлению материалов

Материал должен быть представлен тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Cyr, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок в автоматическом режиме Word.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [5, с. 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

2. Автореферат

Автореферат содержит:

- название статьи и ФИО автора – на русском и английском языках.
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами.
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

3. Сведения об авторе

Содержат сведения об авторе: фамилия, имя, отчество полностью, место работы и занимаемая должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований, редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статью, оформленную в соответствии с прилагаемыми требованиями, можно:

- выслать по почте в виде распечатанного текста с обязательным приложением электронного варианта по адресу: 196605 Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10. Кафедра истории, каб. 207^а;
- отправить по электронной почте: E-mail: itropov@ya.ru

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить редакционные (не меняющие смысла) изменения в авторский оригинал.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, 10
тел. (812) 476-90-34

Научный журнал

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

**№ 1
Том 4. История**

Выпускающий редактор *А. А. Титова*
Редактор *Т. Г. Захарова*
Технический редактор *Н. П. Никитина*

Подписано в печать 18.03.2011. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 8,25. Тираж 500 экз. Заказ № 619

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10

РТП ЛГУ 197136, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 25а